

ЭКСПОЗИЦИЯ ЧУВСТВ

ПРОЛОГ

Март 20X2 года

Глеб Гордин вышел из машины. Промозглый ветер обжег лицо, растрепал волосы и распахнул полы короткой куртки. Глеб ссутулился и поднял воротник. Под ногами хлюпала каша растаявшего снега. Город был по-зимнему неопрятен, но в воздухе уже проклевывались волнующие запахи весны. Март все-таки! Глеб досадливо поморщился, заметив грязные брызги на глянцевої коже ботинок. В прошлый раз агрегат для чистки обуви не работал. Успели починить? Иначе придется пожертвовать носовым платком.

До назначенной встречи оставалось восемь минут. Только бы дура-секретарша из разряда хронических блондинок не забыла заказать пропуск. Тогда есть шанс успеть. Здесь ходу от силы три минуты. Еще четыре - на оформление. И минута чтобы подняться на лифте на третий этаж.

Сейчас банкиры опять начнут руки выкручивать. Будут нудить, что функциональность системы должна быть шире, цена ниже, а сроки разработки – короче. Послать бы их... Но нельзя: стратегическая разработка. Отличный шанс сделать один раз за деньги жирного клиента, а потом тиражировать. С минимальными изменениями. И будет фирме счастье и Большой Кэш.

Глеб поравнялся с прозрачным скворечником автобусной остановки. Автобуса давно не было. Пассажиры озябшими воробьями жалась к стеклянной стенке, залепленной огромным рекламным плакатом.

Сознание Гордина уже давно выработало защитный механизм против рекламы: слушать и не слышать, смотреть и не видеть. Рассеянным взглядом Глеб мазнул по картинке: блеклая сепия, сдвоенная фигура... И вдруг что-то внутри отозвалось импульсом неосознанного узнавания. Между ним, Глебом Гординым, и этим уличным постером существовала связь: очевидная и невероятная.

Глеб усилием сконцентрировался. Нет, этого не может быть! Это бред какой-то! Наваждение! Как? Откуда? Гордин пальцем надавил на глазное яблоко. Изображение расплылось, но не исчезло. Оно по-прежнему издевательски маячило перед глазами, вызывая тяжелое буханье сердца.

В одной из половинок сдвоенной фигуры Глеб узнал себя. В другой – Анну, свою несостоявшуюся любовь. Только недавно он перестал искать ее глазами в толпе, обливаться потом от обманок случайного сходства, вздрагивать при каждом телефонном звонке... И тут вдруг этот невозможный плакат, будто бы всплывший из омута подсознания!

Там, на плакате, Гордин прощался с Анной после короткого незаконного романа, в котором оба они сошли с ума. Глеб обнимал ее в последней попытке удержать, не позволить уйти в ту жизнь, где место рядом с ней занято другим мужчиной. И мальчиком одиннадцати лет.

Повернутый влево острый профиль Анны четко прорисовывался на фоне черного плаща Глеба. А сам он пустыми глазами человека, смирившегося с неизбежностью, смотрел в другую сторону.

Да, так оно и было. В тот день Анна совсем ослабела от рыданий и все повторяла: «Глебушка, так надо. Я должна, понимаешь, должна...». И снова ее слова прошелестели в памяти Гордина, воскресив застарелую обиду...

Тем временем к остановке подкатил долгожданный автобус и с металлическим лязгом раскрыл двери. Пассажиры, повеселев, друг за другом полезли в теплый запотевший салон. Автобус пукнул облачком голубоватого дыма и покатил дальше. А Глеб все стоял перед плакатом, растерянный, смятенный, захлебнувшийся в потоке воспоминаний...

Из прострации его выдернул настойчивый телефонный звонок. На краткий миг, несмотря на всю абсурдность предположения, Гордину представилось, что звонит Анна. И нервно тыкая пальцем в дисплей смартфона, он был почти уверен, что сейчас услышит тот неподражаемый серебряный голос, что неизменно ускорял ток его крови. Однако при первых же словах, наваждение рассеялось:

- Глеб? Мы здесь уже собрались и ждем вас. Вы скоро?

Это был заждавшийся банкир - партнер Гордина. Глеб еле удержал готовое сорваться с губ ругательство:

- Извините. У меня тут по дороге случился форс-мажор.

- Но вы приедете? Когда? – настаивала телефонная трубка.

- Я уже практически на месте. Как раз подхожу к вашему зданию. Буду минут через пять-десять.

- Отлично, ждем.

Разговор вернул Гордина в реальность. Времени на переживания не было. Надо отложить загадку на потом, на «после совещания».

Но вопреки собственному благоразумному решению, Глеб начал изучать текст плаката. Над головами обнявшихся любовников крупные буквы кричали: «Best of Russia». Гордина даже передернуло. Запечатленный на постере день точно не был лучшим в его жизни. А для России их с Анной связь и мучительный разрыв не значили вообще ничего. Короткое слипание двух песчинок в гигантской пустыне.

Внизу плаката мелко и по-деловому сообщалось, что с 20 февраля по 21 марта проходит выставка фотографий победителей и участников ежегодного конкурса. Теперь кое-что стало проясняться... Значит, это - лучшая фотография. Значит, их с Анной подстрелил какой-то гребанный папарацци. Исподтишка. Подсуетился – и на тебе: «лучший в России»! Паршивец!

Гордин в ярости саданул по плакату кулаком. Стекло жалобно задребезжало, но выстояло. Побегавшая мимо девчонка укоризненно посмотрела на Глеба. Тот растянул губы в покаянную улыбку и пожал плечами: дескать, у каждого бывают критические дни...

Вернувшись к мелкому тексту, Гордин выудил новую подробность: «... в арт-центре «Винзавод». Вся эта история сильно смахивала на пьяный бред. Прodelки «белочки». Где же еще и проходить такой выставке, как ни на Винзаводе? Интересно, где это?

Внезапно Глеб опомнился: банкиры заждались, сейчас снова трезвонить начнут! Потом, все потом! Гордин снял плакат на камеру смартфона. И на всякий случай проверил: не галлюцинация ли? Нет. Изображение было резким и отчетливым: фигуры обнявшихся любовников, название выставки, время и место. Плакат был абсолютно реален!

Глава 1.

Октябрь 20X1 г.

Не дожидаясь разболтанного скрипучего лифта, Саша легко взбежала на третий этаж и вдавила кнопку звонка. За дверью разнесся знакомый кудахчущий звук, послышались тяжелые шаги, скрежетание замка, и дверь открылась.

Саша ткнулась носом в душистую гладко выбритую щеку:

- Привет, дедун! Я звонила, но у тебя было занято. Я к тебе похвастаться. У меня сегодня крутейшая добыча! Нечего, что я без приглашения?

- Ничего. Но, Александра Федоровна, я уже многократно просил вас не называть меня уничижительной кличкой «дедун».

- «Александра Федоровна»? Ну, точно обиделся! Все, Элем, я больше так не буду. Мир?

- Воистину мир.

- Каким ты сегодня франтом! У тебя что, новый наряд? Круто! Это Лана сшила? Кстати, где она? Или ты один? Ждешь кого-нибудь? – торопливо стреляла вопросами Сашка.

- Да, Лана, да, один и нет, не жду. Ланочка еще с утра уехала на какой-то модный показ.

- А тебя, бедненького, с собой не взяла?

- И слава богу! Снимать меня туда не приглашали... А просто так созерцать молодые прелести в моем возрасте уже вредно для здоровья.

- А молодую подругу иметь не вредно?

- Напротив, девочка, полезно! Подрастешь, поймешь.

Сашиному деду Элему Арсеньевичу Корбусу было чуть за семьдесят. Но Сашке никогда не пришло бы в голову назвать его стариком. Он выглядел джентльменом в «advanced ages»¹. В свое время Корбус был очень недурен собой, хотя внешность его была грубой работы. Точно у природы не хватило времени на тонкую отделку лица, и она ограничилась скульптурным эскизом. Зато эскиз явно вышел из-под руки мастера: крупный нос, «сердитые» черные брови, резко очерченный рот, подбородок с глубокой ямкой. Мужественное лицо.

¹ Пожилого возраста, буквально в продвинутых годах

В себе Саша отчетливо видела признаки корбусовой породы, хотя ее кровь была дважды разбавлена по женской линии. От деда ей передался высокий рост, крупная пластика черт, ямочка на подбородке. Материнские гены смягчили овал лица, и проявились в пухлых губах. Брюнетистая масть вылиняла до каштановой, а в цвет глаз «хорошо прожаренный кофе» добавились сливки. Но брови так и остались корбусовскими: широкими, крылатыми.

А еще от деда Сашке передалась страстная любовь к профессии. В советское время Элем Корбус был известным фотографом-портретистом. Тогда открытки с портретами популярных киноартистов продавались по всему Советскому Союзу - буквально в каждом газетном киоске. И фамилия автора была напечатана на обратной стороне каждой карточки мелкими трудноразличимыми буквами.

На пике карьеры Корбус печатался в «Советском экране», «Искусстве кино» и даже в «Огоньке». Но в девяностые, когда респектабельные издания стали закрываться, вытесненные мутным потоком желтой прессы, Элем переключился на съемки новых русских в кричащих о роскоши интерьерах их квартир и загородных коттеджей. Корбус до тошноты ненавидел гламур и пытался внести в каждый портрет хоть какой-то намек на отражение человеческой души. Но заказчики требовали, чтобы было «красиво и богато». И, как это обычно бывает в искусстве, материальный интерес вошел в конфликт с художественными принципами. Корбус решил его по-библейски мудро - «есть время разбрасывать камни, и есть время собирать камни». Девяностые и начало двухтысячных были обозначены им как «время собирать бабки», то есть зарабатывать на приличную пенсию. Поэтому, стиснув зубы, вопреки собственным эстетическим принципам, Корбус несколько лет эксплуатировал свое пока еще не забытое имя: снимал много, «красиво и богато».

В результате он смог купить две квартиры, доходы от которых обеспечивали ему «достойную старость». А в одной из комнат основной квартиры оборудовал вполне приличную фотостудию. Но как только поставленные цели были достигнуты, Корбус немедленно прекратил прием заказов от нуворишей и занялся практически дармовым преподаванием в фотошколе. Зато в полном соответствии со своими художественными принципами. Изредка он брался за коммерческие заказы, но только по знакомству. И только если заказчики не препятствовали его творческим замыслам.

Саша стала любимой ученицей деда. И не по родству крови, а по сходству взгляда на жизнь. По общности интереса к людям. Пока Саша училась и таскала Элему свои слабенькие ученические работы, тот громил ее нещадно, безо всяких уступок самолюбию (Корбус вообще был знаменит нарочитой недипломатичностью высказываний):

- Это что у тебя такое? Почему мужик столб нюхает (на снимке профиль мужчины совмещался с торчавшим сзади столбом)? Почему не следишь за задним планом? А ступни ему зачем ампутировала? У него что, гангрена что ли? Смотри: над головой - пустое небо, а на ступни места не хватило? В итоге ты сняла историю про городского инвалида-токсикомана. Плохо, Александра Федоровна! Очень плохо!

И как бы не было Сашке обидно, она вынужденно соглашалась с критикой. И даже сама присоединялась к измышательствам Корбуса над очередным провалом.

Но Александра быстро училась. И хотя, рассматривая ее работы, дед продолжал ворчать, по особой теплоте голоса Саша безошибочно могла определить, когда ему нравится «карточка» («карточками» тот по старинке называл все фотоизображения –

неважно, отпечатанные или представленные на экране). Изредка Корбус даже снисходил до похвалы - скупой, немногословной, но от того еще более ценной:

- Неплохо-неплохо. Можно было бы и поближе подойти, пошире взять. Но эмоция есть. Вот здесь справа пустовато, еще бы какой-нибудь небольшой объект добавить, и было бы совсем нормально. Неплохая карточка!

В такие моменты признания Саша ощущала себя почти что новым Картье-Брессоном².

Вот и сейчас она ерзала от нетерпения похвастаться снятым шедевром. Вслед за дедом Саша вошла в студию – просторную комнату с высоким потолком, пустыми белыми стенами и окном, закрытым матовой шторкой. В стерильной чистоте помещения ощущалось что-то медицинское, как в операционной. У окна примостился рабочий стол с компьютером, где Элем из «сырцового» изображения создавал окончательные версии своих «карточек». Хотя Корбус и ворчал, что «цифра» развратила фотографов, сам он давно отказался от пленки и колдовства с химикатами в темной комнате. Элем сел за стол и протянул руку:

- Ну, что там у тебя? Показывай! Вижу, что не терпится...

Деду самому не терпелось посмотреть. И хотя он тщательно маскировал интерес напускным равнодушием, Саша видела, как загорелся в его взгляде жадный огонек. Александра протянула Элему планшет с изображением:

- Вот!

Корбус нацепил на нос очки в тонкой металлической оправе и недовольно уставился на маленький экран.

- А напечатать не могла? Что ты мне на своем телевизоре показываешь? Хорошая карточка требует хорошей печати.

- Не ворчи, как дед, Элем. Это не карточка, а сырье. Только что с камеры качнула. Совсем свежак... Ну, что скажешь? Круто?

Корбус некоторое время интригующе помолчал, внимательно разглядывая снимок.

- Ту-ту-ту... А тебе самой нравится?

От этого вопроса у Сашки пресеклось дыхание... Неужели ее подвело художественное чутье («чуйка», как говорил Корбус)? Сегодняшняя добыча показалась ей лучшей фотографией последнего времени... Неужели «пустышка»?

- Н-н-нравится... А тебе нет?

- Где ты этих любовничков подстрелила?

- В Музее³. Что, плохо?

- Нет, не плохо. Даже очень неплохо. Хорошая карточка, с добавленной стоимостью. И образ получился, и эмоция есть. Умничка, девочка!

² Анри Картье-Брессон (1908 — 2004) – французский фотограф, основатель уличной фотографии, фоторепортажа и фотожурналистики.

³ Парк на набережной Москвы-реки, являющийся продолжением Нескучного сада и парка Горького

Саша вспотела от радости, смущенная и удивленная таким непривычно многословным комплиментом.

- И много у тебя таких? – поинтересовался Корбус.

- В смысле?

- Ну, кадров. Ну, ты же не один снимок сделала?

- Нет, конечно. Штук десять. Или даже больше. Пока эти двое не разлепились.

- Параметры съемки меняла? Или просто дубли шлепала?

- Я выдержку⁴ увеличила, чтобы они застыли, а толпа вокруг них размазалась.

- Покажи-ка все, что есть.

Вот это да! Если Корбус требует «показать все», значит, Саша действительно подстрелила шедевральный кадр!

- Ты полистай, я все варианты сюда качнула. Хотела посоветоваться. Не знаю, какой выбрать. И что делать с постобработкой.

Корбус некоторое время шмыгал пальцем по экрану планшета сначала в одну сторону, а потом по второму разу назад.

- Ту-ту-ту... Я бы вот эту взял. Смотри, здесь у дамы черная слеза с тушью до середины щеки доползла. А мужчина челюсть выпятил. Сдерживается из последних сил.

- Зато тут на переднем плане получеловек... Да еще размался... Грязновато как-то... А обрезать не хочется – формат совсем нестандартным станет.

- Бестолочь ты, Александра Федоровна! Учил я тебя, учил, а ты таких простых вещей не разумеешь! Во-первых, этот получеловек дает тебе передний план и углубляет пространство. И замечательно, что он размазанный: так он еще больше отделяет этих двоих от всего остального мира. Все бегут куда-то, спешат, а эти застыли в своей скорби. Умничка, что догадалась выдержку увеличить. Видишь, насколько лучше, чем в первых кадрах?

Саша снова порозовела от похвалы:

- Там в одном кадре еще крутая фишка была. Герои там похуже, но над плечом у мужчины голубь взлетает.

- Я видел. Словно душа отлетает, да?

- Точно! Я тоже так подумала. Только там мужик дернулся. А его мазать ни за что нельзя.

- Да, этих двоих мазать нельзя. Они – сюжетно-композиционный центр и должны быть предельно резкими. А вот голубя впечатать очень даже можно. Только поставь его повыше, над их головами, чтобы исходил, как Дух Святой.

- Дед, ты чему меня учишь? Подтасовкам?

⁴ Время, в течение которого через открытое отверстие (диафрагму) свет действует на матрицу камеры. При длинной выдержке движущиеся объекты получают смазанными.

- Не понял. Ты что, Александра Федоровна, репортажи снимаешь? Или все-таки художественное фото? Это среди репортеров все пуганные. У них там на World Press Photo⁵ если найдут допечатки, выгонят с позором и ославят на весь мир. А у нас - если что-то работает на образ, зачем от этого отказываться?

- Ну, так можно и Бога-отца в небеса впечатать. Пускай взирает на этих двоих с любовью и состраданием. До кучи и на образ поработает!

- Тьфу на тебя, кощунница! Голубь этот ведь на самом деле взлетел. Просто несколькими секундами раньше или позже. Так что грех невелик... История нашего ремесла знает прегрешения и похуже. Помнишь, я тебе показывал знаменитое военное фото Халдея, где над оленем штурмовики летят? Штурмовики-то впечатаны были. А Халдей Евгений Ананьевич⁶ - автор посерьезней, чем сопливая Сашка Корбус. И ничего, анафеме его никто не предал, из профессии с позором не изгнал. Зато созданный им образ запомнился целому поколению.

- Ладно, Элем. Если уж сам Халдей.... Я попробую сделать, как ты сказал. Как вариант.

- Попробуй, девочка, попробуй... А не хочешь в чебэ⁷ перевести? Ведь эта карточка о вечном... А цвет от чувства отвлекает. Вот, например, эта красная куртка слева явно лишняя – слишком активное пятно. И вот эта голубая одежда тоже здесь не по делу доминирует. А? Что скажешь?

- Согласна. Но совсем чебэ я не хочу. Мне важно, чтобы на снимке были желтые листья. Я хочу, чтобы было видно, что это – осень. Время итогов. Это конец их любви. Может, чебэхнуть все, кроме желтого? Как ты думаешь, пойдет?

- Время итогов, говоришь? Ту-ту-ту... Глы-ба-ко... Но по мне, карточки в два цвета очень уж искусственные. Дешевое пижонство. Если уж не чебэ, то я бы попробовал заглушить цвета... Чтоб получилась такая... выцветшая сепия. Цвет листьев уйдет в ржавчину... А вот эти два яркие пятна я бы вообще убрал - перекрасил бы в серое или в беж. Но решать тебе. Мнение творца – закон.

- Крутая идея! Попробую. А все остальное, значит, одобряешь?

- Хочется еще комплиментов послушать, да? Это не ко мне, это к мальчикам. Вон хоть к Максу твоему. Должна же быть от него хоть какая-то польза!

- Дед, ты опять начинаешь?

Пока две родственные души обсуждали снимок, дверь в студию открылась и на пороге появилась Светлана или, по-домашнему, Лана, подруга Элема.

В своей долгой жизни Корбус был женат четырежды. В непредсказуемые девяностые он отказался от расточительной привычки жениться и обзаводиться детьми. Но нуждаться в женщине не перестал. Напротив, с возрастом эта потребность стала больше, но уже не столько в любовнице, сколько в хранительнице дома. И в этом был парадокс судьбы: в

⁵ Международный конкурс фотожурналистики

⁶ Халдей Евгений Ананьевич (1917 - 1997) – советский фотограф, военный фотокорреспондент, автор снимка «Знамя Победы над рейхстагом»

⁷ Черно-белое изображение

молодости Корбус искал страстных любовниц, но, женившись, с разочарованием наблюдал, как те быстро одомашниваются, толстеют, беременеют, вязнут в заботах о детях, доме, кухне... И отказывают мужу в том, что было основным двигателем его желания жениться. Зато когда ему потребовалась хозяйка дома, Элем уже не хотел никаких формальных обязательств, которые, тем не менее, давали женщине ощущение стабильности и законного права обустроить семейное гнездо.

Лана оказалась идеальным решением проблем стареющего мужчины. Она была моложе Корбуса лет на двадцать с лишком, но уже не настолько молода, чтобы рискнуть завести ребенка. Ее не сбывшиеся мечты о материнстве остались в прошлом. Лана устала от одиночества, от коротких бесперспективных романов... И не-матримониальное предложение Корбуса оказалось как нельзя кстати.

В отличие от жен Корбуса, Светлана не была красавицей. Ее внешность, лишенная ярких красок, представляла собой чистый холст, на котором мастер мог сотворить все, что душа пожелает. А поскольку Лана и была мастером (художником и дизайнером одежды), она создала собственный стиль, в котором консерватизм парадоксально сочетался с экстравагантностью. И этот стиль пленял мужчин с опытом и вкусом.

Материально Лана не зависела от Корбуса. У нее было свое дело: она зарабатывала пошивом эксклюзивной одежды для обеспеченных клиенток. Особенно для тех, что страдали от несоответствия пышных форм голливудским стандартам красоты. Лана сама была сдобно-полной и хорошо умела скрывать костюмом недостатки фигуры.

Для Элема Светлана стала настоящей хранительницей семейного очага. Она кормила, обстирывала, обласкивала и терпеливо сносила выплески дурного настроения и резкого характера Корбуса. И делала все это бескорыстно, не требуя никаких имущественных гарантий. Так они жили уже лет шесть.

Корбус присох к Лане; знал, что она - его последняя женщина. По-хорошему ему следовало бы жениться, хотя бы из благодарности за многолетние заботы. Но он не делал этого. Не хотел обременять подругу ответственностью за старика, перед которым уже маячил призрак беспомощности. Корбус оставил Лане право уйти и быть счастливой без него. Но от страха, что она воспользуется этим правом, мучил ее бесконечными капризами и придирками. Словно испытывал ее привязанность на прочность.

Саша удивлялась смиренному долготерпению Ланы. Была ли это любовь? Благодарность? Потребность о ком-то заботиться? Сашка понять не могла, а спрашивать не решалась. Лана ей нравилась. Даже очень. Саша привыкла считать ее своей родственницей. На «бабушку» Светлана не тянула. Скорее она была кем-то вроде любимой тетушки. Способной выслушать, утешить, дать добрый совет... Или просто накормить...

- Привет моменталистам! – поздоровалась Лана. - Сашенька, здравствуй! Над чем колдуете?

- Да вот Сашка отличную карточку принесла, - отозвался Элем. - Прикидываем, как ее доработать до шедевра. Иди сюда, взгляни.

Лана протянула руку за планшетом.

- Мне очень нравится. А эти двое, кто они такие?

- Не знаю. Случайные люди на улице. Просто мужчина и просто женщина.
- Здорово! Кажется, если они оторвутся друг от друга, то умрут. Как разорванное пополам живое существо.
- Да, ты это видишь? – обрадовалась Саша.
- Конечно. Они у тебя на снимке образуют монаду. Смотри, Инь - Ян, черное и белое, мужское и женское... Только цвета перепутаны. Их монада вот-вот распадется... и это настоящая трагедия. Ты поймала последний предтрагический момент.
- Ну, что я тебе говорил? - снова вскинулся Корбус. - Здесь так и напрашивается чебэ. Вот и Лана говорит о черно-белом.
- Элем предлагает все чебэхнуть, - пояснила суть спора Саша. - А я хочу оставить желтый цвет, как указание на осень... Осень любви, осень надежд. Последний момент перед разрывом... Перед эмоциональной комой.
- Мне нравится. По-моему, это важное добавление к смыслу. Но в любом случае, Сашенька, отличный снимок. Поздравляю.
- А доработать можно до... До по-настоящему хорошей карточки, - упорно гнул свою линию Элем.
- Хорошо, дед, я поняла. Сделаю несколько вариантов. Чебэ и приглушенные цвета. И голубя вставляю. Если уж сам Халдей позволял себе... Завтра все сделаю и покажу тебе. Пойдет?
- Все, Корбусы, хватит, - прервала их Лана. - Заканчивайте ваши обсуждения, мойте руки и пошли на кухню обедать.
- А что у нас на обед?
- Рассольник с курицей.
- Суп? Ты же знаешь, как я «люблю» суп, - закапризничал Элем. - Его есть – только мокроту в желудке разводить. А ничего другого нет?
- Другое будет на ужин. Не ребячься, дорогой, тебе вредно есть одно жареное мясо с картошкой.
- Ту-ту-ту... Ну почему вы, женщины, так любите запрещать? Хлебом не корми, дай только сказать «нельзя» или «вредно»! Ну не люблю я суп! Не-люб-лю!
- А когда мы с тобой где-нибудь в кафе обедаем, ты всегда берешь первое. Значит, тебе просто не нравится, как я готовлю?
- Все, сейчас пришьют нелояльность режиму! – Элем поднял руки в комическом жесте капитуляции. - Присудят десять лет расстрела с конфискацией. Сашка, неужели и ты так обращаешься со своим этим... френдом?
- Дед, ты привередничаешь. Лана, между прочим, о тебе заботится. И готовит она просто шедеврально! Ансель Адамс⁸ от кулинарии! И вообще тебе с ней сказочно повезло, -

⁸ Ансель Адамс (1902-1984) – американский фотограф, классик фотопейзажа, теоретик фотографии

Сашка улыбнулась в ответ на благодарный взгляд Ланы. - А с Максом я так не обращаюсь, потому что мне по барабану, ел он или не ел. Не маленький – сам разберется.

- Спелись, девочки мои? Вдвоем против одного! Ладно, наливай свой рассольник. Только курочки побольше положи. И сметанки.

Некоторое время за столом раздавалось только дружное звяканье ложек о тарелки, да звуки хлебания и сглатывания. Внезапно Корбус застыл, как человек, озаренный новой идеей:

- Знаешь, девочка, у меня возникла богатая идея! Давай-ка закинем эту твою карточку на конкурс. Мне чуйка подсказывает, что шансы у тебя очень хороши. Кажется, сейчас как раз завершается прием работ на «Best of Russia». Там до ноября, что ли... Надо Мишке Попову позвонить, он точно знает.

- Дед... То есть Элем... Ты же сам всегда отговаривал меня выставяться?

- Я отговаривал тебя выставяться со всякой сопливой ерундой. А теперь говорю: пора! Пора зарабатывать себе имя, Александра Корбус.

Глава 2

- Ма-а-акс, ты дома? Тишина. Макс либо сидел в наушниках, либо еще не вернулся с работы. Саша заглянула в комнату. Пусто. Ну и отлично! Никто отвлекать не будет.

Пока грузился компьютер, Саша сварила себе чашку крепкого кофе, положила на блюдце пару розочек никогда не переводившейся в доме сливочной помадки. Ей предстояло священнодействие, и она хотела усилить наслаждение от творчества легкой дозой допинга.

Устроившись перед большим монитором, Саша закурила, сделала первую, самую вкусную, затяжку и медленно выпустила в потолок струйку фотогенично клубящегося дыма. Она с удивлением осознала, что волнуется.

Сашка вывела на экран снимок, который ей предстояло доработать до «по-настоящему хорошей карточки» и снова засмотрелась на него. Как там сказала Лана? Инь и Ян. Монада в последний момент перед распадом... В случайно запечатленной уличной сценке за внешней простотой таилось множество смыслов, которые открывались один за другим, как двери в бесконечной анфиладе комнат. Образ становился все объемней, глубже, и каждый видел в нем что-то свое. Надо на Максе попробовать. В искусстве он чайник, если уж и ему понравится, то точно шедевр!

Да, крутой кадр! Сегодня Сашке реально повезло. И, главное, ничто не предвещало... Днем она, как обычно, бродила по городу с камерой на груди – снимала то, на что глаз упадет. Погода была фотогенична: с ярким солнцем, с контрастными тенями и светами. Раньше такой свет считался неподходящим для съемок, а сейчас стал даже модным. Но подстрелить что-нибудь ценное все никак не удавалось. Так, симпатичные банальности...

Во дворе на лавочке азартно резались в подкидного колоритные старички. Они даже позволили Саше сделать несколько крупных планов. Потом она поймала молоденькую девчонку-пустышку, которая, нагнув голову и расширив глаза, откровенно любовалась своим отражением в витрине дорогого бутика. Примеряла себя к выставленным там

брендовым вещам. Еще Сашка сняла малыша в голубом костюмчике, который под надзором бдительной мамы гонял стайку голубей. Жирные бройлеры лениво поднимались в воздух, имитируя испуг, отлетали на пару метров и снова приземлялись. А рядом сидевшие на корточках таджики в оранжевых жилетах уныло ковыряли тротуарную плитку.

Ноги сами принесли Сашку в любимый парк - Музеон. И там, среди городской суеты, она увидела сцену, совершенную в своей композиции. Идеальный кадр. Только еще не запечатленный. Плеснувшая волна вдохновения безошибочно подсказала - это то самое счастливое фото-мгновение, которое иногда, изредка, выпадает везунчику. Надо только успеть зафиксировать его! Только не спугнуть прилетевшую на легких переливчатых крыльях удачу. У Сашки даже руки затряслись от нетерпения и предвкушения.

На дорожке, среди гуляющих пешеходов, бегущих спортсменов, мчащихся велосипедистов и роллеров, застыла пара. Между этими двумя явно что-то происходило. Женщина припала к груди мужчины так, словно кто-то хотел оторвать ее, а она сопротивлялась. Ее нервно сжатые кулачки намертво вцепились в лацканы черного плаща. Женщина плакала; потекшая тушь размазалась под глазами смешной маской панды. Мужчина, сцепив зубы, скорбно смотрел поверх женской головки куда-то вдаль. Будто прозревал будущее, где они уже никогда не будут вместе. Сашу просто пронзило исходящее от этих двоих ощущение тоски.

Вокруг пульсировала обыденная городская жизнь, а двое любовников застыли, безразличные ко всему окружающему. В голове у Саши внезапно всплыло определение из лекции Корбуса по теории фотографии: «Жанр – это статичная картинка, глядя на которую можно увидеть целую историю». Прямо как здесь. Обреченная любовь. Приговоренное чувство. Кто и за что осудил его, Саша не знала, но видела, как отчаянно эти двое сопротивлялись, как не могли разорвать ни объятие, ни связь... Но по какой-то неведомой причине должны были сделать это.

За плечом мужчины виднелись кроны пожелтевших лип. Сегодня был день интенсивного листопада. Каждой осенью есть один такой день, когда листья, уставшие цепляться за жизнь, один за другим срываются с ветвей в каком-то исступленном коллективном самоубийстве и падают на землю. Октябрь, осень, конец, итог. Само собой сложилось название еще не снятой сцены - «Осень нашей любви». Саша чуть переместилась так, чтобы захватить в кадр побольше обреченной желтизны, и, затаив дыхание, как охотник при выстреле, вскинула камеру. Даже не проверив режим съемки, она нажала на кнопку спуска. Щелк-щелк.

Любовники, погруженные в свои переживания, не услышали звук сработавшего затвора. Саша нажала кнопку еще несколько раз – на всякий случай. Уф, теперь можно было немного расслабиться, посмотреть, что получилось. И подумать, как улучшить кадр.

На дисплее камеры возник повторенный в миниатюре миг реальности. Саша укрупнила детали. Лица оказались в фокусе: можно было рассмотреть даже вымазанные тушью ресницы женщины. То, что надо. Короткая выдержка позволила «заморозить» всех: и застывшую сдвоенную фигуру и снующих мимо прохожих. На одном снимке какая-то жирная тетка вперлась в кадр и перекрыла пару. Черт! Ну почему фотографу всегда все мешают? словно из ревности к счастливчику, поймавшему свою удачу. А вот еще неудачный дубль – здесь любовник наклонил голову, и вместо лица получилась макушка. Но ничего, есть пара-тройка удачных кадров.

И все-таки было в снимке что-то не то... Сашка отчетливо видела, но не могла передать в фотографии это щемящее ощущение «неотмирности» любовников. Впечатление их спаянности друг с другом и совершенной отрешенности от окружающих. Именно это одиночество среди многолюдья и придавало особую трагичность их разрыву. Словно после расставания ни один из них не сможет выжить в образовавшейся пустоте: задохнется или истечет кровью. Как можно вложить это ощущение в изображение?

Решение сверкнуло в Сашином мозгу вспышкой: выдержка! Ну конечно, длинная выдержка «размажет» спешащих мимо людей, сохранив четкость статичной пары. Зрительно это отделит любовников от всего остального мира. Сашка быстро поправила режим съемки, отчаянно молясь про себя: «Только не двигайтесь, милые! Пострадайте еще немного! Только не расцепляйтесь!»

Еще три щелчка - три выстрела в цель. Взгляд на дисплей: Отлично! Вот оно! Круто!

За спиной у обнявшейся пары кто-то спугнул стайку голубей, которая выстрелила в небо сизым шумным залпом. Мужчина повернул голову на звук, и так и застыл, глядя в сторону. Теперь он смотрел вправо, женщина влево. Образ получил новую краску - «им в разные стороны». Щелк-щелк. Куда прешься, уродец! Давай, пробегай быстрее! Щелк.

Женщина потерлась щекой о лацкан плаща. Мужчина берегающим жестом положил ладонь на ее затылок и прижал светлую головку к груди. «Продлись-продлись, очарование...». Щелк-щелк-щелк. Черт, мир полон идиотов! Ну что ты встал, придурок? Отвали, ты мне здесь не нужен! Черная слеза поползла по щеке и прочертила длинный грязный след. Щелк.

Сашка понимала, что ей посчастливилось поймать совершенный кадр. Крупную добычу, которую она принесет домой с сегодняшней охоты.

Женщина подняла голову, с мольбой посмотрела на мужчину и что-то сказала. Тот печально улыбнулся, вытер пальцем грязную слезу. А затем достал из кармана идеально чистый носовой платок и протянул ей.

Все! Трагический образ обреченной любви распался. Осталась лишь милая бытовая сценка... Совершенный миг канул бы в вечность, не замеченный никем, если бы Сашке не посчастливилось спасти его от забвения на матрице своей камеры! Отныне запечатленное мгновение стало ее безраздельной собственностью. Теперь предстояло слегка подправить жизнь редактированием, чтобы превратить в искусство.

После долгих экспериментов, проб, отвергнутых вариантов, окончательная редакция была готова. Саша откинулась на спинку стула, удовлетворенно оглядывая полученный результат. Наверное, так художник, положивший последний мазок, смотрит на холст с еще невысохшими красками. Трансформация сырья жизни в продукт творчества завершилась. Вот она - «по-настоящему хорошая карточка».

Саша остановилась на выбранном дедом кадре, где на переднем плане торчал размазанный «получеловек». По совету Корбуса, она впечатала-таки голубя, похожего на отлетающий дух. «Чуйка» редко подводила Элема: маленькая деталь добавила образу иконографический смысл. Имеющий глаза да увидит, имеющий чувство да откликнется.

Краски Сашка приглушила так, что они стали казаться выцветшими, словно присыпанными пылью вечности. Но золото листвы все-таки различалось и недвусмысленно свидетельствовало об осени - времени подведения итогов. Саша

усилила резкость двух главных героев и чуть заблюрила⁹ края снимка, создав таким образом визуальную рамку. Обнявшаяся пара стала центром, вокруг которого вращался мир, не ведавший своей оси.

Все. Этюд об обреченной любви был завершен. Любая дальнейшая обработка только испортила бы достигший полноты образ. Еще немного полюбовавшись на свою работу, Саша открыла почтовую программу и вложила в письмо файл с изображением. Потом, секунду подумав, написала: «Элем, оцени, я сделала все так, как ты советовал. Даже Духа Святого вставила. По-моему, получилось круто. А ты что думаешь?».

В прихожей хлопнула входная дверь. Сашка невольно скосила глаза на часы в уголке компьютерного экрана - половина десятого. Поздновато...

- Макс? Это ты?

В комнату из прихожей просунулась мужская голова:

- А ты ждешь кого-то еще? Привет, конфетка!

- Привет! Что так поздно?

- Да так... На работе завожился. Сама знаешь, кризис. У клиентов денег ноль, зато запросы астрономические. Каждый хочет купить за три копейки, а крови пьет на триста рублей. Надоело!

Сашин бойфренд Максим Данилин трудился, или, как он сам говорил, «пахал», в компании по продаже промышленного электрооборудования. Работа продуктового менеджера отнюдь не была его призванием. Карьера - продвижение к вершинам корпоративной пищевой пирамиды - Макса тоже не увлекало. Он ходил на службу ради зарплаты и был обижен на компанию, что его недостаточно ценят в рублевом эквиваленте. Но сейчас рынок стагнировал, дела в бизнесе шли неважно... Существовала реальная угроза лишиться и этого скромного дохода. Максиму приходилось имитировать трудовой энтузиазм и подолгу засиживаться в офисе. Настроение его от этого не улучшалось!

Глядя на Макса, Саша понимала, что ее профессиональная судьба могла бы сложиться столь же драматично... Но четыре года у нее хватило воли противостоять давлению родителей. Саша ушла со второго курса Губкинского института, куда ее пристроил отец. И выбрала собственный путь. И теперь, распробовав вкус свободы, она не желала продавать часы своей жизни за зарплату, пусть даже гарантированную.

Правда, отец настоял, чтобы Саша устроилась внештатным фотографом в Интеройл - компанию, где работал он сам. Но служебные обязанности отнимали не более восьми часов в неделю. Работа напоминала клиентский проект – не очень интересный, но и не слишком обременительный. Небольшая подушка финансовой безопасности.

Саша много раз пыталась внушить Максиму, что нельзя тратить жизнь на то, что противно. Но тот не имел особых талантов и не представлял, чем занять себя на свободе. Да так, чтобы дело приносило достаточно средств для комфортного существования. И оставляло время для приятного безделья. Поэтому Макс не хотел рисковать тем малым, что имел.

⁹ Размывание (от blur – затуманить, сделать неясным)

И все-таки один дар у Макса был... Красота. Он был редкостно красив. Дымчато-серые глаза, опущенные густыми девичьими ресницами. Золотой нимб волос. Тело благородно удлинённых пропорций, покрытое золотом тонких волосков, как спелый, не надкушенный плод. И пах он свежестью и сладостью молодости. Первое время Сашка млела, наблюдая за тем, как Макс – «золотой мальчик» - улыбается, ест, бреется...

Сразу же после знакомства с Максимом у Саши начался длинный «портретный период». Его результатами была увешана целая стена в съёмной квартире. Макс был невероятно фотогеничен. Камера его обожала. Момент открытия диафрагмы никогда не заставлял его моргающим или зевающим. Пластичное лицо способно было воспроизвести мельчайшие оттенки чувства. Макс был потрясающим натурщиком - самым лучшим, с кем Саше довелось работать.

Портреты очень понравились Элему. А вот сам натурщик, вернее, человек, ему не приглянулся. Когда Сашка в первый раз привела Максима к деду и представила, как своего бойфренда, то на быстрый вопрос в коридоре «ну, как тебе?», Корбус ответил прямо и недипломатично:

- Красивых статей жеребчик, отличная модель. Но для жизни жидковат. Надеюсь, ты скоро это поймешь, девочка. А пока не забывай предохраняться...

Тогда Сашка обиделась. Зато потом, при каждой ссоре с Максом, вспоминала дедовы слова.

- Ма-а-акс! Поди сюда, посмотри, что я сегодня сняла. Только что закончила обработку. Элем предлагает на конкурс послать.

- Да? А пожрать у нас чего-нибудь есть? Конфетка, ты в магазин не ходила?

- Сегодня была твоя очередь. Я думала, ты зайдешь.

- Но я же весь день на работе...

- Я тоже.

- Я тащусь от тебя, конфетка! Ты шатаешься по улицам со своей камерой и называешь это работой. Ты же сегодня не в офисе? По справедливости, могла бы купить чего-нибудь пожрать.

Сашка вспыхнула порохом. Она ненавидела, когда Макс говорил о ее любимом деле как о несерьезном увлечении. Тем более, сегодня, когда она остро ощущала, что день прожит не зря.

- Ничего себе справедливость! У меня, между прочим, тоже работа. Разница только в том, что у меня – любимая, а у тебя – каторга. Поэтому тебе кажется, что ты работаешь, а я развлекаюсь. Но это твои проблемы! Я не собираюсь превращаться в прислугу. Мы так не договаривались! Когда ты ко мне переехал, обещал, что мы будем делить все наши домашние обязанности поровну.

- Ладно, конфетка, не пыхти. У нас в холодильнике что-нибудь осталось?

- Кажется, есть три яйца. И сыр. И бутылка пива.

- А хлеб?

- Хлеб мы еще вчера съели. Ты так и не посмотришь, что у меня получилось?

Макс утомленно вздохнул и подошел к монитору.

- Кто это?

- Просто люди на улице.

- Просто незнакомые люди? И зачем они тебе? Были бы звезды, я бы еще мог понять. Типа Джигурда и Анисина. А этих-то ты с какой стати зафоткала?

- Действительно... И ты ничего не видишь в этом снимке?

- А что я должен увидеть? Какие-то мужчина и женщина обнимаются на улице. Она плачет. Он ее утешает. Ну и что в этом особенного? Такое можно увидеть по десять раз за день.

Саша почувствовала, как тяжелой волной накатывает отчаянье. Вдохновение сегодняшнего дня, ликование от совершенства пойманного мгновения, радость дедовой похвалы, удовольствие работы над образом – все это разом обесценилось. Перед ней на экране были всего лишь два незнакомых человека: женщина плакала, мужчина ее утешал.

Между тем Макс положил руки на Сашины плечи и стал легонько массировать. Он всегда чутко улавливал изменение ее настроения,

- Ну, не дуйся, конфетка! У меня сегодня был поганый день. Один дебил весь мозг вынес. Извини. Как ты насчет того, чтобы сегодня пораньше разобрать наш диванчик? Сейчас перекушу, и я в полном твоём распоряжении. Хочешь, я тебя поглажу, сделаю массаж. А, может, и не только...

Макс взъерошил Сашины волосы и осторожно поскреб ногтями кожу головы. От такой ласки хотелось мурлыкать. Обижаться на Макса было глупо. Чем он виноват, если ему не понравилась карточка? За несколько месяцев сожительства, Саша уже привыкла к разнице их вкусов. Она прижалась лицом к Максому свитеру, вдохнув ставший родным сладковатый аромат.

- Конфетка, потерпи чуть-чуть, я скоро. Или, если хочешь, можешь уже идти под душ.

Но Саша осталась сидеть перед монитором, прислушиваясь к привычным бытовым шумам, доносившимся с кухни. На сковородке зашипела яичница. Заклокотал кипящий электрочайник.

Саша смотрела на свою работу, только теперь уже другими глазами: может, в ней и вправду не было ничего особенного? А все эти вымыслы про Инь и Ян – это просто попытки оправдать бессмысленное фотографирование банальных уличных сцен, почему-то считающееся творчеством?

- Са-а-аш, - крикнул с кухни Макс. – я хотел тебя кое о чем попросить. В этом месяце моя очередь платить за квартиру... Но у меня ОСАГО и КАСКО. И еще я потратился на лай при открытии багажника. Тебе же понравилось, правда?

Макс вернулся с кухни с тарелкой яичницы в руках и просительно заглянул Саше в глаза.

- Понравилось...

На самом деле, Саша не понимала, зачем автомобилю нужно лаять при открытии багажника. Пустая трата денег. По крайней мере, сама она никогда не начинала свой маленький Матиз лишними наворотами. Зачем? Автомобиль нужен для дела: перевозки техники на выездные фотосессии. Ну, и еще для еженедельных закупок.

- Можно я в этот раз пропущу свою очередь, а потом заплачу два раза подряд? – попросил Макс с улыбкой, которой трудно было сопротивляться. Именно такая улыбка, как в зеркале, отражалась в одном из висевших на стене портретов.

- Ну ладно... Хотя у меня в этом месяце тоже с заказами было не густо.

- Не переживай, конфетка, прорвемся. Ты у меня классный фотограф! Я в восторге от твоих работ. Только тебе надо снимать не на улице, а в студии. Как твой дед. Ты реально могла бы иметь на этом очень нормальные деньги. Раз в пять больше, чем сейчас. Да что в пять? В десять. И тогда у нас с тобой получилось бы смотреть на недельку-другую к морю. Ты хочешь к морю?

- К морю? – мечтательно улыбнулась Саша. - Конечно, хочу!

Глава 3.

Февраль 20X2 г.

Кому: Александра Корбус

От кого: A.Gershvin@camera_ob.ru

Тема сообщения: Твое интервью

Саш, привет! Я подготовила твоё интервью для публикации. Прогляди его – все ли ОК? Успеешь до завтра? А то сроки горят, я обещала сдать его до 12-ти (дня, естественно).☺
Про то, как Корбус к тебе клеился я не писала! ☺ ☺ ☺

Жду.

Саша открыла вложенный файл:

«Любители фотографии уже знают, что с 20 февраля по 21 марта в Москве в залах артцентра «Винзавод» проходит ежегодная выставка фотографии «Best of Russia». На этот раз состав участников и победителей сильно помолодел. Теперь тон задает новое поколение фотографов со своим свежим и небанальным взглядом на мир.

Наша редакция запланировала серию интервью с лучшими из лучших. И сегодня я беседую с победителем конкурса в номинации «Люди» – Александрой Корбус. Ей всего двадцать шесть. Но затокам фотоискусства ее фамилия, наверняка, хорошо знакома...»

Первое в жизни интервью! Один из атрибутов славы – новенькой, блестящей, как только что отчеканенная золотая монетка. Правда, слова, подписанные Сашиным именем, выглядели в тексте и знакомыми, и чужими одновременно. Уж слишком они были «отфильтрованными»: без пауз, без мусорных мычаний и междометий,

свидетельствующих о работе мысли... Не такими, как срывались с губ в разговоре с Аллой Гершвин, корреспонденткой интернет-издания «Камера обскура»¹⁰.

Алла позвонила Саше пару дней назад, и они встретились на «Винзаводе», поближе к предмету разговора. Девушки оказались ровесницами. Но экстравагантная Алла выглядела на фоне ненакрашенной и практично одетой Сашки экзотической птицей. Ее ассиметрично стриженные волосы с падающей на глаза косой челкой были выкрашены в голубой цвет «а ля Мальвина». На шею свисала тонкая косичка «крысиный хвостик». Серые глаза тонули в густых сиреневых тенях, губы лоснились лиловой помадой, а в правой ноздре блестело металлическое колечко. Саша невольно залюбовалась ногтями Аллы – длинными, острыми, разноцветными, с особым тоном на каждом пальце. У нее самой ногти были обрезаны под край – чтобы не мешали во время съемки.

Сначала разговор не клеился: Саша смущалась и все время косилась на включенный диктофон. Слова не шли. Все, что приходило на ум, казалось недостаточно глубоким, чтобы войти в историю. Требовались какие-то особые, значимые слова – слова «лучшего фотографа России».

- Что мне говорить?

- Ну, для начала расскажи о себе.

- Что именно о себе? Ничего интересного...

- Ну, родилась, училась...- подсказала Алла.

- Ну, да, родилась. И училась.

- Где?

- Родилась я здесь, в Москве. Закончила среднюю школу, потом поступила в Губкинский институт на факультет...

- А правда, что знаменитый Корбус – это твой родной дед? – нетерпеливо перебила скучное Сашино перечисление Алла.

- Правда.

- Офигеть! Значит, у вас целая фото-династия. И ты, наверное, фоткала еще в памперсах? Признавайся, делала селфи на горшке?

- А вот и нет, - чуть расслабилась Саша. - Я с дедом, то есть с Элемом, познакомилась всего четыре года назад.

- Да? Я в шоке! Это как же так?

- Бабушка развелась с Корбусом сто лет тому назад. И почти сразу же снова вышла замуж. Дед Паша, ну, то есть, бабушкин второй муж, усыновил моего папу. Так что про Элема в нашей семье даже не вспоминали. Да и у него самого потом еще целых три жены было. И детей у него четверо, а внуков сейчас уже шесть.

- Да, могучий мужик.

¹⁰ Простейший вид устройства для получения оптического изображения объекта. Представляет собой светонепроницаемый ящик с отверстием в одной из стенок и экраном на противоположной.

- А он и правда могучий. Ты его видела?

- Не-а, как-то не пришлось. Погоди, я сейчас его фотку погуглю.

- Я тебе и так скажу. Он такой... мощный. Сейчас, конечно, уже постарел, но в свое время, я представляю, что это было. Ураган!

Алла, тем не менее, открыла поисковик и вскоре уже рассматривала портрет Элема Арсеньевича Корбуса.

- Шикардос! Я бы на такого клюнула. Знаешь, а ты на него похожа. Правда-правда! Вот брови такие же. И глаза. И ямочка на подбородке.

- Да, бабуля говорит, что у меня Корбусова порода. И не только во внешности. Я вообще-то должна была стать экономистом в нефтянке. Папа считал, что это очень перспективная специальность и «поступил» меня в Губкинский.

- Знакомая история: мои родки тоже хотели запихнуть меня в нашу Тверскую сельхозакадемию. Представляешь меня какой-нибудь дояркой? Офигеть! Но я рванула в Москву и поступила на журфак. Сама, между прочим.

- Круто! А я поддалась, потому что тогда сама не знала, чем хочу заниматься. И три года подряд зубрила всякие там себестоимости, капексы и опексы¹¹. Скука смертная, не мое это.

- А как ты из экономистов стала фотографом? Это Корбус тебя соблазнил?

- Нет, не он. Я же говорю – наследственность.

Саша начала снимать на втором курсе института. Сначала, как все чайники, шлепала встроенной камерой смартфона селфи и «цветочки-с-пчелками». Но у нее было какое-то врожденное чувство гармонии - может, действительно, сказывались гены? И даже банальные пчелки выходили у нее интересней и выразительней, чем у тысяч других доморощенных фотографов.

Поворотной точкой судьбы стал неуютный декабрьский вечер. Сашин тогдашний бойфренд Лёшик замерз гулять по улице и предложил зайти куда-нибудь погреться. Рядом оказалась галерея, где, по несомненному промыслу судьбы, проходила выставка фотографий самых именитых мастеров.

Что это была за экспозиция! Она представляла поразительное разнообразие жанров фотографии: репортажи, забавные уличные сценки, пейзажи, портреты, полные аллюзий натюрморты... Как это все отличалось от пошлых картинок, замусоривших смартфоны! И от Сашиных собственных «цветочков-с-пчелками»! Как детская мазня от картин Леонардо и Рафаэля.

Саша бродила от стенда к стенду, восхищаясь, грустя и смеясь. Она надолго застыла перед работами Роберта Капы¹², запечатлевшими усталых солдат, чернорабочих войны, чьи жизни были безжалостно перемолоты историей в кровавый фарш. А как Сашка

¹¹ CAPEX – капитальные затраты, OPEX – операционные расходы

¹² Роберт Капа (1913-1954) – военный фотограф, основоположник военной фотожурналистики.

смеялась над неожиданными образами в натюрмортах Чемы Мадоза¹³. Или над фотошутками страстного собачника Элиотта Эрвитта¹⁴.

Ей не понравился фэшн. Даже работы признанных классиков Ричарда Аведона¹⁵ и Хельмута Ньютона¹⁶ оставили ее равнодушной. Почти равнодушной. Зато чистые краски и фантастические композиции Алекса Вебба¹⁷ вызвали взрыв эмоций, сродни эстетическому оргазму.

Лёшик, быстро согретый и соскучившийся, предпринял несколько безуспешных попыток вытянуть Сашку с выставки. Но вскоре оставил затею. В конце концов, человеку со смартфоном всегда есть чем себя занять. А Саша в счастливом забвении бродила по залам до самого закрытия. Так случайно она наткнулась на свое призвание.

На деньги, подаренные родителями на День рождения, Александра купила свою первую камеру - мыльницу с неадекватно высокой ценой, принятую по невежеству за крутую профессиональную технику. Сашка не поняла, почему бабуля, интеллигентная женщина, актриса на пенсии, увидев довольную внучку с фотоаппаратом в руках, изрекла загадочную фразу: «И какой кретин утверждал, что генетика - это лженаука?».

Месяц окрыленная Сашка играла с новой игрушкой, снимая все, что попадалось под руку. Побочным результатом явилось то, что к Новому году она рассталась с Лёшиком. Бедняга не сочувствовал новому увлечению, а потому мешал. Сашка выбрала фотографию. Разрыв высвободил массу времени, и Саша записалась на первые в жизни курсы по фотографии, где ей популярно объяснили «чем выдержка отличается от диафрагмы»¹⁸. Преподаватель оказался человеком эрудированным, а потому, едва услышав Сашину фамилию, спросил:

- Вы имеете какое-нибудь отношение к Элему Корбусу?

- А кто это?

- Значит, просто однофамилица. Странно, фамилия довольно редкая. Элем Корбус – это известный советский фотограф-портретист.

Естественно, Саша заинтересовалась знаменитым Корбусом. Она порылась в сети, посмотрела портфолио мастера и впечатлилась. Корбус снимал очень круто. Может, не так круто, как, скажем, Эни Лейбовиц¹⁹, но все равно здорово. Сделанные им портреты были индивидуальны и часто представляли знаменитостей в непривычных образах, открывали какие-то новые грани личности. Некоторые фотографии были знакомы Сашке, просто она никогда не задумывалась об их авторстве.

И вдруг среди прочих работ Саша увидела ту, от которой защемило в груди. Это был жанровый портрет в черно-белом исполнении. Там, на снимке, в комнате, пронизанной

¹³ Хосе Мария Родригес (Чема) Мадоз (род. 1958) – испанский фотограф, мастер минималистского сюрреалистического натюрморта

¹⁴ Элиотт Эрвитт (род. 1928) — американский фотограф, наиболее знамениты его чёрно-белые снимки, выполненные в иронической манере

¹⁵ Ричард Аведон (1923 - 2004) — американский фотограф, мастер документальной и фэшн-фотографии

¹⁶ Хельмут Ньютон (1920 - 2004) — американский фотограф, работавший в жанрах фэшн-фотографии, портрета, эротической фотографии

¹⁷ Алекс Вэбб (род. 1952) - американский фотограф, выдающийся мастер уличной цветной фотографии

¹⁸ Один из самых глупых вопросов «чайников»

¹⁹ Анна-Лу (Энни) Лейбовиц (род. 1949) –американский фотограф-портретист

косыми утренними лучами, перед высоким зеркалом стояла юная женщина. Она только что встала с постели - ее растерзанный край виднелся в кадре слева. Отраженное в зеркале лицо светилось счастьем и удовлетворенностью. Женщина собирала в пучок подсвеченные солнцем волосы. На узкие плечи была накинута объемная мужская рубашка - одежда ее ночного любовника. Прозрачная в лучах света ткань не скрывала ни темных сосков, ни треугольника лобковых волос, ни тонкой талии и выпуклых ягодиц. Сцена просто сочилась чувственностью. Фотограф любовался своей моделью, и не было никаких сомнений, что именно ему женщина отдавалась той ночью.

В грешной юной красавице Саша узнала... свою строгую бабушку. Впрочем, тогда она еще не была бабушкой. Так загадочная фраза про лженауку генетику обрела смысл. Знаменитый фотограф Элем Корбус был ее родным дедом! И почему она не знала этого раньше?

- Так когда же ты все-таки познакомилась с Корбусом? И как?

Новый вопрос прервал поток Сашиних воспоминаний.

- Уже после того, как закончила фотокурсы. Кстати, именно там я впервые услышала про Корбуса.

- И что потом?

- Потом я спросила у бабули, как мне его найти. Но она была против того, чтобы я знакомилась с Элемом. А мне было жутко любопытно. Я добыла его телефон, позвонила и попросила о встрече. Представилась поклонницей творчества.

- Офигеть! Он тебя узнал?

- Нет, конечно. Как потом выяснилось, он видел меня всего один раз. В грудном возрасте. Представляешь, он начал со мной флиртовать. Не серьезно, конечно, а так... по привычке.

- Я в шоке! Дед клеит родную внучку!

- Да не клеил он! Просто пушил перья перед молоденькой барышней. Слушай, ты только про это не пиши. Элем меня убьет. У него и сейчас подруга на двадцать с лишним лет моложе его. Обещаешь, что не будешь писать?

- Ну ладно, фиг с тобой, золотая рыбка. Хотя жаль, шикарный сюжет. Но ты ему сказала, что ты – его внучка?

- Не сразу. Сначала дала ему порисоваться. Хотелось посмотреть, какой он.

- И какой?

- Он? Он жутко обаятельный. Даже несмотря на возраст. И слушать его ужасно интересно. Он столько знает, столько видел. Знаком с кучей знаменитостей. Когда он рассказывает про фотографию – это просто магия какая-то. Студентки его обожают. Я даже ревновала, когда стала учиться у него в школе.

Впервые Саша встретилась с Корбусом в Центральном доме художника на Крымском Валу. Элем Арсеньевич заехал туда на выставку приятеля. Александра уже знала, как выглядит ее родственник, и все-таки была поражена его стильной старомодной элегантностью.

- Ну-с, что нужно от меня прекрасной юной барышне? Портрет? Или целое портфолио для модельного агентства? Только я ничего гламурного не снимаю.

- А я вас и не просила.

- Да? Интересно, – глаза в сеточке разбегающихся морщин обрели цепкость художника, изучающего натуру. – Так чему же я обязан?

- Меня поразила одна ваша работа.

- Только одна? – Корбус разыграл обидчивое удивление и картинно приподнял сидящие брови.

- Нет, не только. Но эта особенно.

- И какая же, позвольте полюбопытствовать?

- Женский портрет у зеркала.

- Так вы, милая барышня, всерьез изучали мое творчество... Про эту работу сейчас уже мало кто помнит. Где это вы ее отыскиали?

- В Интернете, конечно.

- Воистину, рукописи не горят, и карточки не исчезают. Значит, тот портрет можно найти на глобальной помойке? Уж и не знаю, радоваться мне или расстраиваться. А вы что присоветуете?

- Я была рада, что нашла его. Там на портрете ваша любимая женщина?

- Да, моя первая жена. Давненько это было, прошлый век. Для вас - далекая история. Неприлично спрашивать, но сколько вам? Двадцать?

- Двадцать два.

- Да, я тогда был чуть старше вашего. А Инна даже моложе.

- Вы любили ее?

- Инну? Странно, что вы спрашиваете... Разве этого на портрете не видно?

- Видно. Но все-таки она - ваша первая жена, но не единственная.

- А вот это уже не вашего ума дело, милая барышня. Мне, несомненно, льстит внимание такой очаровательной юной особы... И все-таки хотелось бы знать, в чем причина вашего интереса ко мне. Я уже старый волк и не верю в бескорыстие. Вы журналистка?

- Хотите знать, какая у меня фамилия?

- А она что-то объясняет? Неужели Путина?

- Нет, не Путина. Корбус.

- Ту-ту-ту... Весьма неожиданно. А по батюшке вас как величают?

- Федоровна.

- Вот как... Значит, Федькина дочка. И внучка Инны. Забавно, - мужчина внезапно отбросил всю свою церемонность. - Так вот почему тебя так заинтересовал Иннин портрет. А я-то размечтался...

- Но мне он действительно очень понравился. Он очень крутой. Мне вообще очень нравятся ваши работы.

- Крутой... Ну и на том спасибо, - Корбус растерянно молчал, не зная, о чем говорить. - Значит, у нас сегодня встреча потомков с предками. И как? Не разочарована?

- А вы?

- Ну, не вы, а ты, если уж мы с тобой такие близкие родственники. И как я могу быть разочарован, если моя внучка – красавица.

- Неправда, никакая я не красавица. Вот бабуля...

- Ну, это уж позволь мне судить. Уж в чем-чем, а в женской красоте я понимаю побольше твоего! Ну, как живешь, девочка, чем занимаешься? Что положено спрашивать при знакомстве?

- Положено? А вам самому ничего про меня не интересно?

- Это Инна тебя так обработала? Что я знать тебя не хочу? Ты, кстати, сказала ей, что встречаешься со мной?

- Нет. Бабуля не хотела, чтобы я...

- Понятно. А ты захотела. Зачем? Из чувства протеста?

- Нет. Просто я снимаю. И я увидела ваши работы.

- Значит, когда вы познакомились, ты уже снимала...

- Ну да, если это можно так назвать. Всякие картинки позорные. Сейчас же все снимают. Телефоном. Элем от этого просто бесится. Он говорит, что фотографировать телефоном все равно что музицировать на пылесосе. Так и называет плохие работы – «телефонное творчество».

- Но есть же Инстаграмм? Это уже всеми признанное самостоятельное направление фотографии.

- Есть. Но дед этого не одобряет.

- А ты показывала ему свои картинки? Что он сказал?

- Не буду повторять, все равно при публикации вымарывать придется. Я и сама теперь понимаю, насколько он был прав. Он только в прошлом году позволил мне послать работу на конкурс. Как раз на «Best of Russia». Даже не так: не позволил, а настоял.

- У него что, в жюри были свои люди?
- Ты что, с ума сошла? Даже если б и были, он и пальцем не пошевелил бы! В искусстве у Элема все по «гамбургскому счету».
- Сорри. Твоя работа на самом деле лучшая. Шикарная фотка!

Саша передернулась и скривила лицо:

- Бр-р-р, не употребляй при мне этого поносного слова! Сказать в присутствии фотографа «фотка» все равно, что выматериться на светском приеме. Это из лексикона тех, кто «музицирует на пылесосе»! Дед про хорошие работы говорит «хорошая карточка».
- Сорри еще раз! Пусть будет «хорошая карточка». Расскажи, как ты ее сняла?
- Обычно. Просто оказалась в нужное время в нужном месте. Да еще и с камерой. Повезло.
- А что ты еще снимаешь?
- Много всего: свадьбы, портреты, деток, даже легкую будуарную эротику. Но тащусь-то я от стрита²⁰.
- Почему именно от стрита?
- Почему? Наверное, потому, что стрит - это как рулетка. Игра с судьбой.
- Это как?

Когда Сашка заговорила о своей большой любви, глаза ее загорелись восторженным блеском, а лицо засветилось внутренним светом вдохновения.

- Ну, понимаешь, - втолковывала она Алле. - В студии – там все понятно: там фотограф выстраивает композицию кадра, выбирает ракурс, ставит свет, выставляет режим съемки, нажимает на кнопку и получает свою картинку – ровно такой, какой он сам ее придумал. А в стрите все по-другому. Там на улицах бурлит жизнь, сама по себе бурлит, и ничего от меня не зависит. Там композиции строит... Великий композитор. А я должна всего лишь увидеть, распознать его шедевр... И, если очень повезет, успеть поймать мгновение, прекрасное или ужасное.
- Вау! Как это... концептуально.
- Но это правда! Те, кто занимаются стритом по природе своей охотники. Для нас главное – это добыча. Я, когда снимаю, не чувствую ни холода, ни голода, ни усталости. Знаешь, иногда можно целый день промотаться по улицам, и не подстрелить ничего стоящего. А иногда с первого кадра прет: картинка за картинкой. Но в любом случае, стрит-фотограф не художник. Мы все – охотники.
- Не верю! На улицах снимают практически все. А великих стрит-фотографов единицы. Наверное, эти избранные все-таки художники?
- Да, Алекс Вебб уникален и неподражаем. Но он просто о-о-очень удачливый стрелок. Волшебный.

²⁰ Стрит-фото – уличная съемка

- Гуд. И все-таки фотограф, он как-то влияет на кадр. Ты же размазала толпу в своей «Осени». Ведь в жизни было не так!

- Да, размазала. Но вся моя размазка была бы полной ерундой, если б Великий композитор не свел для меня этих двоих. И кто автор – я или Он? Премию за двоих получила я. Но, по-честному, Он достоин ее значительно больше.

Глава 4.

Март 20X2 г.

«Поверните направо, затем держитесь левее». Повинуясь механическому голосу навигатора, Глеб направил машину в низкий темный тоннель под железнодорожными путями возле Курского вокзала. Допотопное сооружение переживало потоп: талая вода текла по стенам, капала со сводов и скапливалась на дне грязными лужами. Въезжая, Гордин не сбросил скорость, за что был наказан фонтаном черной жижи из-под колес. А ведь только вчера он вымыл машину! Глеб смачно выматерился.

Он отправился на Винзавод с утра пораньше. Хотелось поскорее покончить с неприятным делом. И так всю неделю Глеб не мог избавиться от дурного настроения. Он все время вспоминал про тот оскорбительный плакат, обнаживший тайны его частной жизни. Ни один уважающий себя мужик не должен оставлять оскорбления без ответа! Но Глеб не мог решить, что же ему делать? И от того злился еще больше. Он злился на неизвестного папарацци, на себя, одержимого гамлетовским комплексом, на утраченный самоконтроль, на несправедливость судьбы - словом, на жизнь. Понятно, что начинать надо было с выяснения имени обидчика. То есть с посещения выставки. А там уж будет видно, что делать дальше.

Художественная жизнь на Винзаводе начиналась богемно поздно - в полдень. Глеб, привыкший появляться в офисе в половине девятого, не догадался уточнить час открытия выставки. Он просто приехал к одиннадцати, уверенный, что в это время уже работают все заведения и учреждения. Но не тут-то было! И теперь ему предстояло как-то скоротать час. Целый час – бессмысленный, вычеркнутый из жизни.

День был промозглым и ветреным. Куртка, предназначенная для спринтерских перебежек от машины до подъезда, совсем не грела. Да и ноги мерзли в легких ботинках. Надо бы отыскать какое-нибудь теплое местечко. Гордин осмотрелся. Красно-кирпичные корпуса артцентра со слепыми окнами казались безжизненными. Чужая недружественная территория. Глеб решил, было, уехать и вернуться через час... Но вдруг в одном иззданий отворилась дверь, выпустив наружу клубы белесого пара и молодую женщину с мальчиком лет шести. Что бы ни находилось там, внутри, помещение было обитаемым и теплым! Глеб вошел. В холле несколько мамаш паковали в комбинезоны шумных егозящих детишек. Видимо, только что закончились какие-то занятия, и теперь соскучившимся в ожидании родительницам вернули их неумных отпрысков.

Тут же за стеклянной перегородкой располагалось уютное кафе на несколько столиков. Сделав заказ, Глеб занял место рядом с окном и задумался. Гребанный плакат разладил его налаженную жизнь... Глеб словно утратил твердую почву настоящего и провалился в прошлое. Его засасывала чувственная трясина воспоминаний. Вернулись боль, сожаление, раскаяние и неутоленное желание – словом, эмоции, которые Глеб не хотел испытывать. Чувства разрушали его. Буквально накануне Гордин спорил с коллегой о

чем-то сугубо производственном, как вдруг всей кожей ощутил присутствие Анны. Казалось, стоит только обернуться, и он увидит ее – свою потерянную любовь. Светлые льдистые глаза, выющийся локон на виске... Улыбка, притаившаяся в уголках мягких губ... Не удержавшись, Глеб оглянулся... И ничего! Кроме привычного офисного интерьера. А ночью Глеб не мог заснуть. Метался по кровати, мучимый фантомным запахом Анны, исходившим от постельного белья, что когда-то впитало пот и сок их страсти.

Он стал раздражительным, агрессивным. Вчера безо всякого повода сказал гадость девчонке-стажерке. Потом, естественно, пришлось извиняться. На Леху Вормина наехал. Тот, конечно, сам виноват – нечего хамить начальству. Но обычно Глеб не обижался, переводил все в шутку. А тут вспылil...

И все из-за гребанного папарацци – лучшего фотографа России, мать его! Меньше чем через час Глеб будет знать его фамилию. И что с ним делать? Набить морду? Раньше было проще – можно было на дуэль вызвать. А сейчас... Какого удовлетворения потребовать? Исправить случившееся было уже невозможно - фотография разлетелась в тысячах копий. Плакаты висели по всему городу, Глеб постоянно натыкался на них. Вот и сейчас постер с обнявшимися любовниками глумливо маячил за окном. Видела ли плакат Анна? Наверное нет, иначе позвонила бы ему. А, может, и не позвонила бы...

Они не встречались уже полгода: не виделись, не перезванивались, не обменивались сообщениями... Странно, но в самом начале романа Глеб наивно считал Анну мягкой и уступчивой. В их паре она была введомой, несмотря на семилетнюю разницу в возрасте. Анна доверялась Гордину с какой-то детской безоглядностью, и это пронимало его до кишок, пробуждая незнакомое раннее желание оберегать. Глеб слишком поздно понял, какой на самом деле она была сильной. Безжалостно сильной.

А он - мужчина, охранитель - подвел Анну. Не смог защитить... А если муж увидит этот злосчастный плакат? Что будет с ней? С ее браком? Надо хотя бы предупредить... При расставании Глеб обещал не звонить. Никогда... И он держал слово, как бы тяжело ему не было. Но в этот раз придется нарушить обещание. Ради блага Анны. «Выйду с выставки и позвоню», - решил Глеб.

Через некоторое время по направлению к кассам потянулась жидкая цепочка людей. Глеб взглянул на часы – три минуты первого. Он расплатился и вышел на улицу.

Экспозиция располагалась в здании, на котором висела странная табличка «Цех красного. Цех белого». Глеб пристроился за теми, кто лучше знал топографию и топонимику Винзавода, и вслед за знатоками спустился в сводчатый подвал. Там и располагался бывший цех, а ныне выставочный зал.

Старые кирпичные стены, переходящие в арки сводов были грубо оштукатурены и побелены. Ничего лишнего, ничего отвлекающего от просмотра экспозиции. Фотографии вешены в два ряда по стенам и на фанерных стендах в центре зала.

Глеб двинулся в обход зала по часовой стрелке. По его расчетам, четверти часа было вполне достаточно, чтобы найти одну-единственную фотографию. Ту самую, которую он никак не мог вычистить из памяти. Найти и узнать фамилию автора.

Гордин сканировал вывешенные снимки равнодушным взглядом. Его мозг механически выполнял проверку - «не то, не то...». Однако постепенно шаг Глеба замедлился, а суровая решимость не отвлекаться сменилась интересом. Все эти фотографии были остановленными мгновениями чьей-то чужой жизни... И, вопреки желанию, некоторые из этих моментов притягивали Гордина, вынуждая смотреть, размышлять и сопереживать.

Глеб надолго застыл перед одной фотографией. Там парень и девчонка лежали на дощатых мостках, шагнувших с берега в озеро. Руки влюбленных переплелись пальцами, ноги раскинулись точно в беге... В спокойной воде отражались облака. И казалось, что эти двое парят в небе, вознесенные над миром силой любви. Глеб однажды видел что-то похожее на картину. Шагала, кажется... Только там художник изобразил фантазию. А здесь образ с репортажной точностью был зафиксирован камерой. Но ощущение радостной свободы полета было тем же самым. Как в счастливом сне. Если бы гребанный папарацци снял их с Анной вот так – влюбленными, счастливыми! Тогда, возможно, простить его было бы проще...

И еще одна работа задержала Гордина. Ее сюжет странно срифмовался с предыдущим. На деревянной лавке, запрокинув голову в небо, лежала девчонка. Пряди ее волос рассыпались вокруг лица. Короткий сарафан не скрывал ноги запредельной длины. На земле рядом с лавкой были аккуратно выставлены ее туфельки-балетки. Точка съемки верхняя: стройная фигурка рассекает плоский кадр энергичной диагональю. И не было бы в этой картинке ничего примечательного, если бы не тень летящей птицы. словно проекция крылатой мечты. Такой свободной, даже бунтарской, по контрасту с занудной аккуратностью выставленных рядом туфелек.

Глеб не заметил, как дошел до конца зала. Фотографии, ради которой он приехал, не было! Гордин занервничал, не ошибся ли выставкой? Нет! Постер на входе в цех красного и белого говорил о том, что ошибки быть не могло. Глеб подошел к дежурной по залу.

- Та, что на плакате? Все победители находятся на втором этаже. Через гардероб направо и вверх по лестнице.

Глеб поднялся на второй этаж. Здесь было светлей и просторней, чем в подвале. Больше воздуха. Фотографии были собраны по рубрикам. «Природа». Не то! Это про зверушек, птичек и бабочек. «Архитектура». Ракурсы, ритмы колонн и арок, резкие свето-тени. Нет. «Стиль». Полуобнаженные красотки, застывшие в искусственных позах... Где же она? «Репортаж»? Нет. И наконец-то Глеб увидел ее. Ту самую фотографию, лишившую его покоя и сна. В рубрике «Люди».

Глеб замер перед огромным глянцевым отпечатком. Как это ни странно, нижний зал продвинул Глеба в понимании фотоискусства. И теперь он смотрел на фотографию глазами двух совершенно разных людей. В душе одного из них по-прежнему кипела обида и ярость. А другой, посторонний зритель, оценивал достоинства работы, победившей на конкурсе. Глеб не смог не признать то, что автор, к сожалению, талантлив. Что он сумел поймать самый драматический момент, когда рушился мир любовников. Их с Анной мир.

Глеб подошел ближе, наклонился, чтобы прочитать табличку с названием. «Александр Корбус. 25 лет. Осень нашей любви». В названии была какая-то щемящая точность. «Нашей. Примазался, паршивец, - с новым всплеском злобы подумал Глеб. - Наверное, мнит себя великим фотографом. Ну, ничего, я его достану».

Пока рефлексирующий Гордин, застыв, стоял перед снимком, сзади подошла молодая пара. Глеб испугался, что его могут узнать – он находился рядом с собственным изображением. Он даже слегка ссутулился, стараясь выглядеть менее заметным. Но пара не обратила на Глеба никакого внимания.

- А вот это классная работа! – уверенно заявил парень. – Такое реальное мясо жизни. Сразу видно, что не какая-то там постановочная тухлятина. Завидую черной завистью!

«Еще один папарацци, - возмутился Глеб. – Этот тоже, не задумываясь, разрушил бы чужую жизнь ради красивой картинки и победы на конкурсе. Что же это за подлая порода такая? Стервятники! Снимали бы себе зверушек и бабочек. Для них фотографии лучше, чем охотники. А к людям бы не лезли!»

- Грустная фотка, - отозвалась девушка. - Кажется, что они умрут друг без друга. Как ты думаешь, что с ними происходит?

- Они расстанутся, это очевидно.

- Это как раз понятно. А почему?

- Не знаю. Может, он уезжает... Например, в горячую точку.

- Нет, не похоже, - не согласилась девчонка. - По виду он совсем не военный. Типичный менеджер.

- Ну, значит, в другую страну. Например, его переводят в Лондонский офис.

- Ага, а ее – в Сиднейский. А, может, он женат? И бросает ее, чтобы вернуться в семью...

«Знала бы ты, идиотка, что не он бросает, а его бросают. Чтобы вернуться в семью» - мысленно восстановил справедливость Глеб.

- Но кольца-то на пальце нет, - возразил против такой интерпретации завистливый папарацци.

- Ну и что! Мужчины редко носят кольцо. А, может, кто-то из них неизлечимо болен? Ну, например, он только что узнал, что у него...

- Рак простаты! – весело предположил парень.

У Гордина от возмущения даже дыхание пресеклось. Вот это наглость! Стоят, пялятся на чужую трагедию. Строят глумливые предположения... Уроды! Глеб чувствовал себя распятым, с душой, вскрытой, как труп в анатомичке. И он не мог защитить ни себя, ни дорогую ему женщину. Он был бессилен. Единственное, что оставалось Гордину – это наказать человека, которому он был обязан унижением. Теперь он знал имя обидчика. Александр Корбус. Малолетний самоуверенный паршивец! Глеб просто обязан преподать ему урок! Хотя бы для того, чтобы впредь неповадно было...

Гордин окатил парня с девчонкой ненавидящим взглядом и непрошено вклинился в чужой разговор:

- Нет у него никакого рака, он стопроцентно здоров!

Развернувшись на каблуках, Глеб пошел прочь. За его спиной воцарилось озадаченное молчание. А потом хихикнул двойной смехок.

Гордин долго блуждал по залу, тянул время. Надо было успокоиться, восстановить самоконтроль. И, наконец, решить, что делать. Александр Корбус. 25 лет. Кто он такой, этот сопляк? Как его достать? Пошарить в глобальной сети? Или обратиться к организаторам выставки? У них должны быть контактные данные.

Глеб снова подошел к дежурной. На этом этаже сидела сухонькая восторженная бабулька с седыми овечьими кудряшками. Глеб включил «обаяшку»:

- Добрый день! Какая у вас замечательная выставка!

Словоохотливая старушенция поднялась со стула, радуясь возможности пообщаться:

- День добрый. Да, в этом году у нас очень сильная экспозиция. В прошлом-то было победнее. А сейчас так много новых имен. Есть очень талантливые работы.

- Согласен. Мне очень понравились некоторые фотографии... Я бы хотел познакомиться с авторами. Купить работы... хм... для оформления офиса. Вы не подскажете, как это можно сделать?

- Вы, молодой человек, зайдите в администрацию, там наверняка знают. А что именно вам понравилось?

- «Осень нашей любви» Александра Корбуса.

- Это та, что на плакате, да? Прекрасная работа, правда?

- Да, хорошая. А этот Корбус... Вы его знаете?

- Не-е-ет, что вы. Это кто-то из совсем молодых. Чуть ли не первый раз участвовал в конкурсе. Может, он и приходил. Даже скорее всего приходил. Кому ж не хочется на свою работу-то на выставке полюбоваться? Может, я его даже и видела. Но не знаю.

- Жалко, что не знаете! И спасибо за совет. Я непременно зайду в администрацию.

Глеб не стал досматривать выставку – интерес к искусству вытеснило более сильное личное чувство. Он узнал то, ради чего приехал – фамилию обидчика. Теперь найти его было делом техники.

В кабинете администрации за компьютером сидела крашеная блондинка средних лет. Типичная «дама от искусства»: интеллигентная и очевидно одинокая. Такие в молодости по излишней разборчивости упускают свой шанс. А после компенсируют пустоту личной жизни работой. И холят свое стареющее тело, все еще продолжая надеяться на чудо. Женщина подняла на Глеба вопросительный взгляд.

- Здравствуйте! – широко улыбнулся Глеб. - Мне порекомендовали обратиться к вам. Я сейчас был на выставке, и мне очень понравились некоторые работы.

- Спасибо, очень приятно. Чем я могу вам помочь?

- Мне нужны контакты одного автора... Я хочу купить его работы.

- Но вы можете купить у нас в салоне. А мы вам и напечатаем, и оформим...

- Нет, мне нужно поговорить именно с автором. Я... то есть наша компания... Мы хотели бы заказать ему серию снимков.

Интерес дамы к посетителю заметно увял.

- Понятно. А кто конкретно вас интересует?

- Александр Корбус. С ним можно как-то связаться?

- Почему с ним? С ней. Саша Корбус – это женщина. Девушка. И очень симпатичная, между прочим.

Известие о смене пола врага расстроило Глеба. И так-то перспектива наказать обидчика была сомнительной. А теперь – по отношению к женщине – становилась совсем нереальной. Может, администраторша что-то перепутала.

- Но у вас на табличке напечатано «Александр Корбус».

- В самом деле? Это опечатка. Спасибо, что сказали. Мы обязательно поправим.

- И кто такая – эта Александра?

- Молодой фотограф. Или, как у нас говорят, фотографиня. Очень талантливая. И, кстати, она внучка того самого Корбуса.

- Какого «того самого»?

- О! Значит, вы очень далеки от фотографии. Элем Корбус – это известный фотограф. Еще советских времен. Никогда не видели такой знаменитый портрет Высоцкого: он там в своей гримерке? Снимает грим с лица. Одна половина еще белая с накрашенным глазом, а вторая – уже естественная. Человек и лицедей в одном образе.

- Да, видел. Хороший портрет.

- Так вот это работа Элема Корбуса. А Саша – его родная внучка. И ученица, естественно.

- А почему же она не снимает портреты?

- Почему не снимает? Снимает. И вполне успешно. Но специализируется она на стрит-фото. И, согласитесь, это у нее получается просто виртуозно. Кстати, а вы чем-то похожи на мужчину с ее фотографии. Это случайно не вы?

- Нет, случайно не я, - уверенно солгал Глеб. - Хотя, действительно, что-то общее есть. Типаж одинаковый. А как с вашей Сашей можно связаться?

- Ну, например, через ее страничку на Фликре.

- А Фликр – это что такое?

- Социальная сеть для фотографов. Международная.

- Но у вас же наверняка есть ее телефончик? – просительно улыбнулся Глеб.

- Нет, извините, но мы телефоны наших авторов не даем. Если хотите, оставьте свой, я передам его Саше. Вас, кстати, как зовут?

- Глеб. Глеб Гордин.

- Отлично, Глеб. Пишите ваши контрактные данные. Я все передам Саше, - и женщина придвинула Гордину раскрытый ежедневник.

Глава 5.

Выйдя с выставки, Гордин набрал номер, который раз и навсегда отпечатался в памяти. Под аккомпанемент отстукивающего степ сердца, он выслушал несколько длинных гудков, пока вызов не прервался. «Она специально сбросила, - догадался Глеб. - Видит, что это я звоню». Тогда он набрал сообщение: «Пожалуйста, позвони мне, как только сможешь. Это важно для тебя».

Звонок застал Гордина, когда тот садился в машину. Прежде чем ответить, Глеб глубоко вздохнул, пытаясь выровнять сбившееся дыхание. Полгода он не слышал серебряного голоса Анны.

- Глеб? Здравствуй. Зачем ты звонил?

- Здравствуй. Ты как?

- Нормально... - дрожь в голосе опровергала слова. - Спасибо. А ты?

- Я **не** нормально. Мне плохо без тебя.

- Прошу тебя, не начинай. Ведь мы обо всем договорились! Не мучь меня снова. У меня только-только стало что-то налаживаться.

Несколько секунд они помолчали, прислушиваясь к неровному дыханию друг друга.

- Ты только за этим звонил?

- Нет. Кое-что случилось...

- Что? – в голосе Анны проскользнула тревога.

- Помнишь, как в последний день мы с тобой гуляли в Музее. Как прощались? И целовались на улице...

- Я не хочу об этом вспоминать. Глеб, не надо...

- Аня, нас сфотографировали вместе.

- Что? За нами кто-то следил? Зачем? – тревога в голосе Анны стала еще ощутимей.

- Нет, это не то, что ты подумала. Нас сняла какая-то девчонка, соплячка. Александра Корбус.

- Откуда ты знаешь? Она шантажирует тебя?

- Нет. Но она выставила эту фотографию на конкурс. И та заняла первое место.

После нескольких секунд молчания серебряный голос опасно спросил:

- И что теперь?

- Фотография попала на рекламный плакат выставки. И сейчас висит по всему городу. Я случайно наткнулся два дня назад.

- Где? Где именно он висит? – пыталась Анна.

- Аня, это – реклама, она развешана везде. Я уже видел ее трижды в разных местах. А сама выставка проходит на Винзаводе. Знаешь такой?

- Нет. Это где?

- Рядом с Курским. Я сейчас как раз здесь. Кстати, здесь тоже торчит этот гребанный плакат.

- Какой ужас! Глеб, неужели ничего нельзя сделать?

- Боюсь, что нет. Выставка открыта уже две недели.

- Может, мы можем потребовать, чтобы фотографию убрали?

- Нереально! Представляешь, сколько денег вбухано в рекламу?

- Что же делать? На выставку Сергей, конечно, не пойдет. Но плакаты в городе... А там видно, что это я?

- Для меня очевидно.

- А что там, на этой фотографии? Мы целуемся?

- Нет. Просто стоим обнявшись. Теоретически там изображены просто мужчина и просто женщина. Ведь твой муж никогда меня не видел. А женщина может оказаться просто похожей на тебя.

- Как думаешь, это пройдет?

- Может пройти, если ты будешь достаточно убедительна. А, может, он вообще ничего не увидит...

- Спасибо, что предупредил, - Анна молчала, и Гордин понимал, что она должна, но не может оборвать разговор. - Глеб, если фотография победила в конкурсе, она хорошая?

- Да, хорошая. Многим нравится. Мы с тобой сделали эту Александру Корбус знаменитостью.

- А я могу ее где-нибудь увидеть? Я имею в виду фотографию... Ну, кроме выставки...

- Наверное, в Интернете можно найти. Тем более, если она на рекламном плакате. Называется «Осень нашей любви».

- Точное название...

- Да, очень точное...

Бывшие любовники помолчали еще несколько секунд.

- Я пойду? – будто бы с сомнением спросила Анна. Если бы Глеб мог, он не позволил бы ей оборвать разговор. Но все попытки удержать женщину были давно испробованы и оставлены как бесполезные.

- Иди. Береги себя!

- Ты тоже.

Короткие гудки обозначили разрыв линии, связи, отношений...

Они познакомились летом прошлого года. В июле. Встреча стала закономерным результатом совпадения случайностей. Глеб летал на конференцию в Новосибирск. Самолет задержали по техническим причинам, и Гордину пришлось долго маяться аэропорту на жестком неудобном стуле. Потом еще четыре часа он болтался в небе, пытаясь хотя бы немного подремать. Но в кресле сзади надсадно плакал ребенок, а бестолковая молодая мать никак не могла успокоить своего отпрыска.

Днем Глебу обязательно надо было появиться в офисе. Он заскочил домой принять душ, побриться и переменить рубашку. От усталости и раздражения дрожали руки. Бреясь, Глеб поранил выступающую родинку на левой скуле. Та закровила. Глеб прижег ранку спиртовым лосьоном. Но к вечеру родинка воспалилась. Напуганный предостережениями коллег и страшными постами из Интернета, Гордин отправился в клинику лазерной медицины.

На пороге врачебного кабинета его настиг застрявший в подсознании детский страшок перед докторами. Страшные люди! С целым набором пыточных инструментов: шприцами, иглами, скальпелями... Сердце Глеба невольно забилось быстрее обычного... Словно ужасный врач из далекого прошлого приложил к его груди свой холодный стетоскоп. Но за столом сидела симпатичная миниатюрная блондинка в голубом халатике. И цвет был ей к лицу – хорошо сочетался со льдистыми глазами.

- Проходите, садитесь вот сюда, - сказала женщина голосом, в котором звенело серебро, и указала на стул под яркой лампой. - Что у вас?

Гордин объяснил. Доктор вымыла руки, подошла к Глебу и взяла его лицо в ладони. Тот смутился от внезапности нарушения границ личного пространства. Женщина оказалось слишком близко. Так близко бывают только родные люди. Доктор хозяйским жестом повернула голову Глеба вправо и потрогала запекшуюся кровяную корочку прохладными пальцами. Гордин доверился ей сразу же, с первого прикосновения, так похожего на ласку. Детский страх исчез. Глеб расслабился и принялся с интересом разглядывать склонившееся над ним прелестное лицо.

Женщина была уже не так молода, как представилось с первого взгляда. Старше Глеба. Но было в ней какое-то потаенное очарование, которое, может быть, и открывалось-то только на таком сверхблизком расстоянии. Серый цвет радужки ее прекрасных льдистых глаз распадался на десятки оттенков от голубого до рыжего. Подвижный зрачок «дышал» - то расширялся, то сужался, реагируя на малейшие изменения освещенности. С ресниц осыпалась засохшая тушь, и крохотные черные пылинки осели на нижнем веке. Между светлыми выщипанными бровями обозначилась озабоченная складка. Уставшая бледная кожа собралась вокруг глаз пока еще малозаметной сеточкой морщин.

Глеб преисполнился сочувствием к этой замотанной жизнью женщине.

- Что вы так на меня смотрите? - наконец не выдержала та.

- Пытаюсь прочесть свой приговор, - сострил Глеб. - Доктор, я буду жить?
 - Не вижу ничего несовместимого с жизнью, больной. Сейчас мы срежем с вашей кожи это опасное украшение и отпустим вас жить дальше.
 - А как вас зовут, доктор? – сам не зная для чего, поинтересовался Гордин.
 - Зовут меня Анной Аркадьевной. Как Каренину. Легко запоминается.
 - Опасное сходство. Вас к паровозам не тянет?
 - Как-то не замечала за собой.
 - А меня зовут Глеб.
 - Красивое имя. Редкое. Сейчас мы соскоблим ваш невус.
 - Что сделаем?
 - Родинку удалим. Потерпеть придется минут пять. Это не больно, но запах неприятный будет. Запах паленого мяса.
 - Моего мяса?
 - Вашего - вашего, - усмехнулась Анна Аркадьевна. – Что, страшно?
 - Еще бы не страшно! Вдруг увлечетесь и полностью меня поджарите.
 - Да, мне как раз не удалось сегодня пообедать. Я бы не отказалась от хорошо прожаренного кусочка мяса.
- Когда процедура закончилась, Глеб, неожиданно для себя, взял руку Анны Аркадьевны и поцеловал. Сначала тыльную сторону, а затем, развернув, - запястье, где под его губами часто бился тонкий голубой пульс.
- Зачем вы это? Не надо, - Анна быстро отдернула руку.
 - Это благодарность за спасение жизни.
 - Вашей жизни ничего не угрожало. Кроме меня, конечно.

В тот день Гордин вернулся к клинике перед самым ее закрытием. Он сидел в машине и ждал, когда на крыльце появится Анна Аркадьевна. Глеб загадал: если она выйдет вместе с коллегами, он не станет ее беспокоить. А если одна - то непременно окликнет и пригласит в ресторан. Просто поужинать. Чтобы вечер приятно отличался от вчерашнего. Или завтрашнего. В последнее время Глеба угнетало однообразие жизни. Дом – работа – работа – работа – работа - и снова дом. Теперь, когда компания, где Гордин был одним из учредителей, встала на ноги, хорошо было бы заняться личной жизнью. Замутить нечто волнующее...

Анна вышла из клиники одна... Накинув на тонкое плечо ремешок сумки, зацокала каблукочками по асфальту. Июльский ветер играл широкой цветастой юбкой, облеплял тканью стройные бедра, длинные ноги... Глеб шагнул навстречу и протянул букет белых роз:

- Анна Аркадьевна, добрый вечер. Это – вам.

- Глеб... Спасибо, но не стоило. Красивые цветы.

- Поужинайте сегодня со мной. Я ваш должник, и мне бы очень хотелось сделать для вас что-нибудь приятное. Вам же сегодня не удалось пообедать...

- Вы мне никакой не должник, если оплатили через кассу стоимость услуг.

- Деньги – это клинике, а не вам. А вам я должен, как минимум, хорошо прожаренный кусочек мяса.

- Глеб, к чему все это? Не нужно. Я замужем.

«Замужем...» - расстроился Глеб. Он еще в кабинете заметил, что обручального кольца на пальце не было. Впрочем, врачи обычно не носят колец. Глеб пожалел, что окликнул Анну. Но отступить при первом же возражении было не в его правилах.

- Анна Аркадьевна, я же вас не в ЗАГС приглашаю... Только в ресторан. Неужели два хороших человека не могут просто поужинать вместе? Или ревнивый супруг считает каждую минуту опоздания с работы?

Анна улыбнулась:

- Нет, не считает. Его сейчас вообще нет в городе.

- Вот видите! Ужинать в одиночку скучно. А я обещаю вам приятный вечер.

Глеб понял, что Анна готова уступить. И усилил нажим:

- Ну что, согласны?

- Настырный вы товарищ, Глеб. Хотите, чтобы все было по-вашему.

- Хочу, - с готовностью признался Гордин.

По всем разумным соображениям, Глебу не стоило приглашать Анну Аркадьевну на ужин. Если б тогда он просто вручил ей букет... Мог бы еще раз ручку на прощанье поцеловать. Галантно, стильно и без последствий. Но что-то в этой женщине зацепило Гордина.

В ресторане они перешли на ты. Болтали бог весть о чем, смеялись. Анна оживилась, засветилась изнутри и стала казаться девочкой-студенткой, флиртующей с однокурсником. Глебу было легко с ней. Он позволил себе роскошь ни о чем не думать, ничего не анализировать, а просто получать удовольствие от незапланированного свидания. Прозрачные сумерки июльского вечера, близость красивой женщины, возбуждение от легкого флирта, вино... Что еще нужно для сиюминутного ощущения счастья?

Около девяти Гордин подвез Анну к дому и вышел вместе с ней из машины. Не хотелось верить, что Анна сейчас развернется и уйдет от него. Навсегда. Ведь им было так хорошо вдвоем! Глеб зашел вместе с Анной в подъезд.

- Спасибо за приятный вечер! – поблагодарила Анна. - Внезапный праздник среди будней. Ты поезжай домой.

Глеб услышал в ее словах нотку сожаления. Значит, была надежда на продолжение.

- Я провожу тебя до квартиры.

- Нет, не надо!

Но Глеб уже нажал кнопку вызова лифта. Они поднялись на седьмой этаж и остановились перед дверью. Гордин взял руку Анны и поднес к губам. Поцеловал ладонь, запястье и стал прокладывать длинную дорожку сухих горячих поцелуев вверх по выступающим венам. Анна не сопротивлялась, только изо всех сил сжимала кулачок, от чего вены проступали сильнее. Губами Глеб чувствовал, как неистово колотится ее пульс.

- Аня,пусти меня к себе.

- Нет!

- Пусти, ведь ты сама этого хочешь. Я обещаю, что все будет хорошо.

Как же он был самонадеян тогда! Но в тот миг Гордину казалось, что все просто и ясно. Мужа нет в городе, квартира пуста и налицо обоюдное желание поддаться соблазну и еще немного продлить короткий незапланированный праздник посреди будней.

- Глеб, не надо. Я замужем, у меня ребенок, семья... Понимаешь? И потом я значительно старше тебя. Зачем все это?

- Никто не отнимает у тебя твою драгоценную семью. Аня, я просто хочу, чтобы сегодня тебе было хорошо. Маленькое безобидное удовольствие. Без последствий.

Гордин обнял Анну и поразился, насколько она миниатюрна: белокурая макушка едва доставала ему до подбородка. Глеб жадно втянул ноздрями аромат женщины, в котором свежесть парфюма уже перебивалась запахом тела, пропотевшего от искушения и страха:

- Ну? Пустишь?

Внизу кто-то вызвал лифт. И тот, натужно скрипя, двинулся сначала вниз, а потом, уже с пассажиром, вверх. Когда звук опасно приблизился, Анна достала ключ, быстро отперла дверь и почти насильно втокнула Глеба в темную прихожую. Предосторожность оказалась не напрасной: через несколько секунд послышался глуховатый голос соседки:

- Что-то вы, Аннушка, сегодня припозднились.

- Работы много. Будто и не лето вовсе...

- А где же ваши мужчины? Что-то я давно их не видела.

- Сергей повез Антошку к своей матери в Смоленскую область. Доброго вечера, Марина Сергеевна.

Едва Анна закрыла за собой дверь, Гордин почти грубо схватил ее и прильнул к губам, не давая времени опомниться и пожалеть о случившемся. Но Анна уже смирилась со своим грехопадением. Она пылко ответила на поцелуй. Глеб подхватил ее на руки и коротко спросил: куда?

- Только не в спальню! В гостиной есть диван.

Анна нервничала и стеснялась всего: дешевого хлопкового белья, рыхлого живота с послеродовыми растяжками, избытка курчавой растительности на лобке... Глеба все это умиляло, потому что свидетельствовало о непорочности женщины, которую он первым вовлекал в порок.

И, как бы ни хотелось Глебу выглядеть крутым мачо, он тоже нервничал, суетился... Любовники тыкались друг в друга с неловкостью подростков, вздрагивали от прикосновений незнакомых рук. В первый раз все получилось ужасно. Глеб едва успел натянуть презерватив (позаимствованный, кстати, из семейного запаса) и ворваться внутрь горячей женской плоти, как все было кончено. Какой конфуз! И, едва отдышавшись, Гордин снова завозился с ласками, чтобы хоть как-то реабилитировать себя и доставить удовольствие партнерше.

Может, именно тогда Анна и прикипела к Глебу: пожалела растерянного мальчика, спрятанного внутри взрослого мужчины. И как только сверкнуло чувство, пришло и наслаждение. Любовники вместе достигли оргазма.

А после Анна испуганным зверьком рванулась с дивана. Глеб едва успел удержать ее:

- Что ты? Что не так?

- Все не так! Ужасно, все это ужасно. Я не должна была...

- Тебе было так плохо со мной?

- То-то и ужасно, что хорошо. Мне было очень хорошо. Я даже не помню, когда было так хорошо. Но это не должно больше повториться. Понимаешь?

- Нет, не понимаю. Тебе было хорошо, мне было хорошо. Что не так?

- Я замужем, понимаешь? У меня есть сын, понимаешь? И я не могу рисковать благополучием своей семьи.

- Да нет никакого риска.

- Есть. Риск во мне, понимаешь? В том, что захочу больше того, что имею... Глеб, уезжай, прошу тебя. Пожалуйста.

Глеб уехал. Но следующим вечером он снова ждал Анну у клиники. И по тому, как она, стоя на крыльце, огляделась, высматривая Гордина, тот понял, что связь не будет одноразовой.

А потом все пошло-покатилось. Свидания переместились в холостяцкую квартиру Глеба. Полторы «медовых» недели любовники встречались каждый вечер. Захмелевший от счастья Глеб встречал Анну после работы и вез к себе. По пути они останавливались у гастронома и совершенно по-семейному закупали продукты, вино. Потом вместе готовили ужин, наскоро ели и перемещались в постель.

Все их общение происходило в постели. Они занимались любовью – то коротко и страстно, то медленно взбираясь на вершину возбуждения. А после лежали, тесно прижавшись друг к другу. Они говорили обо всем на свете. О детстве, о музыке, о работе. Как будто близость обнаженных тел способствовала сближению душ.

Была между ними только одна запретная тема – муж Анны. Он был фигурой умолчания, темным анонимным силуэтом где-то на заднике сцены их незаконного романа. Однако давящее присутствие этого «каменного хозяина» ощущалось Глебом постоянно.

Зато Анна часто говорила о сыне Антошке: какой он умненький и хорошенький мальчик, как быстро взрослеет, какие фантастические идеи рождаются в его светлой голове. Она показывала Гордину фотографии из телефона. Глеб слушал, смотрел и отчаянно ревновал.

В августе вернулся муж Анны. Встречи сократились до одной-двух в неделю. На каждом свидании любовники так исступленно предавались страсти, будто запасались любовью впрок, на будущее, где они уже не будут вместе. Оба понимали, что их отношения обречены, но делали вид, что не знают этого.

- Глебушка, милый мой, ты для меня воплощенный соблазн, понимаешь, - говорила Анна. – Мне уже скоро сорок. Если подумать, что было у меня в жизни? Одна любовь... Не считая полудетских увлечений... Один брак. По-своему счастливый, но ставший рутиной. Удобной, уютной ... но рутиной. Один сын. И больше уже ничего не будет. Понимаешь? И вдруг – ты. Такой молодой, обольстительный. С целованием ручек. С ненасытным желанием. Ты даже не замечаешь, что каждым своим взглядом, каждым прикосновением показываешь, как хочешь меня. Меня – затраханную жизнью сорокалетнюю тетку. Я не верю, понимаешь? Неужели у тебя нет девушки?

- Ты и есть моя девушка! Ты, Аня, говоришь так, будто жизнь твоя кончена. И уже нет смысла что-то менять. Но это же не так! Помнишь, что в сорок лет жизнь только начинается? Уходи от мужа! Поженимся... Антошку твоего я буду любить как отец. Еще ребеночка родим. Или даже двоих. Хочешь?

- Глебушка, ты сам не понимаешь, что говоришь. Поженимся... А через год ты опомнишься: старая жена, чужой ребенок. Зачем тебе это? У тебя еще все впереди – и любовь, и семья...

- У нас с тобой все впереди. Если **ты** этого захочешь. Почему ты мне не доверяешь?

- Милый мой, я даже себе доверять не могу. Не то что другому!

Иногда они встречались в городе. Проводили вместе час или даже полчаса. Гуляли, держась за руки, сидели в кафе... Был в этих публичных свиданиях риск. Но именно он придавал роману пикантный привкус опасности. Гордин почти желал, чтобы их увидел кто-нибудь из знакомых Анны. Только так, через разоблачение, можно было порвать окончательно запутавшийся клубок отношений. Глебу претило делить Анну с другим мужчиной, у которого на нее больше прав. Но силой заставить ее уйти из семьи Гордин не мог.

Анна тоже страдала. Страдание сводило ее тонкие брови, сминало губы в горестную складку... Но Анна молча несла бремя вины за ежедневную ложь, за минуты, украденные для себя у самых близких, нуждающихся в ней людей.

Иногда звонил ее мобильный. И Анна, порозовев от стыда и повернувшись спиной к Глебу, фальшивым голосом рассказывала что-то про заболевшего коллегу или срочного пациента. Каждый раз она добавляла ко вранью сочные детали: имена, фамилии, обстоятельства места и времени. Все это должно было придать лжи больше

убедительности. И все равно Глеб не мог понять, как муж верит ей. Анна невольно выдавала себя счастливым звоном серебряного голоса.

Роман, со временем набравший и сладость, и горечь, длился чуть больше трех месяцев. Потом уже Глеб узнал, что по статистике (есть и такая!) адюльтер столько и продолжается. В среднем. За это время угрызения совести и трудности сокрытия связи перевешивают соблазн. Они с Анной не стали исключением. И однажды Гордин услышал то, чего боялся:

- Все, я больше так не могу. Я сойду с ума, понимаешь? Глебушка, милый мой, не терзай меня, отпусти. Прошу тебя, умоляю.

Что ж, рано или поздно так должно было случиться. И все-таки Глеб надеялся, что Анна останется с ним. Поселится в его квартире, приведет Антошку... Но чуда не случилось. Гордин снова (в который раз!) принялся уговаривал Анну: настаивал, убеждал, обещал... Но та словно не слышала.

- Давай сейчас не будем говорить об этом. У меня ужасно болит голова. Давай встретимся завтра и все обсудим. Завтра у меня свободный день. Целый день. Понимаешь? Ты сможешь отпроситься с работы?

Раньше Анна никогда не посвящала Глебу целый день. Очевидно, это был прощальный подарок. Завтра они расстанутся.

Анна приехала к Глебу с самого утра, и они долго ненасытно любили друг друга. Гордин потом месяц не менял постельное белье, чтобы сберечь запах. Потом любовники отправились в Нескучный сад – традиционное место их прогулок. Там Анна и произнесла свой приговор. Глеб предпринял последнюю попытку переубедить ее, но тщетно. Все было кончено.

Стояла осень, начало октября – прекрасный и печальный финал годового цикла. По странному совпадению уже на следующий день зарядили дожди, оплакивавшие несостоявшееся счастье. Но последний день перед разрывом был прекрасен. Кроны лип лоснились тусклым золотом, и даже воздух пропитался густым лимонадным цветом. Порывами налетал ветер, похожий на неровное дыхание неуголенной страсти, срывал с веток листья и подолгу кружил их в воздухе. Золотой дождь – эффектная концовка отыгранной пьесы.

Любовники молча бродили по аллеям, держась за руки. Говорить было уже не о чем – им предстояло снова стать чужими. Иногда Анна принималась плакать, и Глеб утешал ее, гладя по голове, Как ребенка.

Так, измученные, опустошенные, они по набережной добрались до парка Музеон, где их, слившихся в прощальном объятии, подстрелила камера этой гребанной папарацци - Александры Корбус.

Глава 6

После выставки Гордин снова начал думать об Анне. Полгода он гнал эти мысли прочь, не позволяя себе ни вспоминать, ни строить предположения «что было бы, если б...». А

теперь, когда Глеб перекипел, всего один звонок разрушил спокойствие, оказавшееся на поверку таким непрочным.

Глеб многократно прокручивал в голове их короткий разговор. «У меня только-только стало налаживаться...». Слышать это было больно. У него-то так ничего и не налажилось. И в памяти, как заноза, торчала та самая плакатная фотография – безжалостное напоминание о Гординском любовном фиаско.

Глеб беспокоился об Анне, несколько раз набирал и сбрасывал ее номер. Что будет с ней, если муж увидит развешенное по всему городу свидетельство измены? Что станет с ее браком, в котором «только-только стало налаживаться...»? И как бы ни было Глебу обидно, что Анны способна забыть о нем, он не желал ей зла.

Обида Гордина сфокусировалась на одном объекте. Теперь он точно знал, кому адресовать проклятия. Александра Корбус. Безмозглая и безответственная фотоманьячка, опасная, как обезьяна с гранатой. Которая даже не сомневается в своем праве подглядывать за людьми и афишировать их личные тайны. А победа на конкурсе – это публичное признание ее правоты. Глеб просто обязан остановить эту соплячку! Наказать ее, чтобы в следующий раз поостереглась соваться чужую жизнь! Пусть только позвонит!

Но прошла суббота, за ней воскресенье, а Корбус так и не позвонила. Может, дама с Винзавода забыла передать ей Гординский номер? Или намеренно не стала этого делать? Они не любят, когда клиенты договариваются с фотографом напрямую, минуя посредника...

А пока длилось ожидание, Глеб предпринял собственное расследование. Найти в Интернете информацию об Александре Корбус было делом несложным. Особенно после ее победы на конкурсе. «Портрет врага» - аватарка на страничке Фликра. Девчонка оказалась непохожа на выдуманную Гординым беспринципную стервятницу. Милое юное лицо. Она выглядела моложе своих двадцати пяти. Точнее, уже двадцати шести. А фотография была замечательна. Лицо освещено с одной стороны, а на второй, теневой, половине изображение только угадывалось. Насмешливый карий глаз под густой «крылатой» бровью. Короткая мальчишеская стрижка. Четко очерченные скулы. Подбородок с ямочкой. Длинная-длинная шея – тонкая и беззащитная, как стебелек тепличной рассады. Глебу даже вспомнилось смешное детское слово с тремя «е» подряд – «длинношеее». И выступающая из тени половинка пухлых губ, где нижняя похожа на спелую ягоду, которую только прикуси, и брызнет сок.

Страничка Александры Корбус была открыта три года тому назад. Сейчас там горделиво красовалась ненавистная «Осень нашей любви», пролайканная больше полутора тысяч раз и собравшая длинную череду восторженных комментариев. Глеб снова поразился обилию вуайеристов.

За три года Корбус разместила солидную галерею работ. В основном это были уличные съемки. Чаще всего девчонка снимала в Москве, но были фотографии Питера, Казани, Нижнего Новгорода, Вологды. Узнаваемые городские пейзажи служили для нее только фоном - героями были люди. Она снимала стариков и детей, влюбленных, мечтателей, рабочих, уличных музыкантов, просто прохожих... И всегда в работах Корбус присутствовало что-то особенное, связанное с неповторимостью ее взгляда на мир. Простые, на первый взгляд, картинки цепляли Глеба: заставляли вспоминать, размышлять, улыбаться или сопереживать.

Время от времени Корбус публиковала образцы заказных работ. Чаще всего это были свадьбы. Красивые романтические сюжеты и даже без присущего жанру китча. Воплощение девичьей мечты о главном событии жизни. Были на страничке и студийные портреты. И дама-администраторша Винзавода оказалась права: достойные работы. В них Корбус не стремилась оригинальничать ради оригинальности, не использовала натурщиков как с бездушный реквизит... Портреты были... (Глеб задумался, как это определить)... Они были человечны. В них светилась душа. Неужели их тоже снимала Александра Корбус – нахальная и безответственная папарацци?

Внимание Глеба привлекли несколько эффектных портретов красивого блондина с дымчатыми глазами. Интересно, кто он? Клиент? Натурщик? Или любовник? Последнее предположение Гордину почему-то не понравилось...

В общем, изучение аккаунта Александры Корбус, убедило Глеба в том, что и так знал: девчонка была несомненно талантлива. Ей удавались разные жанры. Но сама она явно предпочитала подкарауливать на улице тех, кто даже не подозревал об исходившей от нее угрозе. И портить им жизнь. Несправедливо, но факт: иногда талант достается тому, кто его не заслуживает.

Долгожданный звонок раздался в понедельник вечером. Когда на дисплее смартфона отобразился незнакомый номер, Гордин занервничал и хрипло каркнул в трубку:

- Да?

- Алло, – женский голос звучал непривычно низко, словно виолончель. – Это Александра Корбус. Мне передали ваш телефон с просьбой позвонить. Вот я звоню. Что вы хотели?

«Что я хочу? - злобно подумал Глеб. – Тебе пока этого лучше не знать!»

- Я хотел бы встретиться с вами.

- Зачем?

- Из-за ваших фотографий. Мне... м-м-м... в общем, они цепляют меня.

- Вы вроде бы хотели заказать серию снимков. Это действительно так?

- Давайте обсудим все при личной встрече.

- Хорошо. Когда и где?

Глеб вошел в кафе, освещенное приглушенным светом, и огляделся. За столиками сидели парочки или одиночки, уткнувшиеся в смартфоны. Никого похожего на Александру Корбус. На всякий случай Гордин еще раз внимательно проинспектировал одиноких женщин. Будто пикапер, выбирающий очередную жертву. Нет, девчонка еще не пришла. Что ж, он подождет!

К Глебу подскочил вертлявый официант:

- Здравствуйте. Вы один?

- Нет. У меня назначена встреча с девушкой.
- Тогда, пожалуйста, проходите вон к тому столику у окна. Вам там будет удобней.
- Нет, я сяду напротив двери, - заупрямился Гордин.

Глеб заказал себе двойной эспрессо и принялся ждать, выстукивая ногтями по пластиковой столешнице нервный ритм. Четырежды дверь открывалась, впуская новых посетителей, но каждый раз это были другие люди. Прошло пять минут после назначенного времени, потом десять... Раздражение Глеба нарастало, стук ногтей становился все громче и чаще.

На двенадцатой минуте в дверях появилась высокая девушка в короткой куртке защитного цвета и черных джинсах. На шее в несколько слоев был намотан шарф рыхлой вязки, призванный утеплить несколько легкомысленную для переменчивого марта одежду. Глеб узнал ее сразу. Он приподнялся из-за стола и помахал рукой. Девушка кивнула, помахала в ответ и двинулась к нему.

- Вы Глеб? – в голосе звучал уже знакомый Гордину густой виолончельный тембр.

- Да, это я.

- А я Саша. Вы уже заказали? Закажите мне капучино. Я сейчас вернусь.

И нахалка прошествовала мимо Гордина в туалет. «Даже не подумала извиниться!» - почти восхитился Глеб. – И хорошо, и отлично!». Ее поведение освобождало Гордина от необходимости быть любезным.

Минут через пять Корбус вернулась и села за столик напротив Глеба. Она была похожа на свою фотографию, только лучше. С холода ее щеки покраснелись, в волосах мерцали бриллиантовые капельки растаявшего снега. Девчонка сняла объемный шарф и обнажила тонкую шею. «Длинношеее, - усмехнулся Глеб. – Я бы мог сломать эту тщедушную шейку одними пальцами».

Александра отхлебнула капучино, испачкав верхнюю губу молочной пенкой с коричной крошкой, и пристально посмотрела на Гордина:

- Ваше лицо мне почему-то знакомо.

- Да?

- Мы раньше не встречались? Где я могла вас видеть?..

Глеб достал из кармана смартфон, сделал быстрое селфи в профиль и поднес дисплей к самому носу девчонки:

- Так привычней будет?

Корбус все поняла, едва взглянув на дисплей. Ее самоуверенная улыбка мгновенно увяла:

- О, черт! Вы – тот мужчина с моей фотографии!

- С твоей? – зловеще-спокойно процедил Глеб. – А вот ни хрена! Это **моя** фотография! Моя и моей женщины. Ты не должна была выставять ее!

- Что вам от меня нужно? – почти испуганно спросила девчонка, сжав кулаки в защитной реакции.

Глеб не смог бы внятно сформулировать, какой именно сатисфакции он хотел. Определенно ему не нужны были никакие цивилизованные материальные компенсации морального ущерба. Пусть эта девчонка сама, на собственной шкуре, испытает бессилие человека, чьи тайны выставлены напоказ. Око за око!

- Была бы ты мужиком, я бы морду тебе набил! Несмотря ни на какие первые премии, - с каждой новой фразой спокойствие Глеба позорно рушилось. - А с тобой, соплячка, что делать? В суд на тебя подать?

Минутный испуг девчонки трансформировался в бойцовский азарт. Крылатые брови гневно сошлись на переносице буквой «V», в глазах полыхнуло недоброе пламя:

- Это за что же? - девушка скрестила руки на груди.

- За то, что ты меня подставила! Нас подставила! Мы имеем право на защиту от вторжения в частную жизнь! Ты не должна была афишировать наши отношения!

- Что жена фотографию увидела, любовничек? Так тебе и надо!

- Я не женат.

- Тогда что ты так дергаешься?

- Потому что благодаря тебе, интимная сцена с моим участием развешана плакатами по всему городу! - Глеб уже почти кричал. – Она уже попала в Интернет, и, значит, останется там навсегда!

- И что же в ней такого «интимного»? Насколько я помню, ни секса, ни извращений каких-нибудь там нет. Подумаешь, мужчина обнимает женщину! Такое можно увидеть по десять раз за день.

- Моя женщина замужем.

- Поздравляю! Если замужем, значит, она – не твоя женщина, а чужая, - с безупречной логикой заключила девчонка.

- Не твое дело, соплячка! – взвился Глеб.

- Точно! Не мое. Это – твое дело! Если ты так заботишься о ее чести, то какого черта ты лизался с ней в публичном месте? Чтобы ты был в курсе, для интимных свиданий есть отели на час. И по очень умеренным ценам. Ты бы еще надумал на Красной Площади любовью заняться, извращенец!

Глеб отметил, что лицо девчонки покраснело, глаза недобро прищурились. А губы, яркие, точно вымазанные ягодным соком, собрались как для плевка.

- Это ты извращенка, а не я! От таких, как ты, ни в каком отеле не скроешься! Да ты ради картинки в замочную скважину без мыла влезешь! Представляешь, какой убойный кадр можно снять! И послать на конкурс!

- Не тужься, придурок! Я тебя не через замочную скважину снимала! А на улице я имею полное право фотографировать все, что я захочу. Можешь поинтересоваться законодательством на эту тему.

- Кроме законодательства есть еще и совесть! Ты бы хоть раз подумала своим цыплячьим мозгом, что можешь разрушить чью-то жизнь. А если ее муж увидит этот плакат?..

- Ну да... А ты, конечно, гиперсовестливый? Трахал чужую жену и страшно мучился совестью. Таким как ты всегда легче найти виноватого, чем признать собственную вину! Это ты подставил ее, усек, ты, а не я! Ты как грабитель, который обчистил магазин, попался и ноет, что его жизнь сломала камера наружного наблюдения. Не воруй - не поймают, понятно? Представь, что тебя камера зафиксировала!

В обидных словах девчонки была отрезвляющая правда. Гордин не должен был выставлять их с Анной отношения напоказ. Даже если в глубине души хотел, чтобы их связь была раскрыта. Но ведь Анна-то этого не желала... Получается, Глеб подставил ее...

Пусть так. Но не этой сопливой папарацци читать ему мораль! Если б не ее идиотская фотография, отправленная на конкурс... Все бы обошлось! А теперь судьба Анны подвешена в неопределенности. И Глеб ничего не мог с этим поделать! «Имею полное право фотографировать все, что я захочу». Да вот хрен тебе, паршивка!

- Камера наружного наблюдения?! Съемки камеры не попадают на выставки и в Интернет! А тебе же непременно надо было выставиться! У нас же амбиции! Сколько чужих жизней ты готова положить, чтобы стать лучшим фотографом России? Папарацци гребанная!

- Может, ты не в курсе, но папарацци снимают селебрити. Ты вообразил себя звездой? Я бы тогда на тебе хоть деньги приличные заработала... А за таких, как ты, ничего не платят!

Глеб с ненавистью посмотрел на тонкую девичью шейку. словно черт нашептывал ему схватить ее и слегка прижать. Просто, чтобы попугать. Подпортить непомерное самомнение этой соплячки.

- Ты еще скажи, что за первое место ничего не получила. Бессребреница!

- Представь себе, получила. Но не за твою тухлую морду, а за классную карточку! Так что своей победой я обязана только себе!

- Все равно ты не имела права выставлять фотографию на конкурс без нашего согласия! Я могу подать на тебя в суд.

- В суд? Ты где живешь-то, придурок? Такой большой мальчик, и такой тупой! Рискни, а я посмеюсь. Да, и денег приготовь побольше – на компенсацию **моих** судебных издержек. Так что встретимся в суде! И, кстати, заранее благодарю за оплату моей персональной рекламной кампании!

- Чувствуешь себя неуязвимой, дрянь? Да? Просто тащишься от своей безнаказанности!

- Просто **не тебе** меня наказывать, урод! Ты только сделаешь хуже себе и своей любовнице. Если скандал попадет в прессу, ее муж точно все про вас узнает. И ты

очередной раз ее подставишь! А уж я постараюсь собрать прессу, можешь не сомневаться! Связи у меня есть!

- А я и не сомневаюсь в твоей подлости! Знаешь, говорят: если живешь в стеклянном доме, не бросай в других камни. Ты первая бросила камень! – Глеб поднялся из-за стола и навис над сидевшей перед ним девчонкой.

- Ты мне угрожаешь? – Корбус тоже поднялась. Она приняла вызов.

- Понимай, как хочешь. Но таких, как ты, нужно учить. И учить на собственной шкуре!

Кровь бросилась Глебу в голову, смывая последние остатки самоконтроля: он уже не способен был мыслить рационально. Хотелось только одного - наказать, унижить эту паршивку.

Не отрывая взгляда ото рта, плюющего в него обидными словами, Гордин шагнул вперед, схватил девчонку в охапку, притянул к себе и больно укусил за нижнюю губу. А потом с извращенным удовольствием языком раскрыл ей рот и стал наполнять его своей слюной.

Корбус отчаянно вырывалась. Но Глеб был сильнее. Он удерживал ее, почти не напрягаясь. Беспомощность девчонки, ее напрасные конвульсивные трепыхания были приятны. Вот именно так мужчины и поступают со слабым полом – подчиняют, утверждают свою власть. Неожиданно для себя Гордин возбудился: девичье тело билось его руках, терлось об него всеми своими выпуклостями... Глеб опьянел от желания. Он забыл, где находится, не замечал, как возмущенно или насмешливо смотрят на их сцепившуюся парочку посетители кафе...

Гордин вдавил в бедра девчонки свой напрягшийся член и излил ей в рот громадную порцию слюны. Корбус попыталась вытолкнуть Глебов язык наружу, но захлебнулась и как-то разом обмякла, сомлела в его руках. Ее рот безвольно расслабился, и Гордин завладел им, как законным трофеем. Он целовал девчонку до тех пор, пока та не опомнилась. Рывком высвободив одну руку, она впилась ногтями в Глебову кисть, раздирая кожу в кровь.

Черт! От внезапной боли Гордин даже вскрикнул. На коже вспухали четыре длинные кровоточащие борозды. Эта дрянь еще и царапается! Кошка драная! Мысли мешались в голове, эмоции не помещались в слова. Глеб несколько раз начинал и не мог закончить фразу:

- Да ты... да я...

Александра втянула голову в плечи, сжала кулаки и закрыла ими лицо. Боится, соплячка! Да за такие дела ей шею свернуть нужно! Но Глеб никогда не поднимал руку на женщину.

- Расслабься... Я женщин не бью.

Девчонка выдохнула с видимым облегчением, разжала кулаки. И тыльной стороной ладони брезгливо вытерла рот:

- Придурок!

Она осторожно потрогала пальцем опухающую нижнюю губу:

- Сексуальный маньяк! Ты что, совсем озверел?

Глеб на секунду почувствовал раскаяние, но тут же отбросил это чувство. Сама виновата, заслужила!

- А ты – фотоманьячка! Ты еще пожалеешь об этом, идиотка! Тысячу раз пожалеешь, что влезла в мою жизнь. Мало не покажется!

Гордин схватил куртку, сунул руки в рукава и невольно поморщился: манжета задела оцарапанную кисть. Он достал из кармана портмоне и небрежно бросил на стол пятисотенную купюру.

- Мы еще увидимся! – пригрозил Гордин и широким шагом вышел из кафе.

Глава 7.

Март 20X2 г.

Саша осталась стоять посреди зала под откровенно любопытствующими взглядами посетителей. Кое-кто даже развернулся, чтобы удобнее было наблюдать. Сашка показала вытянутый в неприличном жесте средний палец. И опустилась на стул.

Во рту стоял вкус чужой непроглоченной слюны. Саша тщательно собрала ее и выплюнула в чашку недопитого кофе. Этот придурок словно трахнул ее. Он унизил ее, поимел. Урод!

Как это ни странно, безобразная сцена была обратной стороной Сашкиной славы. Если бы фотография не победила на конкурсе, ее бы не напечатали на плакате, плакат не развесили бы в городе, и этот тип не прибежал бы выяснять отношения... В теории Саша знала, что известность бывает не только приятной, но и опасной. А сейчас впервые примерила это на себя.

На душе было погано. Самое ужасное, что Сашка не ощущала собственной моральной правоты. Этот придурок намекнул, что она будет виновата, если с его любовницей что-нибудь случится... Если муж увидит плакат с фотографией... Нефиг было связываться с замужней! Нефиг было обниматься на публике в центре города! И все-таки внутри Саши противно шебаршилась беспокойная совесть.

Было и еще кое-что... Сашку смутила реакция собственного тела на поцелуй. Ведь это было насилие! Но пока она сопротивлялась, что-то внутри нее сопротивлялось сопротивлению. Даже боль укуса возбуждала. А от головокружительного поцелуя Сашка совсем поплыла... А потом вдруг – бах! – просветление. Именно тогда она расцарапала Гордину руку. Так этому уроду и надо! Не будет кусаться! И лапы свои распускать!

Ужасно хотелось курить. Игнорируя Гординскую пятисотенную, Саша выложила на стол деньги за свой недопитый заплеванный капучино и вышла на улицу. Прикрывая ладонью трепещущий на ветру язычок пламени, она зажгла сигарету,

Обычно несколько затяжек примиряли Александру с обстоятельствами. Но в этот раз даже целой сигареты не хватило. Саша нервно закурила вторую, но вскоре почувствовала легкое головокружение и противную горечь дыма. Никотин не помогал. Надо было найти какое-то другое средство. Хотелось выговориться. Выплеснуть дурные чувства так же, как Саша выплюнула изо рта чужую слюну.

Мысленно перебрав разные кандидатуры от Макса до бабушки, Саша остановилась на Лане и набрала знакомый номер. Но телефон выдал серию безответных длинных гудков. Лана частенько не слышала звонка. Пришлось звонить на городской. Трубку поднял дед:

- Это кто же нас почтил такой честью? Неужели лучший фотограф России?

- Привет! Сегодня же среда, Элем. Разве ты по средам не преподаешь?

- А зачем вы звоните в среду, барышня, если знаете, что я преподаю? Меня коллега попросил поменяться с ним на пятницу.

- Я, кстати, не тебе звоню, а Лане. Она дома?

- То есть со мной, Александра Федоровна, вы общаться не желаете?

- Желаем. Но дело у меня к Лане. Могут у нас быть свои женские секреты? Так она дома? По мобильному не отвечает.

- В магазин вышла, будет минут через двадцать. А трубка ее – вот она лежит. Забыла. А я думаю, кто же это Ланочку помогает? У тебя, девочка, что-то голос расстроенный. Что-то случилось?

- Дед, со мной тут такая гадость произошла. Из-за той моей конкурсной фотографии. Представляешь, меня нашел мужик, который на ней снят. Он был просто в ярости. Набросился на меня как маньяк какой-то.

- Настоящая слава – это когда тебя начинают одолевать придурки и маньяки. Поздравляю.

- Я не шучу, дед. Это было ужасно!

- Ну, прости старого дурака. Приезжай, девочка, расскажешь все в подробностях. Обычно все оказывается не так уж страшно, как кажется поначалу.

- Сейчас приеду.

- Привет! – Саша привычно клюнула поцелуем дедову щеку.

- И тебе привет, - сказал Корбус и, приоткрыв дверь в комнату Ланы, прокричал. - Ланочка, Саша приехала.

Заметив распухшую Сашкину губу, Элем удивленно поднял брови:

- А это что у вас такое, барышня? Последствия бурной ночи?

- Нет, последствия бурной встречи. С одолевающими маньяками.

Корбус вдохнул, собираясь дать комментарий по пикантной теме, но тут из своей комнаты выглянула Лана:

- Я сейчас закончу. Подождешь минут десять? А что у тебя с губой?

- Про губу – потом. Ты не торопись, я пока с Элемом поболтаю.

- Пошли на кухню, - дед подхватил Сашу под руку. - Заодно и чайку попьем. Лана, присоединяйся, когда освободишься.

За чашкой чая Саша рассказала Корбусу историю своего столкновения с ненормальным Глебом, умолчав, однако, о том, что больше всего взволновала ее саму – о странной реакции своего тела. В середине рассказа на кухне тихо появилась Лана и молча присела в уголке. А дед тем временем продолжал пытаться Сашу:

- Значит, он набросился на тебя?

- Набросился.

- Что конкретно он сделал?

- Укусил за губу. Видишь?

- О-ри-ги-нально. Синяк будет отменный. Твой Макс просто обязан устроить бурную сцену ревности. Вообще-то странный способ нападения. Укусил и все?

- Ну, еще он меня... он меня поцеловал.

- Ту-ту-ту... Барышня, а вы уверены, что он хотел именно отомстить? Я бы сказал, что, по всем признакам, он хотел чего-то другого. Что, впрочем, тоже предосудительно, если не по взаимному согласию. Или согласие имело место быть?

- Какое согласие, дед? Он прижал мне руки - вот так (Саша показала, как это было), но я вырвала одну, и когтями расцарапала этому придурку его лапищу. Надолго отметина останется. А он мне угрожал.

- Какой ужас! – не удержалась Лана, но Элем осадил ее суровым взглядом.

- И свидетели были?

- Полное кафе свидетелей. Ни одного равнодушного, смотрели все! Как в цирке! – Саша театрально взмахнула руками.

- Ну, тогда теоретически ты можешь подать на него заявление в милицию. А если еще пройдем медицинское освидетельствование и зафиксируем факт злостного укушения, то можешь чего-нибудь добиться... Если хорошенько постараться... В мое время за это давали 15 суток ареста. Сейчас, скорее всего, будет суд и штраф.

- На черта мне сдался этот штраф?

- А чего же ты хочешь?

- Я хочу... Я не хочу его знать!

- Детский сад, Александра Федоровна! Ты его **уже** знаешь! Увы, девочка, это издержки твоей профессии. Риск вляпаться в подобную историю есть всегда.

- А у тебя когда-нибудь такое было?

- Ты же знаешь, что я на улице почти не снимаю. А в студийной съемке клиент возмущается, только если недоволен тем, как получился. Но такого, как ты понимаешь, не случается никогда.

- А ты бы как поступил на моем месте?

- На твоём месте... Ту-ту-ту... Не представляю, что кто-то из клиентов захотел бы укусить меня... за губу...

- Элем! – укоризненно произнесла Лана.

- Да... Понимаешь, девочка, этика в уличной съёмке - это очень больной вопрос... И до сих пор он формально никак не урегулирован. Что и кого можно снимать, а кого нет... Стрит-фотографы говорят, что всегда лучше попросить прощения, чем разрешения. Сама знаешь, как ценна спонтанность. Если спрашивать разрешения, многие сразу же отказывают. Нет и все! А если и соглашаются, то встают ровненько в позу, ручки по швам, на лице улыбочка неестественная приклеена... И вся прелесть подсмотренного момента разом пропадает. Такие карточки можно прямиком отправлять в мусорную корзину. Так что если ты серьёзный фотограф и хочешь продолжать работать в своём жанре, то придется снимать на свой страх и риск. Но при этом всегда быть готовой к таким сценам, как сегодняшняя. Могут даже морду набить.

- Он так и сказал: была бы я мужиком, он набил бы мне морду.

- О чем я и говорю. А поскольку ты **не** мужик, твой маньяк по-своему тебе личико подпортил. Зато – ты лучший фотограф года! Так что: думайте сами, решайте сами...

- Но этот урод не имел никакого права наезжать на меня! Я ничего не нарушала! Правда, Элем?

- Видишь ли, девочка, право и этика - это разные вещи! Правда, что никаких законодательных запретов на фотографирование на улице нет. Ты имела полное право снимать и этого типа, и его любовницу, и бабу, и внука, и Жучку. То есть с точки зрения ответственности, уж не знаю, какой там – уголовной, административной или какой-там-еще, - тебе ничего не угрожает. А вот с точки зрения этики, ты нарушила приватность его частной жизни. И, естественно, ему это не понравилось.

- Но не убивать же меня только за то, что я случайно сняла этого придурка!

- Случайно?

- Ну, **не** случайно! Все равно это не повод для убийства!

- А он, по-твоему, на это способен? От укуса до убийства «дистанции огромного размера». Ты считаешь, что он реально опасен?

Саша недолго покопалась в своих чувствах. Страх не было. Была злость, ярость, смущение, но отнюдь не страх. Хотя этот сумасшедший Глеб и угрожал ей.

- Он орал, что я тысячу раз пожалею, что сняла его и выставила фотографию на конкурс.

- Орал? И свидетели это слышали? Это хорошо! Собака, которая много лает, не кусает.

- Да?! В моем случае эта... этот... кобель как раз и укусил!

- Укусил – это мелочь. Что же касается чего-либо более серьёзного... Ту-ту-ту... Если он не псих, то должен сообразить, что подозрение сразу же падет на него. Скорее всего, он устроит тебе какую-нибудь мелкую пакость. Просто попугает для поднятия самооценки.

- И ты, дед, так спокойно говоришь об этом? Мне угрожает маньяк, а ты спокойненько анализируешь, что и как он может со мной сделать.

- Элем, зачем ты дразнишь ее? - вступилась Лана.

- Ты помолчи пока, у тебя еще будет время утешить «бедную девочку», - резко оборвал Лану Корбус и тут же снова вернулся к разговору с Сашей. - А ты, лучший фотограф России, ну-ка быстро подобрала сопли! Ты бы своему любимому Нахтвею²¹ поплакалась, что тебе страшно. Он бы тебя как раз пожалел! Хочешь, чтобы в твоей жизни все было ровненько и гладенько? Тогда сиди в своем Интеройле и шлепай фотки на пропуски. И никаких тебе рисков!

От обиды Сашка даже носом зашмыгала. А упоминание Нахтвея, которым она всегда восхищалась, низвело ее проблему до карликового уровня.

- И что мне делать?

- Я уже говорил. Хочешь, иди сначала в поликлинику – фиксировать телесные повреждения, а потом в участок.

- И что они сделают? Ничего они не сделают! – Саша вспомнила, как сама высмеяла Гордина в его надеждах на полицейскую защиту.

- Скорее всего, девочка, именно так и будет. В лучшем случае, примут твоё заявление. Но я бы даже на это особо не рассчитывал. Александра, скажи мне честно, как на духу. Вот если бы ты вернулась в тот день, когда сняла эту «горькую парочку». И вдруг случилось бы с тобой откровение, и ты увидела бы будущее. Как выиграешь конкурс, а потом встретишь этого мужика, и он обложит тебя матом и укусит. Или поцелует - я так и не понял, что там между вами было. Но неважно. Важно вот что: нажала бы ты кнопку спуска или прошла бы мимо?

Саша не колебалась ни минуты:

- Конечно, нажала бы.

Эта фотография значила для Саши слишком много. Кем она была до победы на конкурсе? Внучкой знаменитого деда? Подающим надежды молодым фотографом? Многие так и подают надежды до старости, никогда их не оправдывая. Конкурс дал Сашке уверенность в собственных силах. Это было первое признание, подтвердившее обоснованность её амбиций. Сродни признанию взаимности в страстной любви к профессии.

- Конечно, нажала бы, - повторила она ещё уверенней.

- Вот! – Корбус даже назидательно поднял указательный палец. - А тогда, Александра Федоровна, перестань пускать сопли и выпрашивать, чтобы тебя пожалели, как маленькую девочку. Купи себе какой-нибудь баллончик с газом. Или этот... электрошокер. Носи его с собой. И снимай дальше, как снимала...

Саша подумала, что если бы она рассказала о происшествии родителям или бабуле, они, наверное, с ума сошли бы от беспокойства. Обратились бы в полицию. Запретили бы

²¹ Джеймс Нахтвей (род. 1948) – американский фотожурналист и военный фотограф, снимавший в самых горячих точках мира

Саше выходить из дома. Отец возил бы ее на работу в Интеройл и обратно. И еще был бы наложен строжайший запрет на уличные съемки. Именно из-за этой гипертрофированной заботы Сашка и ушла из дома.

Элем же был совсем другим. Он относился к ней, как к равной. И потому игры в «пожалей меня, дедуля!» с ним не проходили. Видимо, действительно, придется обзавестись газовым баллончиком.

Но Сашке необходимо было еще поговорить о том, в чем она не могла признаться деду. Девушка вопросительно взглянула на Лану. Та ответила понимающим кивком головы и произнесла особым «намекающим» тоном:

- Дорогой, у тебя никаких срочных дел сейчас нет? Помнится, ты говорил, что тебе надо подготовиться к мастер-классу...

- Так бы и сказала, что хочешь остаться вдвоем с Сашкой, – Элем повернулся к внучке. – В твоей истории есть что-то не для моих ушей? Я заинтригован. Может, я все-таки останусь?

- Может, ты все-таки уйдешь?

- Ту-ту-ту... Ну, ладно, если так, то пойду. Секретничайте, девочки.

Элем Арсеньевич забрал свою чашку с чаем и обиженно удалился в кабинет.

- Но ведь, по-честному, твой Глеб прав, Сашенька. Ты причинила ему большую неприятность. Ты заставила его волноваться за ту женщину. Жить какое-то время в страхе, в неопределенности. А для человека это очень тяжело. Особенно для мужчины. Они вообще боятся не соответствовать...

- Чему не соответствовать? – не поняла Сашка.

- Чьим-то ожиданиям. Или своим собственным представлениям о «настоящем мужчине». Или тем стандартам, которые заложены в них воспитанием. Многому. Они боятся выглядеть слабыми. И в этом их слабость.

- Значит, этот Глеб - слабый?

- Не больше, чем другие... Я думаю, он просто злится на собственное бессилие. Ведь он не может ничего сделать, чтобы защитить свою подругу... То ли ее муж узнает, то ли не узнает... От Глеба сейчас ничего не зависит. И в это унижительное положение поставила его ты. Пусть даже невольно. Поэтому он и срывает свою злость на тебе. Ты неправа перед ним, Саша.

- Почему ты защищаешь его, а не меня? – обиженно вскинулась Сашка. - Я не виновата. Я никому не хотела причинить зла. Это просто несчастное совпадение, что мою фотографию выбрали для выставочного плаката. А он наехал на меня. Знаешь, какие гадости он мне говорил!

- Сашенька, я всегда на твоей стороне. Но я хочу, чтобы ты была справедлива. Он защищался. Что он еще мог сделать? Достоевский называл такие оскорбления «жалкими словами». Потому что они от бессилия. Чтобы хоть как-то уязвить обидчика.

- А то, что он – вот, - Саша погладила опухшую губу. - Укусил меня. И наплевал мне полный рот своей мерзкой слюны. Я уже два часа отплевываюсь и не могу отплеваться!

- Это подло. Он не должен был так поступать! Он напугал тебя?

- Знаешь, я как раз и хотела тебе сказать... Я... я возбудилась. Просто жутко как возбудилась. И от этого укуса. И от того, как он поил меня своей слюной... Ты не представляешь, сколько ее было... Полный рот. Она у него текла, как у какой-нибудь собаки Павлова... Такая горячая, сладко-кофейная... И он впрыскивал ее в меня, как... как сперму. А я задыхалась и глотала.

- Какой ужас!

- Ужас то, что когда я трепыхалась в его руках, а он стал раскрывать мне рот своим языком... твердым, как... как сама знаешь, что... я сразу затихла. Я уступила ему, понимаешь? Я его впустила ... Потому что мне страшно этого хотелось. Я бы и в другом месте его впустила. Представляешь, у него была эрекция... Я чувствовала. Как ты думаешь, это ненормально, когда насилие возбуждает? Может, у меня какой-нибудь синдром жертвы?

- Я думаю, что у тебя как раз все нормально... Знаешь, я смотрела передачу... Там один криминалист сказал, что, если бы насилие не вызывало у жертвы желания уступить, то случаев изнасилования было бы гораздо меньше. И потом есть же «Ночной портье»²².

- «Ночной портье»? Это что такое?

- Это очень знаменитый и очень скандальный фильм. Про взаимную страсть между заключенной концлагеря и ее надсмотрщиком. Там герои случайно встречаются после войны... И героиня бросает мужа и благополучную устроенную жизнь, чтобы только соединиться со своим мучителем. Они любят и терзают друг друга, оба и палачи, и жертвы. И погибают вместе... Хотя каждый из них мог бы спастись в одиночку.

- Но это извращение какое-то!

- Ну да... Только, знаешь, извращение – это лишь крайняя форма выражения нормы.

- Ты действительно так считаешь? Значит, моя реакция была нормальной? Представляешь, я ему все руки расцарапала. Ногтями, в кровь. И получила от этого какое-то садистское удовольствие. Даже наслаждение. Словно... Словно трахнула его. А он прижал рану к губам, смотрит на меня, а в глазах такое выражение, как будто он готов меня съесть. Не убить, а именно съесть. Проглотить, чтобы нам с ним окончательно слиться. У тебя когда-нибудь такое было?

Лана несколько секунд помолчала, погрузившись в прошлое, а потом тихо сказала:

- Было, только очень давно, в юности. Всего один раз. Тот мужчина, Игорь, он очень меня любил. Страстно так, физиологично. Эта любовь была как болезнь. Он тоже говорил, что хочет меня съесть. Перецеловывал все пальцы на моих руках и на ногах, держал их во рту, покусывал, сосал. Жутко возбуждающе. И в то же время страшно. Мне всегда было с ним страшно ... и волнующе. Словно по краю обрыва ходишь.

- И что с ним стало? С ним и с тобой?

²² Фильм режиссера Лилианы Кавани (1974 г.)

- К счастью, я тогда уехала в Москву учиться. А он остался. Он служил в армии и не мог поехать со мной. И хорошо, потому что все это закончилось бы трагедией. Он ревновал меня дико. Сцены устраивал. С оскорблениями, с криками и слезами. Я всегда боялась, что он не сдержится и ударит меня. Изобьет. Или изувечит. Чтобы на меня никто больше не смотрел.

- О, черт! Вот это страсти!

- Да, самой странно все это вспоминать.

- И чем все кончилось? Он успокоился?

- Он погиб. У них в части сбежали дезертиры с оружием. Их окружили в сарае, где они прятались. Приказали сдаться, а те стали отстреливаться. И Игорь попал под шальную пулю. Говорили, что он как-то глупо и не вовремя поднялся из-за укрытия. Вот так... Но это все слишком давняя история...

Но почему-то эта «давняя история», уместившаяся в пересказе в несколько фраз, поразила Сашу. Особенно удивляло, что случилось это со спокойной, уравновешенной Ланой, которая и голоса-то никогда не повышала. Любовь, страсть и смерть. Саша еще никогда не переживала чужой смерти. Слава богу, все ее близкие – родители и даже деды с бабушками были живы и здоровы. Пока целых два поколения отделяли Сашу от страшной бездны небытия. И в то же время она понимала, что рано или поздно ей придется пережить свою первую потерю. И заранее страшилась этого опыта.

- А что ты чувствовала тогда, когда он погиб?

- Трудно сказать. Стыдно признаться, но было даже облегчение. Эта безумная страсть Игоря... Она была... как мина, на которой можно подорваться в любой момент. Он сам мне рассказывал, что есть такие мины, на которые, если наступишь, то сойти уже нельзя – разорвет.

Но он был близким мне человеком. Я любила его. И все это оборвалось. Понимаешь, одно дело, когдарываешь отношения, уже изжившие себя. Ты сам принимаешь решение, это твой выбор. И совсем другое - трагический конец. Тут и жалость, и чувство вины, которую уже не искупить... И непоправимость всего случившегося. В смерти есть что-то ужасающе окончательное. Все поправимо, кроме смерти.

Я вдруг осознала, что Игоря никогда уже больше не будет. И вместе с ним умерла часть меня. Та «я», которой я была с ним. Понимаешь? Потому что ни с кем другим я уже не смогу быть такой. Такой молодой, беззаботной... полной надежд. Все это умерло с вместе Игорем. Он словно забрал с собой то, чем владел. И когда я плакала над его гробом, я плакала и о себе. Больше никогда в жизни я не рыдала так горько. Вот вроде бы мы уже расстались... И все надежды на совместное счастье давно разрушились... А все равно понимание этого пришло только со смертью Игоря. Смерть – это точка невозврата. Вот так.

Саша согласно покивала головой... Хотя, по правде сказать, она понимала лишь слова Ланы, а отнюдь не чувства. Саша легко меняла и свою жизнь, и спутников... И никто не уносил с собою частичку ее «я» так, чтобы хотелось пожалеть об этом и заплакать. Экзистенциальный страх смерти у Сашки по-детски замещался страхом перед покойниками. И она спросила Лану о том, чего больше всего боялась сама:

- А когда ты смотрела на него в гробу? Тебе было страшно?
- Сначала очень страшно. Но когда я увидела то, что там лежало... Человеческая шелуха. Это был не Игорь. Похожий, но не он. Восковая куколка в деревянной коробочке... И еще, знаешь, меня поразили его крепко-накрепко зажмуренные глаза. Не закрытые, а именно зажмуренные. Как будто он боялся, что кто-то может его потревожить. А сам он не хотел этого. Не хотел никого из нас видеть. Вот и зажмурился изо всех сил. Я тогда поняла, почему покойников называют «жмуриками». Поразительно точное слово! Да.... Но что это мы с тобой все о покойниках... Мы же говорили про твоего Глеба.
- Никакой он не мой!
- Твой, потому что он – предмет твоих переживаний. Ты думаешь, он будет тебя преследовать? Ты действительно боишься его?
- Не знаю... Нет, пожалуй, не боюсь. Но я точно знаю, что мы с ним еще встретимся. Я даже хочу с ним встретиться.
- Похоже, он произвел на тебя впечатление. Между нами, девочками...
- Знаешь, у меня с Максом никогда так не было. И ни с кем другим тоже...Черт, он меня бесит, понимаешь? Бесит и одновременно возбуждает.
- Бесит? Ты же знаешь поговорку – «от любви до ненависти...»
- Думаешь, я могу в него влюбиться?
- Кто ж это может знать, кроме Господа Бога? Время покажет.
- Ну, ладно, спасибо, что утешила. Пойду домой, пора уже.
- Ты Максиму расскажешь?
- Придется. – Саша снова погладила пальцем травмированную губу, уже налившуюся багровыми оттенками. – Но в сильно облегченной версии...
- А ты не боишься?
- Чего?
- Ну, например, что Макс найдет этого Глеба и ...?

Сашка даже поразилась нежизненности этой романтической гипотезы. Макс – благородный рыцарь, защищающий честь своей возлюбленной? Невероятно.

- Макс? Да ни за что! Поругается, назовет Глеба «козлом». И будет жалеть меня. Даже сходит в аптеку за каким-нибудь троксевазином. Но никаких разборок точно не будет.

В прихожей, куда Лана и Элем вышли прощаться с Сашей, дед напомнил:

- Барышня, не забудьте про следующий вторник. Ланочка, во сколько ты народ собираешь?

- Я думаю, в полседьмого будет в самый раз.

В следующий вторник был День рождения Ланы и небольшая вечеринка для узкого круга избранных. Саша тоже была приглашена. Вместе с Максом.

- Значит, во вторник в полседьмого? Буду. Все, я побежала!

Глава 8

- Привет! Ну как тебе интервью? Супер, правда?

- Да, классное, спасибо. Я там прям такая умная Саша! Словно и не я, а кто-то другой.

- Ты-ты. Заметила, как у тебя в сети лайков прибавилось?

- Точно. И с заказами на этой неделе двое позвонили.

- А все, подруга, правильный пиар. Я тебе вот что звоню: теперь у нашего Главного появилась новая шикарная идея. Он хочет, чтобы ты сделала фотопроjekt: семь-восемь фоток на одну тему. Говорит, надо быстро публиковаться, пока еще слава не успела остыть. На большой гонорар не рассчитывай, но промоушен мы тебе сделаем.

Слушая веселое чирикание Аллы, Саша подумала, какая же это странная вещь - слава. Сколько в ней приятного: известность, интересные предложения, деньги... Но есть в ней и темная сторона... От воспоминаний рот наполнился слюной. Саша быстро сглотнула и спросила:

- Тема проекта какая?

- На твой выбор.

- А срок?

- Как всегда – вчера. Чем быстрее, тем лучше.

- Быстро хорошо не получится. Надо придумать идею, снять... Это все требует времени.

- Сколько?

- Ну, недели две.

- Офигеть! Это слишком долго. Слушай, может у тебя уже что-то готовое есть? Давай я к тебе приеду, и мы вместе пороемся в твоём архиве.

Алла влетела в Сашину квартиру, как яркая комета. Синие прядки волос торчали во все стороны, в глазах горела решимость. Скинув объемную красную куртку, и разувшись, Алла шагнула в комнату:

- А у тебя мило! – и сразу же застыла перед стеной, увешанной портретами Максима.

- Ух ты, какой суперский мен! Это кто ж такой?

Как и всегда, Сашке польстила непосредственная женская реакция на Макса.

- Это мой бойфренд.

- А-фи-геть! Где ты такого красавчика подцепила?

Александра познакомилась с Максом на свадьбе своей бывшей однокурсницы из Губки. Они никогда не были близкими подругами. Свело их то, что невесте очень хотелось сэкономить на фотографии, а Сашке надо было обновить портфолио по свадебной съемке. И попробовать в «полевых условиях» некоторые приемчики, подсмотренные у классиков. Свободу творчества гарантировала бесплатность сессии. При условии, что Саша не подведет и без особых эстетических извращений отснимет «обязательную программу»: обмен кольцами, поцелуй, вальс новобрачных...

Молодые не дотягивали до эталонов классической красоты. У невесты было узкое лицо с унылым длинным носом и близко посаженными глазами. А жених имел килограммов двадцать избыточного веса, выпирающий живот и лишний подбородок. Тем интересней была задача превращения их в образцовую романтическую пару. Саша увлеченно экспериментировала с ракурсами и освещением. Длинный нос невесты зрительно укорачивался, если снимать с нижней точки. А толстого жениха приходилось все время разворачивать боком и частично перекрывать корпусом новобрачной. Но молодые просто светились счастьем, а счастье, как известно, преображает всех.

Когда с обязательной программой было покончено, Саша перенесла свое внимание на гостей. И там, в пестрой толпе, она заметила парня удивительной внешности. Он был удивительно красив, но красота его была неброской, потаенной. Саше представилось, что в отвале пустой породы она нашла бесценный золотой слиток. Поражало то, что сам красавчик, казалось, даже не подозревал о собственной привлекательности. Но в этом заключалась особая прелесть съемки: ловить мерцающие блики красоты «золотого мальчика».

Заметив, что фотограф снимает его чаще других, парень подошел к Саше и попросил показать снимки. Даже мелкие картинки на дисплее камеры произвели впечатление - его никогда и никто так не снимал. Недаром младшая Корбус к тому времени уже прошла курс портретной съемки у Корбуса старшего.

Очевидно, что «золотой мальчик» захотел получить фотографии. Как очевидно и то, что у фотографа возникло сильное желание еще поэкспериментировать с такой совершенной моделью. В общем, Саша и Максим обменялись телефонами, стали встречаться, сблизились, съехались и стали жить вместе.

Саша упаковала историю знакомства в две компактные фразы:

- На свадьбе познакомилась. Я его снимала, а он заинтересовался.

- Вау, как, оказывается, удобно уметь фоткать? Может, и мне завести себе суперскую камеру, чтобы был повод знакомиться с мужиками?

- Заведи, если считаешь, что это поможет.

- А ты не боишься с таким? – Алла указала взглядом на Максовы портреты.

- В смысле?
- Что уведут.
- Он же не лошадь, чтобы его уводили. А если сам уйдет – значит, он не тот, кто мне нужен.
- Супер! Мне б твою самоуверенность, подруга... А то я сейчас в полном дауне. Короче, меня мужик бросил. Вот для поднятия самооценки даже в Мальвину покрасилась.
- Помогло? – поинтересовалась Саша.
- Не очень.
- Сочувствую. И что, у тебя к нему прям настоящая любовь-морковь была?
- Ну, может, и не совсем настоящая, - призналась Алла. - Но тоскливо жутко. Особенно противно, что у него сейчас все в шоколаде. А у меня дырка от бублика. Ничем не заткнутая...
- А что у него?
- Новая телка и очередной медовый месяц. Все время лижутся, сюсюкают... Короче, смотреть тошно!
- А ты что, видишься с ним?
- Так я ж с этим козлом работаю! И вижусь, если не каждый день, то через день уж точно. А его нынешняя – наша новая редакторша. Сучка! Как только пришла, сразу же начала его клеить: «Антон, не мог бы ты показать мне...» Прям вся такая беспомощная... Прикинь, она у него в редакции уже пятая. А я, соответственно, была четвертой. Интересно, сколько **она** продержится?
- Ал, я не что-то поняла, - удивилась Саша. - Какого черта ты с ним вообще встречалась? Ты же все про него знала.
- Ну, знала... Просто он в нашей редакции номер один. Хотя и не такой красавчик, как твой. Харизмой берет, гад.
- Да какая бы не была харизма! До тебя он уже троих поменял!
- Всегда хочется верить, что ты – особенная. Что ни у кого не получалось его заарканить, а у тебя получится... Не получилось. Облом!
- А **ты** сколько продержалась?
- С Новогоднего корпоратива до корпоратива на Восьмое марта. Странные люди эти мужики. Представляешь, он мне говорит: с тобой хорошо, но я уже все про тебя знаю: как тебя погладить, где потрогать. Скучно. А, по мне, у нас только-только стало получаться по-настоящему. Раньше он в постели все делал сам. Такое... соло на тромбоне. А я его никогда не догоняла. Мне без активности не в кайф... Ну, не могу я завестись, если лежу под мужиком бревном. Приходилось изображать оргазм.
- В смысле? Как это? - Сашины крылатые брови изумленно взметнулись вверх.
- Как-как? Вот так!

- Да ладно! А зачем?!

- Ну, как зачем? Чтобы ему было в кайф... Чтобы он ощущал себя крутым альфа-самцом. Вот... А когда он слегка успокоился, я стала больше действовать сама. И сразу пошло. И стало хорошо. Даже не надо было ничего симулировать. А он – раз – и отвалил! Неужели он не чувствовал, где притворство, а где настоящее?

- Каким образом? Ты же сама позволила ему думать, что он крутой альфа-самец. Хотя на самом деле он был всего лишь... «соло на тромбоне»! Зачем тебе-то это было нужно?

- Я боялась, что он будет комплексовать и бросит меня.

- Круто! В результате он тебя все равно бросил. И комплексуешь теперь ты. Шикардос, как ты говоришь.

- Ну да, я дура набитая! – Алла тяжело вздохнула, словно признавая неоспоримый факт. - А как у тебя дела с твоим красавчиком?

Саша хотела отделаться дежурным ответом «нормально», но что-то ее остановило. В последнее время у них с Максом было **не** нормально. Оба они вели себя та же, как в лучшие, счастливые времена. Но Саша почти физически ощущала, как из отношений улетучилась искренность. Они даже ругаться стали меньше... Хотя прежде, бывало, вспыхивали бурные выяснения отношений со столь же бурными примирениями.

Первые месяцы после знакомства они были безусловно счастливы. Макс стал не только Сашиным любовником. Он пробуждал вдохновение, распалял зуд творчества. Александра открыла для себя прелесть жанра студийного портрета, на пару месяцев изменив любимым уличным съемкам.

Пока Макс парился в офисе, Сашка рылась в Интернете и искала озарения в работах мастеров: художников или фотографов. Она никогда не копировала популярные образы, а заряжалась ими: подсматривала приемы, схемы освещения... А потом, оттолкнувшись от уже известного, создавала самостоятельные творения.

Когда Макс возвращался домой, начиналась съемка. Один за другим появлялись портреты, которые даже взыскательный Корбус называл «хорошими карточками».

Саша и Макс вместе устраивались перед монитором компьютера: выбирали самые удачные кадры, спорили о стиле редактирования. Саше всегда нравилась четкая проработка фактур – кожи, волос, щетины, даже пор и морщинок. Она презирала портреты с «замыленными» пластиковыми лицами. Те самые, что наполняют глянцевые журналы. Макс же, напротив, настаивал на ретушировании того, что он считал дефектами. Хотя постепенно согласился, что «с дефектами» образ выглядит человечнее.

Фирменной фишкой этих портретов были прозрачные глаза Макса. Сашка специально подсвечивала их, чтобы добиться эффекта. И от этого казалось, что через глаза, как сквозь окна, можно заглянуть в череп, прямо в мысли «золотого мальчика».

Сашины портреты, как знаменитый портрет Дориана Грея, разбудили в Максе тщеславие. Осознав свою красоту, он изменился. Стал заботиться о внешности, нашел собственный стиль. И даже держаться начал по-другому - раскованно и уверенно.

Саша воспринимала нового Макса как свое творение. Его расцветшая красота словно озаряла Александру золотистым отсветом. И когда она шла вместе с Максом по улице, ей приятно было ловить на себе завистливые женские взгляды. К счастью, Сашина гордость не была отравлена ревностью: Макс никогда не проявлял замашек плейбоя.

Потом Саша наигралась в портреты. Она вернулась к главному своему увлечению – стрит-фото. Макс не мог понять ее азартного желания снимать «поток жизни», не получая от этого почти никакой материальной выгоды (кроме редких поступлений с фотостоков²³). Но не мешал...

Постепенно любовники стали отдаляться друг от друга, превращаясь из партнеров в сожителей. По вечерам, если оба оказывались дома, каждый занимался своим делом в своем углу. Выходили вместе редко: общих друзей практически не было. В гости к родственникам Саша ездила одна: Корбус Макса недолюбливал, а совместные визиты к родителям могли породить ненужные матримониальные ожидания.

Парочка ходила в кино, хотя вкусы сильно отличались. Александра предпочитала красивые фильмы с хорошей операторской работой, а Максону нравился экшн. Совместные прогулки раздражали обоих: Сашка по пути все время останавливалась фотографировать, а Максону быстро надоедало висеть на месте через каждый пятьдесят метров. Дело обычно заканчивалось ссорой.

И, тем не менее, совместное проживание устраивало обоих: вдвоем было удобней и дешевле. Кроме того у бесхозяйственной Сашки в доме вечно что-то ломалось, перегорало, подтекало... А Макс способен был все это починить. Так они и жили.

Саша знала, что ее связь с Максом не продлится всю оставшуюся жизнь – для этого прагматичной приемлемости отношений было недостаточно. Ей хотелось большего. Саша неосознанно ждала страсти. Хотя и не испытала ее ни разу за все двадцать шесть лет жизни.

Встреча с героем «Осени нашей любви» вызвала у Сашки взрыв эмоций. Ненависть и вожделение, злость, наслаждение, унижение и упоение властью над мужчиной – воспоминания об этих перемешанных и взбитых в пену чувствах преследовали даже во сне, когда Саша лежала рядом с Максом на шатком диванчике. Однажды ночью она даже проснулась в конвульсиях оргазма. Во сне незнакомый смуглый мужчина насильно вошел в ее тело. И потом Сашка целый день мучилась чувством фантомной вины за невольную измену. Желанную измену.

Роман с Максом доживал последние недели. Или даже дни...

Вопрос Аллы заставил Сашу сформулировать то, что уже сложилось в ее подсознании, но еще ни разу не прорывалось наружу словами:

- Было хорошо... А сейчас... Все подходит к концу.
- Печалька! А почему? Он тебе изменяет?
- Нет! Думаю, что нет. Это в нас что-то изменилось.

²³ Банки фотографий, где фотографы размещают изображения, а заинтересованные стороны (например, СМИ) могут купить их за небольшую плату

- Ты кого-то встретила? - проницательно догадалась Алла.
- Нет! Да... Не знаю...
- Не догнала. Так встретила или нет?
- Помнишь мужика с моей конкурсной фотографии?
- Ну да. Такой черный ворон!
- Так вот: он меня нашел.
- Офигеть! И что? Ты влюбилась в него?
- Нет! Конечно, нет! Представляешь, мы полчаса орали друг на друга. Он был зол, как черт! Я была готова его убить, а он - меня.
- Очень позитивненько! А за что?
- Этот придурок считает, что, опубликовав фотографию, я его подставила. Но неважно, речь не об этом. Просто после всего этого скандала, представляешь, он хватает меня и целует – так грубо, жестко... Даже укусил. Вон синяк на губе только что сошел.
- Ни фиги себе! А ты что?
- А я... я... В общем, это было самое сильное сексуальное впечатление в моей жизни.
- Я в шоке! И только из-за этого ты хочешь бросить своего красавчика?
- Не хочу... Но я все время вспоминаю...
- А с тем мужиком ты еще виделась?
- Нет.
- Сорри, конечно, подруга, но ты с жиру бесишься. Мне бы твои проблемы!
- Я сама себя не понимаю... Ладно, проехали, давай займемся делом.
- Нет, ты реально можешь разбежаться со своим красавчиком? – никак не могла успокоиться Алла. И вдруг загорелась новой идеей. – Тогда уж лучше отдай его мне.
- В смысле? Упаковать и оформить доставку? Или самовывозом заберешь? Странное у тебя отношение к людям.
- Нормальное! Не пропадать же добру! Я еще и приплатить могу!
- Так, все, закрыли эту тему! – приостановила полет Алкиных фантазий Саша. - Давай про проект. Ты хотела посмотреть мой архив. Только он у меня за четыре года. Первый год можно не смотреть - там все очень слабенько. А за три последних есть кое-что приличное.
- А сколько всего фотографий?
- Я не считала. Но можно прикинуть... Конечно, по-разному бывает... Но в среднем в месяц около тысячи.

- Сколько?!!!

- Ну а что? Два-три заказа. Если свадьба – то сразу, считай, тысяча. Плюс улица. Примерно раза четыре в месяц. Летом чаще.

- Но мы же заказные не будем смотреть. Или они у тебя в общей куче?

- Заказы, естественно, отдельно.

- А давай ты покажешь, что тебе самой больше всего нравится.

Саша задумчиво смотрела на открытый каталог с папками.

- Не знаю... Мне нравятся праздники типа Холи. Или Дни города. Там такие забавные сюжеты бывают!

- Холи – это когда сухими красками друг друга обсыпают? Ну-ка, покажи.

Саша нашла и раскрыла соответствующую папку. На экране замелькали подсвеченные солнцем красочные гейзеры, мечущиеся в разноцветном дыму фигуры людей, белозубо смеющиеся лица, похожие на палитры, где безумный художник смешал все краски.

- Ну, шикардос! Давай выбирай восемь штук, и на следующей неделе опубликуем.

- Но это же репортаж, а не проект.

- Почему не проект? - искренне удивилась Алла.

- Понимаешь, в проекте должна быть какая-то идея. А здесь просто отчет о событии: место, время, мероприятие, участники.

- А какая должна быть идея?

- Ну, не знаю... То, о чем ты хочешь рассказать. О дружбе, любви, об одиночестве, о предательстве...

- И здесь есть идея. Типа: «как классно наплевать на все условности и просто оттянуться». Очень позитивненько!

- Да, была бы классная... если б иметь ее в голове заранее. Тогда можно было бы снимать кого-нибудь постарше, кто действительно пришел сюда оттянуться. Вот типа этого, смотри...

Сашка открыла на экране фотографию мужчины лет сорока. Тот, весь перемазанный и счастливый, как младенец, лежал на асфальте в лужах рассыпанного цветного порошка. А над ним стояла чистенькая недовольная супружница. Она протянула мужу руку, чтобы помочь подняться. Но мужик явно не спешил прервать удовольствие. А рядом скакали двое разноцветных ребятишек.

- Ну, шикардос! – обрадовалась Алла. - А еще таких нет? Хотя бы штук пять.

- Нет. Только одна.

- Слово на букву «х», но не подумайте, что «хорошо».

Просидев около часа за разбором архива, Саша с Аллой пришли к грустному выводу, что с проектом пока ничего не ясно...

Глава 9

На День рождения Ланы Сашка появилась с привычным опозданием. И в одиночестве. Макс отказался от приглашения, сославшись на занятость по работе. Хотя Саша была уверена, что он просто не хотел общаться с Корбусом.

Дверь открыла сама именинница. На Лане был новый стильный наряд: длинное, в пол, платье-балахон, расшитое на груди цветными бусинами. А на голове - чалма с розеткой из таких же бусин. Сашка моментально устыдилась своих затасканных джинсов: она-то отнеслась к мероприятию как к домашнему празднику. А оказалось, что это полноценный светский прием.

Саша, волнуясь, вручила имениннице подарок. Лане давно хотелось иметь альбом с фотографиями своих лучших нарядов. И для памяти, и для рекламы... Но у Корбуса все руки не доходили. Тогда за дело взялась Саша. Когда Лана на неделю уехала в гости к институтской подруге в Ереван, Саша приступила к съемкам. Она нашла в Интернете молоденькую модельку подходящей комплекции, готовую сниматься бесплатно, только ради портфолио. Натурщица просто визжала от счастья, примеряя авторские платья! Александра отсняла коллекцию в дедовой студии, обработала фотографии в стиле легкого ретро, распечатала на хлопковой бумаге и оформила альбомом. Получилось очень стильно.

Лана даже прослезилась от благодарности:

- Боже мой, это именно то, что я хотела! Сашенька, ты просто волшебница! Роскошные фотографии!

В гостиную Саша увидела хорошо знакомые лица. Близкая подруга Наташа - мастерица по кожаным изделиям, портниха Люба, единственная Ланина московская родственница тетя Галя, Элем и его старый друг и коллега по цеху Михаил Борисович Попов.

- О, сами Александра Федоровна пожаловали, - прокомментировал Сашино появление Элем. По церемонности приветствия было понятно, что дед уже успел пропустить пару стопок. — Прошу любить и жаловать - лучший фотограф России. Между прочим, позавчера в Интернете появилось ее первое интервью. Там и про меня, грешного, кое-что есть.

В ответ раздались нестройные приветствия и поздравления. Сашка смутилась:

- Всем здрас-сьте и всем спасибо. Но поздравлять сегодня нужно не меня, а Лану.

Однако дед не унимался:

- Как дела? Маньяки по-прежнему одолевают? Александра у нас теперь стала такой знаменитостью, что на нее набросился какой-то псих. Не поверите, но этот тип ее... укусил.

Пикантная новость немедленно привлекла к себе общее внимание. И хотя Саше было неприятно обсуждать слишком волновавшую ее тему с посторонними, дед не оставил ей

выбора. Особенно переполошилась тетя Галя, старая дева пятидесяти двух лет. Элем ее не особенно жаловал из-за глупости и тревожности, а потому частенько развлекался на ее счет.

- Драгоценная Галина Петровна, - начал Корбус. - разве вы не слышали, что в Москве сейчас эпидемия бешенства? Туристы вирус завезли. Из Таиланда. Там сейчас тотальное бешенство диких обезьян. А самое пренеприятное, что болезнь протекает латентно. А потом внезапно переходит в острую фазу. Представьте, сударыня, сидите вы в метро, никого не трогаете... А рядом с вами – приличный с виду молодой человек... И вдруг он по-во-ра-чивается и... цап!

При слове «цап» Элем выбросил вперед обе руки с хватающими пальцами.

- Ой! – взвизгнула тетя Галя, отшатнувшись.

- Элем! – Лана укоризненно покачала головой, но Корбус предпочел не замечать укора.

- Вот вам и «ой», Галина Петровна! Вплоть до летального исхода. Выпустили даже специальное предписание Главного санитарного врача.

- Боже, какой кошмар! – голосе тети Гали слезливо задрожал. - А как оно распространяется?

- Предписание? – нарочно не понял вопроса Корбус.

- Да, не предписание... бешенство? – слово «бешенство» Галина Петровна произнесла испуганным шепотом, словно страшилась накликать на себя болезнь.

- Ну, как-как? Через укусы, сударыня, через укусы. Вон Сашка у нас уже зараженная. Еще пару дней, и тоже бросаться на людей начнет. Начнешь? – Корбус хитро подмигнул внучке.

Галина Петровна испуганно покосилась на Сашу и слегка отодвинулась в сторону.

- Тетя Галя, да не слушай ты его! – попыталась успокоить родственницу Лана. - Элем шутит.

- Я шучу? – не унимался вошедший в образ Элем Арсеньевич. - Хороши шутки! Вчера в новостях передавали. Сказали, что вакцина в дефиците. Надо срочно бежать в поликлинику прививаться. Вот так-то, драгоценная Галина Петровна, срочно! Сорок уколов в живот, и вы снова здоровы.

Бедная тетушка побледнела от ужаса, и губы ее предательски задергались:

- Сорок уколов?

Тут уж к спасению несчастной тети Гали от химеры тайского обезьяньего бешенства подключились все сидевшие за столом. Общими усилиями ее удалось успокоить, хотя время от времени та продолжала с опаской коситься на Сашу.

- Ну-с, барышня, - на этот раз Корбус говорил тихо, для одной Саши. - Твой обидчик больше не появлялся?

- Нет, не появлялся.

- Я же тебе говорил, что вначале все кажется страшной, чем оказывается на деле. Люди-человеки склонны быстро остывать. Твой маньяк выпустил пар и тем удовлетворился. Очень разумно с его стороны!

Саша была не согласна с таким прогнозом, но тему развивать не стала. Действительно, после инцидента в кафе, Глеб так ни разу не объявился. Но Сашка чувствовала, что история не закончилась. Ожидание следующей встречи было нервным и томительным.

Элем наполнил бокал внучки, и Саша попросила слова:

- Ланочка, за тебя! Ты такая мудрая, добрая, талантливая, светлая... Оставайся такой же, несмотря на все происки моего вредного деда! За твоё здоровье!

- Спасибо, Сашенька!

- Вот засранка! – беззлобно проворчал Элем. – Только ради праздника сделаю вид, что не заметил. За тебя, Ланочка, за твоё здоровье.

Разговор естественным образом переключился на восхваление достоинств Ланы, то есть на тему, которая была почти неисчерпаема.

Когда тарелки опустели, и стихло металлическое звяканье приборов, женщины цепочкой потянулись на кухню: приготовить чай, а заодно поболтать и посплетничать. Но Саша предпочла остаться с мужчинами. Элем Арсеньевич и Михаил Борисович, несмотря на разницу характеров, дружили уже лет сорок. И при каждой встрече непременно спорили: о судьбах мира, о профессии, о временах и нравах, о молодежи... Сашке нравилось интеллектуальное брюзжание двух умных людей. Она пользовалась каждым случаем послушать стариков, узнать от них что-то интересное...

Михаил Борисович Попов был когда-то известен, как хороший пейзажист. Он много ездил по стране и забирался со своей камерой в самые отдаленные уголки. Может из-за близости к вечным ценностям природы, он был философичней и терпимей Корбуса. Попов принимал и оправдывал то, что раздражало его приятеля в современной действительности. В результате Элем приобрел нелепую привычку - обвинять Михаила Борисовича за все грехи молодого поколения. Но тот только посмеивался и провоцировал Корбуса на все более и более радикальные высказывания, доходившие порой до откровенного абсурда.

После еще одной опрокинутой стопки, мэтры сели на своего любимого конька. Разговорились о молодежи, о молодых фотографах, о будущем фотографии как искусства. Саше выпало играть роль «типичного представителя» новой генерации фотохудожников, которые, по убеждению Элема, были «уже совсем не то».

- Вот ты, Миша, спроси молодое поколение, - ворчливо начал Корбус. - Умеет ли оно пользоваться экспонометром? А? Барышня, лучший фотограф России, умеешь ли ты пользоваться экспонометром?

- Я им постоянно пользуюсь, дед. Он встроен в любую современную камеру.

- Это экспонометр отраженного света. А для падающего?

- А зачем он мне? – огрызнулась Сашка. - Я делаю кадр, смотрю на гистограмму²⁴, и сразу все понятно. Тем более, что большинство ошибок экспонирования можно исправить при редактировании на компе. Главное не пересветить кадр.

- О! – Элем Арсеньевич наставительно поднял палец. - Слышал, Миша, что выбирает поколение диджитал? «Исправить на компе». На компьютере, значит, чтобы ты лучше понял. В какой-нибудь Фотожопе. Они не желают **не** совершать ошибок. Они желают их «исправлять на компе». Жми кнопку, не думая, все сойдется, потом исправим. А у нас с тобой было всего 24 кадрика в пленочке. Ну, в лучшем случае, 36. И каждый кадр должен был быть технически совершенным. Чтобы и фокус на месте, и экспозиция правильная. Чтобы и тени, и света прорисовались. И краски были бы естественными, и глубина резкости как надо. Кто теперь об этом думает? Шлепают, как Бог на душу положит, а потом «исправляют на компе». Поколение бракоделов и халтурщиков!

Сашка уже не в первый раз выслушивала эти обвинения. В ответ она только хмыкнула. Зато за молодежь вступился Михаил Борисович:

- Ты прав, Эля. Но техника идет вперед. Сейчас все можно делать значительно проще, чем в наши с тобой времена. Ты ведь тоже не снимал на посеребренные пластинки. Так что какой-нибудь Дагер²⁵ или Ньепс²⁶ могли бы упрекнуть тебя, что упростив способ обработки материалов, ты выхолащиваешь суть фотографии. И ты - никто иной, как бракодел и халтурщик.

- Ты опять за свое, Мишка? Адвокат дьявола!

- Дедун, не заводись! – поддержала Попова Сашка. - Ты сейчас под парами, а потому неадекватен.

Александра не любила, когда Элем прикладывался к бутылке. Его физиологическая норма алкоголя с возрастом сократилась, но дед еще не успел скорректировать прежние представления о собственных возможностях и, бывало, выпивал лишнее.

- Кто неадекватен? Я неадекватен? Вам бы, барышня, помолчать да послушать, что умные люди говорят. Тоже мне, надежда новой фотографии!

- Да, надежда, - заступился за Сашу Михаил Борисович. - Хотим мы того или не хотим, Эля, но скоро мы уйдем, а вот они (Попов указал на Сашу искривленным артритом пальцем) будут снимать и делать искусство. А потом изобретут какое-нибудь 3-4-5D, и они, как ты сейчас, будут бранить молодых, что те ленивы, необразованны и выдают за творчество низкопробную халтуру.

- Творчество! К тому времени никакого творчества уже не останется! Да и сейчас уже почти не осталось! Видел, как на мыльницах задают режимы – портрет, пейзаж там, макро и все остальное. Хочешь «сфоткать» пейзаж – переключи рычажок. И все творчество! А ты, Мишка, как дурак, до сих пор экспозицию замеряешь. А, оказывается, все можно «исправить на компе». Так что купи себе лучше такую мыльницу и научись рычажок в правильное положение ставить. А скоро вообще будут рычажки: «Маккари»,

²⁴ График распределения пикселей цифрового изображения с различной яркостью. По гистограмме можно получить представление о правильности экспонирования кадра

²⁵ Луи Дагер (1787 - 1851) — французский художник, химик и изобретатель, один из создателей фотографии

²⁶ Жозеф Ньепс (1765 —1833) — французский изобретатель, один из создателей фотографии, получил первое фотоизображение

«Родченко», «Лейбовиц» или «Юджин Смит»²⁷. А камера тебе и ракурс выберет, и композицию, я уж не говорю о фокусе и экспозиции. Ту-ту-ту... А славно это я придумал! Был бы пооборотистей, ей Богу, запатентовал бы. И потребовал бы ввести режим «Корбус». Шлеп – и готов портретик. Вот каким будет завтрашний день творчества!

- Творчество, Эля, будет всегда. Это физиологическая потребность человека – выражать себя. Просто оно будет другим. Новое время, новые формы.

- Это где ж ты, позволь поинтересоваться, видел новые формы? Ты посмотри, что они «фоткают» (это слово было выплюнуто Корбусом с ненавистью, будто оно обжигало рот). И чем? Телефонами! Подумай, они снимают телефонами! Телефонное творчество!

Саша невольно улыбнулась, предвкушая, что сейчас дело дойдет и до музицирования на пылесосе, но дед перебил Михаил Борисович:

- Эля, дорогой мой человек, технический прогресс идет по пути соединения всех полезных функций в одном устройстве. Никому не хочется носить с собой и телефон, и камеру, и музыку, и компьютер, когда все это можно собрать в одном приборе.

- Ту-ту-ту... В приборе на букву гэ... Как там его? – дед повернулся к Саше и пощелкал пальцами, словно силился вспомнить забытое слово.

- Гаджет.

- Во! Именно это я и говорю, на букву гэ. Все равно, Мишка, все функции в это гэ не запихнешь. Если по нему можно звонить, это не значит, что он будет варить тебе кашу.

- Зато кастрюля вполне могла бы еще и фотографировать.

- А вот в это я охотно поверю, - воодушевился Элем. И тут же продекламировал фальшиво-оптимистичным голосом из рекламного ролика. – «Новая скороварка для творческих обедов с матрицей 24 мегапикселя и 10-кратным зуммом. Новый взгляд на пейзаж Вашей кухни».

- Какая разница, чем снимают? – не сдавался Попов. - Важно, **что** они снимают.

- Фотки! Они не снимают, понимаешь? Они фоткают фотки. По-другому и не скажешь. У каждого полный телефон фоток – котики, цветики, детки-внучки-жучки и все, на что их глаз упадет. А потом это говно выкидывают на глобальную помойку, чтобы и других порадовать своим «творчеством».

- Чего ты злишься? Художников мало во все времена. А ты хочешь, чтобы каждый взявший в руки камеру, снимал как Картье Брессон? Этого никогда не будет! И так фотография сделала творчество демократичным и широко доступным.

- Слишком широко, слишком! Вообще, фотография – это искусство для бесталанных художников. Мы с тобой, Мишка, несостоявшиеся Рафаэли, не умеющие рисовать. Лентяи, которые вместо того, чтобы сидеть месяцами перед холстом, предпочитают нажать кнопку и сразу же получить картинку. Любители без труда ловить рыбку из пруда. И Сашка такая же. Но когда-то нас незаслуженно считали богами. Эх, было времечко! Помнишь?

²⁷ Великие фотографы разных времен

Попов улыбнулся, и его одутловатое бледное лицо просветлело:

- Еще бы! Как мы тогда кидали понты! Особенно ты, Элька, паршивец! Когда ты начинал на публике гнать про температуру света или про ГРИП²⁸, казалось, что это какие-то сакральные знания, доступные только избранным. Девчонки смотрели тебе в рот. И каждая мечтала, чтобы ты сделал ее портрет. Запечатлел красавицей. А ты диктовал им свои условия – кто «ню», а кто «ню-ню». Саша, вы не представляете, каким Казановой был ваш дедушка в молодости.

- Ну почему же? – не согласилась Сашка. - Вполне могу себе представить. Да он и сейчас еще очень крут! Между прочим, одна моя знакомая журналистка сказала, что «клюнула» бы на Элема. Зацени, дед!

- Ту-ту-ту... Вы мне льстите, барышня? Это еще зачем?

- Это чтобы ты не слишком нападал на меня.

- Да, Мишка, видишь, теперь уже барышни мною манипулируют, а не я ими. Но от этой конкретной барышни я готов потерпеть. Ты ее интервью читал? (Попов утвердительно покивал головой). Про «Великого композитора» и «Волшебного стрелка»... Глы-ба-ко... Умничка, хоть и засранка. Но снимает она ничего себе, правда? – в голосе Корбуса слышались отзвуки учительской гордости.

- Отлично снимает! И интервью у вас, Саша, получилось просто замечательное. Вот видишь, - развернулся Попов к другу. - А ты говоришь, творчество исчезает. Когда у тебя такая наследница! Я молодому поколению даже сочувствую...

- Это почему же?

- Многое из того, что мы снимали, было в первый раз. Помнишь, как ты придумал снять голую девчонку, проступающую через мокрый капрон? Тогда это было новым словом в искусстве. До сих пор помню, с каким восторгом мы смотрели на эту работу. Вы, Саша, ее видели?

- Конечно видела. Очень круто!

- Вы не представляете, как это было «круто» в семидесятые. Только выставить было невозможно – слишком уж откровенно. Там, помните, кое-где капрон прилип, и проступало нагое тело. А тело в СССР было под запретом. Вы, Сашенька, например, знаете, что в Советском Союзе «не было секса»?

- Как это не было? – изумилась Саша.

- Да одна дурища номенклатурная лягнула такое на телемосте с США, - зарокотал довольным смехом Корбус. – Так и сказала с коммунистической безапелляционностью: «У нас, в Советском Союзе, секса нет». Представляешь, какой фурор она произвела? У америкашек просто челюсти отпали! Они решили, что в загадочном Совке изобрели способ размножаться почкованием.

- Нет, правда, так и сказала?

²⁸ Глубина резкости изображаемого пространства

- Так и сказала, - подтвердил лучащийся улыбкой Попов. – А дедушка ваш в этой самой стране без секса обнаженку снимал. И весьма, скажу я вам, сексуальную. Разве такое можно было выставить? Или напечатать? Категорически нет. Можно было только знакомым показать. И то с опаской, чтобы не настучали... Но та девчонка в капроне... Она так сразу и впечаталась мне в память.

- Что, Мишка, завидовал? – подколот Попова Элем. – Это тебе не цветочки-василечки.

- Врать не буду, Элька, тогда я тебе позавидовал. Мощный образ! Та девчонка... Она словно объект творения, который прорывает холст и рождается в реальный мир. Черты сглажены капроном. Еще не проступили до конца, не обрели индивидуальность... Но она уже вырвалась из пут на свободу. Тогда, в семидесятые, для нас это было полным откровением... Прорывом к свободе во всех смыслах слова! Да. А теперь снять так может если не каждый, то каждый второй.

- Не снять, а повторить, - самолюбиво поправил Корбус.

- Прости, Эля, но большинство из них даже не знает, что повторяет. Твой прием растиражирован. Он уже давно стал штампом.

- И ты обвиняешь в этом меня?

- Чур меня! – Михаил Борисович вскинул руки в притворном ужасе. – Я вообще никого не обвиняю. Я просто рассуждаю. Для Сашиного поколения так же трудно выразить свою индивидуальность, как... как твоей девчонке вырваться из капронового плена. Подумай, ведь все уже снято-переснято, все открыто, все было. Сейчас Брессона сочли бы очень средним фотографом. Да и количество снимающих увеличилось на несколько порядков. Посмотри в любой социальной сети, сколько новых фотографий публикуется в минуту. Каждую минуту – тысячи, десятки тысяч! Сегодня, если хочешь стать известным, надо быть не столько художником, сколько коммерсантом. Думать, где размещаться, как продвигаться, на какие конкурсы подавать. В общем, в наше время было легче.

- Вот! – обрадовался Корбус. - Наконец-то я слышу разумную речь не мальчика, но мужа. Вместо искусства у них одна сплошная коммерция. «Пиар», как они его называют. Я правильно изъясняюсь, барышня? То, что ты снимаешь, неважно. Важно, сколько лайков тебе налайкали.

- Ну и что? – не сдавался Попов. - Художник всегда искал и ищет одобрения. У тебя в свое время были тиражи, публикации в прессе, выставки, а у них – лайки.

- Лайки! Слово какое-то собачье. Я тут зашел на сайт «Фотокто», посмотрел. Фотоникто! Приличные работы оцениваются хуже, чем посредственные, но во вкусе плебса. Знаешь, что там пользуется успехом? Цветочки и голые сиськи.

- А тебе, Элька, скажешь, сиськи не нравились? Только мне-то не ври! Сиськи – это вечная ценность. Вон, сходи на досуге в Пушкинский. Там в каждом зале сиськи. Египет, Греция, Рим – везде торчат сиськи. А насчет коммерции – мы ведь тоже заказуху делали. Ты что ли никогда портреты «тружеников села» не снимал? Снимал, я знаю. И я снимал, пока не ушел в природу. Та же самая коммерция.

Глядя на недовольное лицо Корбуса, Саша не выдержала и рассмеялась.

- Чистая победа, Михаил Борисович! Спасибо, что защитили. С таким адвокатом, как вы, не пропадешь!

- А вы, Сашенька, и без адвоката не пропадете. Вы хорошо снимаете, искренне. Это сразу чувствуется. Вам интересен мир, интересны люди. И картинки у вас получаются «вкусные», независимо от того, пользуетесь ли вы экспонометром или нет. Думаю, ваш дед так же считает... А ворчит он от дурного характера. И еще от старческой обиды на то, что время наше уходит. Мне ведь тоже обидно, Эля, дорогой ты мой человек. Но так уж устроена жизнь. Как там у классика: «Будь же ты вовек благословенно, что пришло процветать и умереть». Давай лучше еще по одной за здоровье твоих девочек. За Сашеньку и за Ланочку.

- Спелись? Вы еще поцелуйтесь! Давай, наливай, старый хрен. За моих девочек грех не выпить!

Глава 10

Март 20X2 г.

- Ого, кого это к нам занесло? Неужели сам Мегабосс пожаловал?

- Привет, Червячок. Как жизнь скрамная²⁹?

- Здорово, коль не шутишь. Зацени, к концу недели выходим на демо³⁰ и, если страшных багов не будет, хотим на следующем спринте уже зарелизиться.

- Так это ж на месяц раньше срока!

- Вот именно, чувачок, вот именно! Ты-то на демо будешь?

- Это как получится. Поглядим.

- Па-а-анятно. А Гигабосс?

- Может, и будет. Он завтра из Штатов возвращается.

В айтишной фирме, где Гордин был одним из троих соучредителей, трудились в основном совсем зеленые мальчишки и девчонки, выросшие уже в эпоху тотальной диджитализации. Глеб был старше их на какие-нибудь десять-двенадцать лет, но остро чувствовал, что те принадлежали к совершенно иной генерации людей. Они не имели дипломов и даже не стремились их получить. Зато либо знали все на свете, либо знали, где это можно узнать. В виртуальном сообществе всегда находились гуру, готовые помочь, причем, чаще всего бескорыстно.

Цифровые дети ничего не боялись, потому что ничего не имели и ничем не дорожили, кроме свободы быть самим собой. Они прибивались к компаниям, таким как Гординская, свободным от субординации, где никто «не парился» по поводу должностей и регалий. Но и к этим организациям диджиталы не прирастали. Они в любой момент готовы были сорваться и переместиться туда, где им было бы интересней. Работали они не за деньги, не за страх, и даже не за совесть, а ради интереса.

²⁹Скрам – техника гибкого управления проектами по разработке программного обеспечения.

³⁰Демо, релиз – термины Скрама.

Их истинной родиной была территория свободы - глобальная сеть, в которой они не признавали ни законов, ни ограничений и вели себя как охотники в лесу: брали все, что сумели добыть. Ну, почти все, так как денег они все-таки не крали. По крайней мере, Гордин очень на это надеялся. Еще одной ценностью поколения диджиталов были «тачки» - компы, на которых они колесили по безграничному и космополитичному пространству Интернета. Ну, и прочие гаджеты, позволяющие им каждую секунду оставаться онлайн.

Иногда Глебу казалось, что они были как боги: добрые, если стояли на твоей стороне, и злые, беспощадные, если играли против тебя. Самым могущественным богом на Гординской фирме был Леха Вормин с сетевым ником ViciousWorm – «Злобный червь».

Леха был старше других – ему уже перевалило за двадцать. Он был бы даже симпатичен, если б не отвратительное состояние угреватой кожи - взрывающиеся гнойники созревших прыщей - и не чудовищная неопрятность, проистекающая из полного пофигизма. У Лехи совершенно отсутствовала потребность кому-либо нравиться. Он был убежден, что нуждающиеся в его талантах, должны принимать его таким, как есть.

Леха поскреб пятерней в копне давно не стриженные сальных волос. И пахло от Вормина прогорклым потом. Гордин невольно поморщился:

- Ты опять в конторе ночевал? И, конечно, пренебрег гигиеническими процедурами типа душа?

- Да ладно тебе, чувачок. Зато я с семи за компом. Заценил бы, эксплуататор!

Леха практически жил в офисе. Жил в прямом смысле слова. Ему было лень возвращаться вечером в свою квартиру, хотя та и находилась в соседнем доме. Для Червя не было никакой разницы, где ночевать – в собственной постели или на узком офисном диванчике. Тем более, что господа учредители предусмотрительно оборудовали на фирме специальную комнату для отвязанных трудоголиков, типа Вормина – апартаменты с двумя диванами, туалетом и душем.

Рабочий стол Лехи, стоявший в обособленном закутке, был завален разным хламом. Компьютерные деталюшки мешались с недоеденным печеньем, разноцветными дротиками для игры в дартс (мишень висела на противоположной стене), скомканными бумажками от конфет и прочей дрянью. Но Леху этот бардак совершенно не раздражал. Он был одной из разновидностей порядка.

Глеб расчистил маленький уголок пространства, сдвинув хлам к центру, и брезгливо, бочком, уселся на Ворминский стол. Леха бросил на него недовольный взгляд: он не любил, когда кто-нибудь вмешивался в заботливо созданный им хаос. Вормин нехотя оторвался от монитора и уперся взглядом в Глебову забинтованную кисть.

- Ого, чо это с тобой приключилось, чувачок? Производственная травма?

«Личная драма» - отозвалось в голове Гордина, но вслух он произнес: «обжегся». И это было почти правдой. Он обжегся на той горячей штучке по фамилии Корбус.

С утра Гордин осмотрел свою располосованную ногтями кисть: четыре длинные вспухшие борозды уже покрылись кровавыми корочками. Придумать какое-то приличное объяснение их происхождению было невозможно. Слишком уж очевидно они свидетельствовали о горячей разборке. Причем, однозначно с женщиной. А значит, были

поводом для нескромных вопросов и двусмысленных шуток. Глеб предпочел забинтовать руку.

- У меня к тебе дело на два миллиона, - начал Гордин.

- Угу, сначала два миллиона, и можешь излагать.

- Мне нужна кое-какая информация.

- Кто владеет информацией, тот владеет миром! Конкурентов будем мочить в сортире? А чево ко мне? У нас же Марго по инфосбору.

Глеб слегка замялся, но все-таки выдохнул из себя:

- Это не по работе. Это лично для меня. И так, чтобы без утечек.

- Па-а-анятно. А чо я с этого буду иметь?

- А ты, оказывается, меркантилен, Червячок.

- Жизнь такая! Мне мать надо поменять. Я тебе инфу, а ты мне заэпрувишь покупку новой материнки³¹. Ну как?

- Согласен.

- Угу. Тогда валяй, формулируй свою юзер-стори³².

- В общем, - замялся Гордин. - Мне нужно... Мне нужно что-то компрометирующее на... на одного человека. На одну...

- На одну человеку? Это ты не на ней обжегся? - Вормин кивнул на забинтованную руку.

У Лехи было уникальное, порой даже пугающее чутье и способность мгновенно выстраивать причинно-следственные связи. Глеб сам подставился, обратившись именно к Вормину, но альтернативы не было. Злобный Червь был лучшим сетевым охотником, не чуждавшимся и хакерства.

- Это не релевантно, - оборвал наметившуюся тему Гордин.

- ОКэ, не релевантно, так не релевантно, - покладисто согласился Леха, убедившийся в правоте своих подозрений. - Как фамилия твоей «человеки»? Кого будешь троллить?

- Корбус. Александра Корбус. 26 лет. Фотограф, победитель конкурса «Best of Russia» этого года. Достаточно?

- Более чем, чувачок, более чем...

- Могу еще номер мобильного дать.

- Не обязательно, но давай для экономии времени.

Гордин продиктовал номер Сашиного телефона.

- И когда будет готово?

³¹ Материнская плата компьютера

³² Пользовательская история, формат описания требований в IT проектах

- А когда надо? ASAP³³? Завтра вечером пойдет? Раньше не могу, - зачем-то начал оправдываться Вормин. - Я подрядился Вовану помочь с его тасками³⁴. А то он чо-то зашился.

На следующий день после работы Гордин снова заглянул в Ворминский закуток. Леха оторвался от монитора и улыбнулся хитрой улыбкой хорошо осведомленного человека:

- Ого! Какие люди и без охраны!

- Привет, Червячок. Как там наше дельце? Я тебе вчера заявку на материнку согласовал.

- Ага, я уже новую мать поставил. Улет! Ламборджини вместо Жигулей!

- А мои дела как?

- Твои – хуже, чем мои.

- Что так? – расстроился Гордин.

- Я пошарил... Инфы полно, но эта твоя Корбус - она чистенькая.

- Что, вообще ничего?

- Практически. В общем, конфига такая: она на контракте в Интеройле. Там ее папаша работает. Наверняка, он и пристроил. Но зарплата у нее там чисто символическая. Пособие на бедность. Так что здесь придраться не к чему. А в основном эта подруга фрилансит. Свадьбы-юбилеи. Знаешь, что ее дед – какая-то шишка в фотографии?

- Да, слышал.

- Угу. Живет она на Динамо. Снимает однокомнатную квартирку. Так, дешевка. Адрес в файле с инфой, я тебе на мыло сбросил. С ней обитается один чувак, зовут его Максим Данилин. Бойфренд. Она его часто фоткает как модель. Смотреть будешь?

- Это такой смазливый блондинчик? – догадался Гордин, вспомнив выразительные портреты парня с прозрачными глазами. - Видел я его.

- Па-а-анятно. А на хрена я парился?

- Я сказал, что видел, но не знал, что она с ним спит.

- Ого, расстроился? – снова проинтуичил Леха.

- Я? Из-за чего это?

- Ну, так просто...

- Просто так я не расстраиваюсь!

- И правильно, чувачок, и правильно! – сказал Леха тоном резонера.

- Давай дальше. Кто такой этот Максим? Он женат?

³³ As soon as possible, как можно быстрее

³⁴ Задачи, которые выполняются участниками команды проекта

- А на него заказа не было. Я его не прокачивал.
 - Согласен, проехали. Еще что-нибудь?
 - Еще? С исламскими террористами твоя подруга **не** связана. Наркотики **не** употребляет и **не** распространяет. Шантажом **не** занимается, в подпольных борделях **не** подрабатывает. Даже порнуху и ту **не** снимает. Только легкую эротику. Но о-о-очень красиво! Тебе бы понравилось!
 - Если это то, что выставлено на Фликре, то мне уже понравилось.
 - Значит, уже видел. Па-а-анятно. Мейлы в ящике самые невинные: по работе, переписка с клиентами, лайки, комменты... Ну и спам, куда ж без него... Чувачок, а на той ее фотке, что на Раше победила, это ведь ты, правда?
- Глеб вздрогнул от внезапности вопроса. Очевидно, что в своих поисках Леха не мог не наткнуться на ту злосчастную фотографию, с которой все и началось. И, естественно, узнал Гордина.
- Без комментариев.
 - Па-а-анятно. Крутая фотка. Ты из-за нее на эту Корбус наезжаешь?
 - Без комментариев.
 - Па-а-анятно...
 - Что тебе понятно, Червячок?
 - Что без комментариев.
 - Так неужели совсем ничего? – вернулся к интересующей его теме Глеб.
 - Ну, недавно штраф в ГИБДД заплатила – за парковку в неподобающем месте. Знаешь, наверное, что у нее – Матиз. Такая косметичка на колесиках.
 - Нет, не знал.
 - Теперь знаешь. Естественно, налоги с доходов не платит. Это сгодится? Можешь настучать на нее в Налоговую. Контора серьезная, крови много попортит. Если захочет связываться... Бабки-то там не миллионные.
 - Нет, это уж слишком. Впутывать в личные разборки государство подло.
 - А у тебя с ней **личные** разборки?
 - Без комментариев.
 - Слушай, Мегабосс, ты как какой-нибудь пресс-секретарь после того, как гуманитарный конвой случайно бомбанули. Сразу па-анятно, что все правда.
 - А ты как журналюга гребанный - к каждому слову вяжешься.
 - Ладно, не кипятись, чувачок. Чо бы ты хотел нарыть? – приготовился слушать Леха.
 - Идеально было бы, если б она спала с каким-нибудь женатым мужиком.

- Па-а-анятно. Значит, твоя дама с фотографии замужем.

Глебу ничего не оставалось, как промолчать. Про него самого Злобный Червь узнал куда больше, чем про Корбус.

- Когда?

- Что «когда»? – не понял Гордин.

- Когда спала бы? Раньше или щас?

- Сейчас, конечно.

- Не, не катит. Щас она с этим своим блондинчиком. Нет у нее никакого женатого мужика. Есть папа-мама, младший брат, дед знаменитый и этот самый Макс Данилин.

- Ну а что еще может быть? – не хотел отступаться Гордин.

- Без понятия! То, что есть, тебе не нравится, а чево ты хочешь – того нет. Ты вон сам даже не знаешь, куда рыть.

- Не знаю, - вынужденно согласился Глеб. – Ладно, будем считать, что результат отрицательный. Помнишь, что без утечек?

- Угу. Помню, Мегабосс. Хошь, сам поройся.

- Я как-то не по это части.

- Да дело-то плевое! Вон она в сетях торчит. А там народ сам на себя стучит так, что просто мама не горюй. Кто с кем, куда, когда и зачем – все можно узнать.

- Я ее аккаунт на Фликре весь просмотрел, но ничего подходящего не нашел.

- Чувачок, так надо же не в профессиональных сетях, а в тех, что про жизнь. Типа Фейсбука там или В контакте. Чекаешь, чо она сама про себя постит: фотки, блоги. Шаришь, кто у нее во френдах и двигаешь на их аккаунты. Муторно, конечно, но там такие фичи³⁵ можно собрать! Скажем, муж заливаает жене, что ездил в командировку, а его любовница постит фотки, как они вместе в Турции жарились. Я бы сам пошарил, но, сам знаешь, у меня щас полный затах.

- А доступ к ее почте ты мне дашь? И к СМС-кам, Вотсапкам?

- А надо? Дело стремное... Мне-то по фиг, откуда инфу добывать. А ты слегка... м-м-м... старомоден в манерах. Это ж все-таки нарушение прайваси. Могут и наехать. Точно хочешь?

- Хочу, - уперся Глеб. – Она тоже нарушила мои права.

- Значит, будешь мстить. ОКэ, ты - Мегабосс, я исполнитель.

- При чем тут Мегабосс? Я тебя как мужик мужика прошу!

- Убедил. Я тебе все организую. Будешь сам говно добывать. Ежли чо еще понадобится – велкам. Я бы еще монитор обновил.

³⁵ Полезная информация

Вот уже который день Гордин не мог забыть о безобразной сцене в кафе. На работе еще как-то удавалось отвлечься. Но как только Глеб переставал думать о текущих бизнес-проблемах, его начинало терзать недовольство собой. Он совершил поступок, которого стыдился. Стоило Глебу прикрыть глаза, и он с отвратительной отчетливостью видел себя в образе слюнявого безумца, напавшего на девчонку. И, пытаясь отделаться от этого мерзкого воспоминания, Гордин морщился, мотал головой, словно отрицая реальность произошедшего, болезненно мычал...

Как он только додумался укунить эту Корбус? Нет, ум тогда был совсем не причем. «Причем» был темный инстинкт, который требовал подмять нахальную соплячку под себя, отыметь, унижить... Наказать за хаос, который та устроила в Гординской жизни. И если бы эта очумелая дикая кошка не привела его в чувство, располосовав руку когтями, еще неизвестно, чем бы все закончилось.

Когда-то в детстве Глебу были свойственны такие импульсивные безумные выходки. В его жилах сливались два постоянно конфликтующих потока крови - жаркая армянская струя, унаследованная от деда по материнской линии, и холодная кровь питерского разлива со стороны отца.

Отец Глеба, инженер по профессии, был человеком рассудка и логики. Но, по известному закону притяжения, женился на полной своей противоположности. Мать, нервная эмоциональная женщина, мечтала о многодетной семье, но из-за проблем по женской части долго не могла забеременеть. Поэтому, когда после нескольких лет лечения, после трех выкидышей, ей наконец-то удалось выносить и родить здорового ребенка, она вложила в него всю свою любовь без остатка. Отныне ее жизнь была посвящена служению маленькому живому идолу.

Гордин-отец, лишенный внимания жены, нашел утешение в работе. Он стал пропадать в цехах и на испытательных стендах, много ездил по командировкам. Но появляясь дома, не мог не замечать, что всепрощающая материнская любовь формирует из сына домашнего монстра. После одной особенно шумной сцены, когда шестилетний Глеб, не желавший закончить игру и идти спать, повалился на пол, извиваясь, крича и топая ногами, отец осознал, что волей-неволей ему придется взять на себя ответственность за исправление дефектов женского воспитания. Тем более, что вскоре сына предстояло отдавать в школу... Так мать была ограничена в правах собственности на сына.

Жизнь Глеба в одночасье переменилась: в ней появились расписания, обязанности, наказания и тягостные разговоры с отцом. Отец не был жесток, но он был строг, требователен и абсолютно неумолим. Глеб не мог поверить, что его желания, бывшие императивами для матери, для отца ничего не значили. Он пробовал применять привычные ему способы протеста – скандалил, плакал, бросался на отца с кулаками – ничего не работало. Гордину-младшему противостоял невозмутимый человек с бесстрастным лицом, который видел сына насквозь и прекрасно знал, как заставить его подчиниться. И даже слезное заступничество матери не помогало: Глеб навсегда был изгнан из младенческого рая вседозволенности.

Примерно год Глеб ненавидел отца. Он упивался мечтой о победе из дома (вместе с обожаемой мамой, естественно), и о том, как они будут жить в далекой горной Армении, где злой родитель не сможет их отыскать. Но постепенно Глеб притерпелся и к расписаниям, и к обязанностям. Наказания исчезли. Разговоры с отцом стали

интересными и поучительными. Незаметно для себя перенимая отцовскую привычку рассуждать и анализировать, Глеб быстро вырос. И мама гордо улыбалась, когда кто-нибудь из учителей хвалил ее «не по годам развитого мальчика».

Еще через пару лет отец стал для Глеба высшим авторитетом и примером для подражания. Гордин-младший старательно копировал лицом и поведением отцовскую невозмутимость. Зато матери, с ее неумеренно пылкими проявлениями нежности, он стал стесняться. Хотя и испытывал потребность в ее ласке.

Изредка случались рецидивы, и жаркий темперамент гейзером выплескивался наружу. Так однажды, повздорив с мамой, Глеб в сердцах швырнул об стену банку с черешневым компотом. Та разлетелась сверкающими осколками и лиловыми каплями, засыпав и забрызгав все вокруг. Тогда отец, первый и единственный раз на памяти Глеба, вышел из себя и отвесил сыну тяжелую пощечину. Гнев обычно невозмутимого человека был так страшен, что урок запомнился на всю жизнь.

В период созревания, лет примерно с тринадцати, перед Гординым встала серьезная проблема. Горячий ток крови, подавленный, загнанный глубоко внутрь под панцирь самоконтроля, кипел и бурлил, стремясь выплеснуться наружу. И словно от этого внутреннего жара кожа Глебки стала обрастать густой экзотической растительностью. Волосы чем дальше, тем гуще покрывали его щеки, грудь, руки и ноги, не говоря уж о традиционных местах роста. Гордин ненавидел свою лохматость и частенько недобрым словом поминал армянского дедушку Амаяка. Тот был космат, как Кинг Конг, и шутил, что сама природа позаботилась, чтобы он, нежный теплолюбивый фрукт, не замерз в холодной Москве. Глеб же старательно выстригал, выбривал и запрятывал мятежную растительность под воротники, галстуки и длинные рукава. Он боролся с ней как с проявлением дикости, так же, как подавлял свою нецивилизованную эмоциональность.

Наверное, Гордин слишком передавил себя, потому что в прошлом году страстная половина взбунтовалась. Сначала с ним случилась Анна. Но с ней Глебу удалось сохранить имидж сдержанного человека. Да, он на время утратил контроль над эмоциями, он влюбился. И все-таки ему хватило силы воли, чтобы, не впадая в истерики, достойно уйти, когда Анна отказалась от него.

А теперь стало совсем худо. Несносная Корбус выманила наружу лохматого дикаря. Если б отец стал свидетелем сцены в кафе, то не избежать бы Глебу новой пощечины. Но самым ужасным было то, что Гордин получил от этого даже не удовольствие, нет, наслаждение. Он постоянно вспоминал, как девчонка вдруг затихла в его объятиях и раскрылась. Как ему мучительно хотелось распластать ее мягкое податливое тело по своей груди, вонзиться в него, искушать поцелуями, излиться в него соками. Глеб до сих пор ощущал горчащий вкус табака в ее дыхании, запах влаги на волосах... Но сильнее всего он слышал острый влекущий аромат ее желаний. Она хотела его! А он хотел ее. Хотел до боли, до ломоты в гениталиях...

Кто и за что подсунил Глебу эту нахальную соплячку! Она погрузила его в хаос неуправляемых эмоций. Гордин злился, мучился, вожделел, презирал себя... И был готов совершать новые подлости. Мамин сынок, капризный шестилетний мальчик, спрятавшийся где-то на самом доньшке Глебовой души, кричал взрослому мужчине: «Это все она, это она виновата! Ты должен ее наказать!».

Гордин снова открыл страничку Саши Корбус с уже знакомой аватаркой. Односторонне освещенное девичье лицо пристально смотрело на Глеба карим глазом и едва заметно

улыбалось половинкой пухлых губ. Казалось, девчонка насмехалась над ним. Что ж, он готов принять вызов.

- Напрасно ты так самоуверенно улыбаешься, соплячка! Я с тобой не закончил. Мы еще встретимся!

Глава 11

Апрель 20X2 г.

- Ну, что у тебя новенького? Ух ты, неплохо! Где это ты такое щелкнула?

Пока в микроволновке разогревался холостяцкий ужин из замороженных продуктов, Гордин сидел за кухонным столом и с интересом разглядывал на экране ноутбука новую работу Корбус. Ежевечернее «общение» с Сашей вошло у Глеба в привычку и скрасило его одинокие вечера.

На фотографии пожилой мужчина стоял на пороге, и стеклянная дверь резала его фигуру пополам. Лысая черепашья голова, вся в возрастных пигментных пятнах, высунулась на улицу и зеркально отразилась назад в витринном стекле. Мужчина смотрел на идущих мимо прохожих, а его перевернутое лицо так же пристально изучало бледное отражение жизни. словно два мира – реальность и Зазеркалье. И старик, застывший на границе этих миров.

Глеб не переставал удивляться тому, что привычные вещи, увиденные Сашиними глазами и запечатленные ее камерой, представляли перед ним совершенно по-новому. Ведь сам он прошел бы мимо обычной уличной сценки, не обратив на нее никакого внимания. Подумаешь, старик стоит в дверях! А теперь, внимательно разглядывая кадр, Гордин невольно задумался о трагической неизбежности перехода в иной мир. «Неужели девчонка сразу видит все эти нюансы? – восхитился Глеб. - Неужели образы складываются у нее в голове за те доли секунды, которые требуются, чтобы сделать снимок? Невероятно!»

Просматривая работы Корбус, Глеб все больше узнавал о ней самой. Она словно приглашала его радоваться или грустить вместе с ней, любоваться прекрасным, смеяться над забавным. Одни фотографии нравились Гордину больше, другие меньше, но интересны были практически все. Посещение «Best of Russia» обогатило его новым взглядом на фотоискусство: он стал обращать внимание на то, чего не замечал раньше - на детали, зашифрованные в изображении смыслы, рифмы и ритмы, которых в Сашиних работах было предостаточно. А иногда вместо изобразительной сложности его покоряла просто запечатленная эмоция. Как, например, в портрете спящего младенца, улыбающегося своим снам. Ну, о чем человечек, проживший на свете всего несколько недель, мог грезить? Чему так счастливо улыбался? Не иначе, как ангелы пели ему колыбельные.

Глебу непременно хотелось «дойти до самой сути»: понять, что именно привлекло Корбус в том или ином сюжете. Как она это увидела? Почему сняла то, что сняла? Почему из массы отснятого материала сочла достойным публикации один конкретный кадр? Почему, в конце концов, она выхватила из толпы его и Анну и почему отправила на конкурс ту самую фотографию... «Осень нашей любви»...

Между тем, выставка на Винзаводе закрылась, и развешанные по городу плакаты, угрожавшие спокойствию Глеба, заменили другой рекламой. очередной раз пробегая мимо знакомой автобусной остановки, Гордин увидел на стекле анонс гастролей какого-то известного танцовщика фламенко. От ставшего болезненно-привычным образа обнявшихся любовников не осталось и следа.

Глеб послал Анне короткую СМС-ку «Ну как?» и получил такой же короткий ответ «Все в порядке». Неприятная нервная история благополучно завершилась, не причинив никому вреда. Гордин испытал огромное облегчение.

Казалось бы, теперь о мести «безответственной папарацци» Александре Корбус можно было бы забыть. Но Глеб уже не мог остановиться. Он втянулся в виртуальную слежку за девчонкой. Отказ от первоначальных намерений был бы равносителен отрешению от личной жизни и возвращению к скуке унылых одиноких вечеров, спасительно загруженных работой.

Сначала Глеб сознательно распалял свою ярость. Чтобы иметь оправдания для проникновения в частные тайны Александры Корбус. Но очень скоро он перестал нуждаться в оправданиях. Постепенно, день за днем, Глеб сроднился с девчонкой. Так телезрители привязываются к героям ежедневного реалити-шоу. Доступ к чужой почте стал казаться таким же естественным, как лента событий на новостном сайте.

Если б Глеба спросили, зачем он следит за Корбус, зачем читает ее переписку, он заученно ответил бы, что ищет в потоке информации компрометирующие факты. И однажды, когда найдется нечто скандальное, он покажет девчонке на ее собственной шкуре, как оскорбительно чужое вмешательство в личную жизнь. Но, на самом деле, гнев Глеба уже давно остыл, а делать гадости рационально, «по плану», было не в его характере. Он просто втянулся в «параллельную» жизнь. И чем дальше, тем больше Саша нравилась ему. Нравилась ее страстная увлеченность своим делом, ее талант, независимость, искренность. И даже взрывной темперамент, что оставил на Глебовой руке долго незаживающий след, напоминал ему пылкость материнской натуры.

Гордин с удивлением обнаружил, что скучает по девчонке. Однажды он даже позволил себе набрать номер ее мобильного. И пока Саша энергично аллокала в трубку, он слушал виолончель ее голоса, и наслаждался ощущением сконцентрировавшейся в этом миге жизни – ускоренным биением сердца и шумом крови, спешащей по венам.

Но чем больше Глебу нравилась Саша, тем больше раздражало присутствие рядом с ней другого мужчины. Особенно этого смазливового жиголо – Макса Данилина, которого Глеб уничижительно окрестил «Максиком».

Как раз на днях Саша запостила очередной его портрет. На нем блондинчик представал настоящим секс-символом: обнаженным по пояс, с гладким чистым телом, но с выразительной трехдневной щетиной на щеках (у этого красавчика все было выразительно!). Прозрачные глаза, где в серой радужке открывалась глубокая черная скважина зрачка, презрительно изучали Глеба, губы кривились в издевательской ухмылке: «Женщины принадлежат таким, как я!».

Глядя на этот портрет, Глеб едва сдерживал раздражение. Как может ее привлекать этот слащавый жиголо с водянистыми глазами? Да у этого типа на морде написано, кто он такой: эгоистичный, самовлюбленный осел! Нарцисс. Альфонс. Впрочем, какое мне дело, с кем спит эта идиотка? Ее выбор только доказывает, насколько плохо она разбирается в

людях (по умолчанию предполагалось, что сам Глеб разбирается хорошо). Но сознание собственного превосходства в понимании человеческой натуры не доставило Гордину радости. Вопреки всяческой логике, он ревновал.

Гордину, начинающему мазохисту, хотелось знать наверняка, какие у Саши отношения с Максиком. Любит ли она его? Или только трахается «для здоровья»? Насколько он хорош в постели? К сожалению Глеба, Корбус не имела привычки вести сетевой дневник...

Почта и СМС-ки также не проясняли ситуацию. Девчонка переписывалась со своим бойфрендом каждый день. Обычно это были два-три сообщения на бытовые темы: «Когда будешь дома?», «Сегодня твоя очередь идти в магазин. Купи курицу гриль, плз», «Вечером я у деда. Можешь присоединиться». В переписке не проявлялось никаких чувств, хотя в конце каждого сообщения торчало неприятное слово «целую». Так любит или не любит?

Был еще странный диалог в СМС-ках с контактом, обозначенным как «Гершвин»:

Гершвин: Как там наш проект? Нашла что-нибудь?

Корбус: Думаю.

Гершвин: Не надумала пристроить своего красавчика в добрые руки? ☺

Корбус: Если надумаю, ты – первая в очереди. ☺☺☺

Гершвин: Заберу самовывозом, как только намекнешь. ☺ Жду.

Но кто поймет, что они имели в виду? Кто этот «красавчик»? Максик? Или, например, кот? Или вообще бэушный фотоаппарат? Этих женщин не разберешь! Но Глебу хотелось, чтобы речь шла о Максике, о надоевшем Саше Максике, которого хочется поскорее сбыть «в добрые руки».

Помня советы Злобного Червя, Гордин регулярно просматривал аккаунт Данилина на предмет «добычи говна». Много узнал.

Во-первых, Максик был никчемным раздолбаем. Глеб это понял потому, что не нашел на странице ни одного упоминания о его профессии. А это значило, что либо ее совсем не было, либо она ничего не значила в жизни красавчика. Неужели он жил на содержании? Эта мысль была Гордину и приятна, и отвратительна. Приятна, потому что унижала соперника. И отвратительна, от того, что содержал его не кто-нибудь, а Саша Корбус. Такая пронизательная в своих работах и такая безнадежно глупая в жизни. Неужели она его все-таки любит?

Глеб также узнал, что Макс был увлечен идеей майнинга биткоинов, которая активно обсуждалась в сообществе таких же, как и он сам, бездельников. Тех, что мечтает о миллионах, но не способен даже задницу от дивана оторвать. Гордин не поленился прочитать в чате длинную дискуссию, где заинтересованные стороны пришли к неутешительному выводу: золотое время добывать биткоины уже упущено, текущий курс слишком высок, чтобы ожидать дальнейшего роста. И Глеб, обычно равнодушный к далеким от него проблемам финансовых спекуляций, порадовался, что Максик не станет олигархом.

Еще одним увлечением блондинчика был тюнинг автомобилей. Сам он имел дешевый Форд Фокус питерской сборки, который без конца отделывал и дорабатывал. «Надеется

превратить в Майбах?» - позлобствовал Глеб. Страница Максика пестрела фоторапортами о его последних достижениях. Процесс до удивления напоминал алхимические опыты по превращению свинца в золото: блеск появлялся, но суть вещества от этого не менялась. Хотя некоторые решения были весьма остроумны, практичны и порождали волну комментариев от автолюбителей. Зато другие были откровенной глупостью. Например, генератор собачьего лая при открытии багажника машины. Зачем?

А вот о Саше Корбус красавчик ничего не писал. Как будто ее и не существовало в жизни Максика. Биткоины и Форд Фокус значили для блондинчика больше, чем женщина, с которой он спал. Только однажды Сашина тонкая длинношеяя фигурку засветилась на фотографии с какого-то городского мероприятия. И то безо всяких комментариев. Гордина это задело. Как и то, что Максик, публикуя портреты Сашиной работы, не афишировал их авторство. Будто они были скриншотами с зеркала. Паршивец неблагодарный!

На самом деле эти «анонимные» портреты были самым важным на странице красавчика. Было очевидно, что Максик тащится от своих изображений. Каждый новый образ добавлял ему по несколько свежих «друзей», а точнее подружек - глупых восторженных тинэйджеров, падких на смазливую внешность. Они строчили тупые комментарии типа: «Ты красивый как модель. Напиши мне». Но на страстные призывы Максик неизменно отшучивался примерно в таком стиле: «Спасибо. Но год выпуска моей модели для тебя немного староват». Естественно, - решил Гордин. – Зачем альфонсу связываться с безденежными малолетками?

Вот и последний портрет, на котором Максик в очередной раз демонстрировал свой совершенный торс, вызвал новый шквал девчачьих восторгов. Одна безграмотная идиотка с ником «Ат4аяная» так впечатлилась, что по-простому предложила себя: «Хочиш быть моим парнем? Со мной тебе будет улетно». Но красавчик сразу же отшил ее: «Дарагая, у меня аэрофобия. Я литать боюсь».

Глеб, как научил его Леха Вормин, пытался заходить странички Максовых малолеток, но быстро оставил затею, потому что ничего, кроме раздражающей глупости, найти там было невозможно.

Да. Что бы Гордин не думал по поводу Максика, добытого «говна» было явно недостаточно для использования его по назначению. Идея «наказания за преступление» постепенно приобретала пугающие признаки безнадежности. Глеб уже и сам с трудом вспоминал, кого именно и за что он хотел наказать...

- Привет, пап!

- Ну, здравствуй, сын. Что не звонишь?

Гордин, как обычно, испытал укол совести, поскольку в последнее время звонил родителям редко, а бывал – и того реже.

- Но ты же знаешь, как оно обычно бывает... На работе вечная запарка. Скоро релиз. Продукт заказчику сдаем. Времени совсем нет...

- Но поесть-попить-опорожниться хватает?

- Шутишь?

- Нет. Если на все это нашлось время, мог бы выкроить еще минут десять для разговора с матерью. Узнать хотя бы, как она себя чувствует.

Увы, отец был прав. Глеб сократил общение с родителями до минимума, когда закрутился его бурный роман с Анной. Он знал, что ни отец, ни мать не одобряют связи с замужней женщиной. А для него самого отношения с Анной были самым важным в его тогдашней жизни. Рассказывать правду он не мог, врать не хотел... И потому стал отговариваться постоянной занятостью.

После разрыва жизнь Глеба опустела. Но его продолжали терзать воспоминания и сожаления, посвящать в которые родителей было бы неправильно. Да и сейчас Гордин не мог ничего им рассказать. Его нынешняя жизнь, в которой он «добывал говно» и строил планы мести девчонке, совершенно не годилась для откровений. Поэтому Глеб предпочитал отговариваться хронической занятостью.

Родители обижались, особенно мама. Глеб понимал, что она заслуживала лучшего отношения от единственного сына, которому посвятила всю свою жизнь. Но он не мог найти иного способа защитить свой неблагополучный внутренний мир от вмешательства матери, переживавшей его беды острее своих собственных. Зачем ей лишняя боль? Зачем ему лишнее чувство вины?

- Как мама себя чувствует? Не болеет?

- Нет, не болеет, - успокоил отец. - Хотя много ходит по врачам. Но, по-моему, больше для развлечения. Кстати, спасибо тебе за медстраховку. Поликлиника ей очень нравится. Говорит, хорошие врачи: внимательные, компетентные.

- Ну и замечательно. А сам как?

- Да что я? Скриплю помаленьку. Лучше расскажи, что у тебя?

Именно этого вопроса Глеб боялся больше всего. Его голос неосознанно приобрел скучающее выражение, характерное для лжи:

- Все нормально. Работаю.

- А с личной жизнью как? Ты когда матери внуков обеспечишь? Вон она каждую неделю к племяннице ездит - с детишками поиграть. Думаешь, ей не хочется с родными понянчиться? Тебе ведь уже скоро тридцать три, сын... Ты что же до пенсии жену будешь искать?

- Пап, не начинай! Ну, когда мне этим заниматься?

- А ты считаешь, что писать программки важнее?

- Предположим, **не** считаю. Просто я еще, наверное, не встретил свою женщину.

- Так не сиди! Делай же что-нибудь! Ты же предприниматель!

Глеб тяжело вздохнул. Обычно разговоры о семье и детях вела с ним мама. То, что в агитационную кампанию включился еще и отец, было плохим признаком. Видно, у матери совсем иссякло терпения. Вот и решила использовать для воздействия на сына стратегический ресурс.

- Пап, - вдруг не удержался Гордин. – А у тебя когда-нибудь было, что женщина провоцировала тебя на глупые и... и даже безобразные поступки?

- Многообещающее начало. Кто она?

- Да это не то, что ты думаешь, - уверенно соврал Глеб. – У меня на работе конфликт с одной там... тестировщицей.

- А-а-а...

- Так было или не было?

- Было. Я на такой женщине женился.

- Ты считаешь свою женитьбу на маме глупостью?

- Может, и глупостью. Но, если б начать все сначала, я бы многое в своей жизни поменял... Но не это... Да. Так когда ты к нам заедешь, сын? Может, в эти выходные получится?

Начало следующей недели прошло для Гордина в производственных заботах. Компания готовила релиз. Дел хватало у всех – от генерального до стажеров. Глеб сидел на работе допоздна и волей-неволей отвлекся от своей шпионской активности.

Зато, когда в следующий раз он зашел на страничку Максика, под последним портретом – тем самым, с обнаженным торсом – появился необычный комментарий. Писала не какая-нибудь там соплячка, а взрослая женщина, называвшая себя «Мадам»:

- Прекрасные данные, Малыш. На таких активах, как у тебя, можно неплохо зарабатывать. Поверь, это надежней, чем биткоины.

Максик отозвался почти сразу:

- Где, как и сколько, Мадам? ☺☺

- Напиши мне в личку, Малыш. Я сделаю тебе весьма интересное предложение.

Глеб был крайне заинтригован этим диалогом. Фантазия подсказывала самые нескромные, но удобные для него варианты. Дальше, по всей видимости, переписка переходила в личную почту. О чем там договаривались Максик и Мадам, было неизвестно. Что же она ему предложила? Стать ее альфонсом? И согласился ли он? Глебу нужно было знать это наверняка.

Вот это было уже кое-что и заманчиво пахло - как самое настоящее «говно»!

Утром Гордин снова наведлся в закуток Лехи Вормина.

- Ого, явление Мегабосса народу! Видал, как мы выступили? Заказчик рыдал от счастья!

- Красавчики! Я вчера у них акт на закрытие этапа подписал.

- Круть! Но ты ведь не за этим, чувачок, - прищурился Злобный Червь и нагло ухмыльнулся. – Ты пришел помочь мне обновить монитор?

- Что-то вроде того, Червячок, - Гордину ничего не оставалось, как согласно кивнуть, и Леха хмыкнул, донельзя довольный своей проницательностью.

- Как у тебя дела с твоей папарацци? Нарыл какое-нибудь говнецо?

- Нет, ничего. Все чисто.

- Па-а-анятно. И чо теперь будешь делать?

- Помнишь того смазливового блондинчика с ее портретов?

- Угу. Я почему-то так и подумал. Хочешь узнать, не трахает ли он до кучи кого-нибудь еще?

- Не совсем. Меня интересует его общение с одной Мадам.

- Давай, выкладывай. Кстати, когда заявочку на монитор можно подать?

- Не хаами, Червячок!

- Я чо, - отступил Леха. - Я исключительно в интересах бизнеса.

- Ладно, вымогатель. В конце следующей недели, когда деньги за этап поступят. Устроит?

- Умеешь ты руки выкручивать, Мегабосс! ОКэ, подожду. Ну, излагай, чо там за Мадам.

Вместо слов Глеб открыл сайт и показал Лехе заинтриговавший его диалог.

- Да, чувачок, даже меня зацепило. Чо же она ему предложила? Щас мы все узнаем.

- Прямо сейчас?

- Ну а чево ждать-то. Спринт на три минуты.

Леха некоторое время постучал по клавишам и удовлетворенно крикнул:

- Вот оно. Па-а-анятно. Но я разочарован. Прикинь, чувачок, она ему работу предлагает.

- Работу?!

- Угу. Вот смотри – в модельном агентстве.

Глеб пробежал глазами по строчкам переписки. Мадам писала, что она - владелица агентства «Шармэн». Ее модели рекламируют ведущие мировые бренды одежды и белья. Она предлагала Максику попробовать себя в этом бизнесе: «У тебя прекрасные внешние данные, Малыш. Но, сам понимаешь, конкуренция огромна. Я могу сделать твою карьеру стремительной и яркой».

- Как ты думаешь, Червячок, это действительно модельное агентство или публичный дом?

- ИМНО³⁶ разница невелика. Но щас посмотрим, - пальцы Лехи так и летали над клавиатурой. - «Шармэн». Реально есть такое агентство. На рынке уже семь лет. Щас глянем, кому принадлежит. Владелец... Нет, владелица. Ирина Пащенко.

- Пащенко? – память Гордина откликнулась на знакомую фамилию. - Она имеет какое-нибудь отношение к пивному королю? Может, жена или дочь?

- Не, не дочь точно. Для дочери семь лет в бизнесе – это слишком. А жена, если только бывшая. Щас у Пащенко блондинка лет двадцати с пятым силиконовым номером. Я в сетке видел. Может, он от бывшей фирмой откупился?

- И что, серьезная фирма?

- Судя по сайту, вполне. Вот, вишь, их портфолио. Бренды не топовые, но приличные. Ого! Гля, тут фотка самой мадам Пащенко.

Мадам Пащенко оказалась дамой на пороге пятого десятка, но тщательно следящей за своей внешностью. Вот уж где был проведен полный тюнинг! Немного силикона и ботекса, очень много дорогой косметики, горсточка бриллиантов в ушах, на груди и на пальцах. Едва заметные непрофессионалам следы профессиональной работы стилиста, визажиста, массажиста. И уверенное выражение лица властительницы как собственной жизни, так и чужих судеб.

- Прикинь, чувачок, какая хищная! – восхитился Леха. - Предейтор! Такая слопаёт целиком и не подавится. Блондинчику придется вкладывать в нее свои активы, пока Мадам не надоест. Или пока не найдется еще более ценный актив.

- Да уж... Кстати, я не дочитал, а он согласился?

- Щас узнаем, - Леха открыл вкладку с перепиской. – Вишь, согласился познакомиться с джоб оффером³⁷. А вот и сам оффер. А ничо себе бабки за посмотреть-пощупать. Может, и мне в этот бизнес податься? А? Как мыслишь, Мегабосс?

- Сначала придется научиться хотя бы регулярно принимать душ, - недовольно повел носом Гордин.

- Злой ты!

- Какой есть. А ты можешь вынуть оффер из почты?

- Это как, чувачок? Чтобы он ваще не приходил? Так вот же он, уже пришел!

- Нет, мне просто копия нужна.

- Па-а-анятно. Это – сколько хошь. За новый монитор, Мегабосс, я тебе всю их переписку копирну. Сольешь своей папарацци! Это круче, чем стучать в налоговую!

- А, может, он сам ей уже все рассказал? – неуверенно предположил Гордин.

- Ага! И взял рекомендации «своим активам» для устройства на работу. Если чувак выбирает такой бизнес, жить с ним будет либо безнадежно влюбленная debilка,

³⁶In My Humble Opinion, по моему скромному мнению

³⁷Предложение нанимателя о работе, которое подписывает кандидат

согласная на все, лишь бы с ним. Либо корыстная сучка. Ну, или такая как эта Мадам – любительница чистого траха. Твоя папарацци такая?

- Нет. Насколько я знаю, нет.

- Па-а-анятно. Тогда скоро у нее начнутся проблемы. Торопись, чувачок: с твоей помощью или без, но эта парочка по любому скоро разбежится. Хочешь успеть подгадить – сливай инфу прямо сейчас. Товар скоропортящийся.

- Ты думаешь?

- Угу. Уверен на все сто. Кстати, интересно было бы знать, чем дело кончится. Намекнешь?

- Нет.

- Па-а-анятно. Традиционно без комментариев? Ладно, чувачок, комментарии я сам прочитаю. А всю инфу я тебе к вечеру намылю в лучшем виде. И не забудь про мониторчик. В конце следующей недели, так?

Глава 12

- Сливать или не сливать? – мучился сомнениями Глеб.

Он получил то, что хотел. Добытая Лехой Ворминим информация была достаточно болезненной, чтобы отомстить Корбус. Чтобы дать ей на собственной шкуре почувствовать, как отвратительно, когда кто-то ковыряется в твоей личной жизни. И, если бы следовать первоначальному плану, то теперь Глебу оставалось сделать только один последний шаг: отправить письмо с информацией о новой карьере любовника. И, конечно, подписаться, чтобы девчонка поняла, от кого и, главное, за что ей эта гаденькая посылочка.

Но близость долгожданного отмщения больше не радовала Гордина. И даже напротив, огорчала. Глебу было жаль девчонку, пребывающую в безмятежном неведении об уже свершившемся предательстве.

Он вспомнил с детства запечатлевшийся в памяти образ предательства. Однажды отец повез Глебку на Птичку³⁸. Не на нынешнюю, что на рынке Садовод, а еще старую, в Калитниках. Уже на подходе начинались ряды торговцев «по случаю», предлагавших беспородных котят и щенков, голубей, кур, баночки с аквариумными растениями и мелкой рыбешкой. В середине ряда стоял парень со взрослой овчаркой. Было жарко, собака лежала на земле, положив печальную умную морду на вытянутые лапы. Она лежала неподвижно, и не поднимая головы. И только глазами следила за протекающим мимо людским потоком, готовая при первых признаках опасности броситься на защиту хозяина. Собака не понимала, зачем тот так долго стоит на одном месте. Но, если хозяину так нужно, она должна быть рядом. Везде и всегда рядом. И бедная псина даже не догадывалась, что на спине у нее лежала табличка со словом «продается». А рядом была проставлена очень малая цена ее преданности и верности. «Смотри, сын, и запоминай, - сказал Глебу отец. – Так выглядит человеческая подлость».

³⁸ Птичий рынок

Сейчас Саша Корбус оказалась в положении той собаки. Разве она заслужила предательство? Едва ли. Но смазливый Максик уже сделал свой выбор, и разрыв с ним стал неизбежен. Девчонке будет больно... Гордину тоже было больно полгода тому назад, когда от него ушла Анна.

Хотя теперь, с позиции опыта, Глеб точно знал, что все, что ни делается - к лучшему. Если бы сегодня его спросили: «хочешь, чтобы Анна вместе с сыном пришла к тебе и осталась навсегда?», он бы однозначно ответил «нет, не хочу». Его чувство перегорело. А полгода назад он мечтал о совместной жизни, уговаривал Анну и обижался, что она недостаточно верила в силу его любви. Неужели Анна знала его лучше, чем он сам? Или просто лучше знала жизнь...

Саше Корбус тоже предстоит помучиться прежде, чем она поймет, что разрыв с никчемным блондинчиком - в ее же собственных интересах. Глеб, сделает доброе дело, слегка ускорив развитие событий. Червяк же сказал, что парочка по-любому разбежится - чуть раньше или чуть позже... Лучше раньше: меньше будет лжи, меньше унижения. Врач тоже причиняет пациенту боль. Ради исцеления...

Но внутри Глеба не смолкал ехидный голосок совести, который твердил: «Ты стараешься ради себя. Ты хочешь всего лишь устранить соперника». И это было правдой.

В конце концов, утомившись от самокопания, Гордин принял решение. В теле письма он написал только одно слово «Прочти», дал ссылку на страницу Максика с интригующим диалогом и прикрепил джоб оффер. Глеб щелкнул по иконке «отправить». Программа потребовала обозначить тему сообщения, он написал: «Это важно», и письмо улетело.

Воображение Глеба нарисовало картинку, как Саша открывает сообщение, читает и некоторое время не может сообразить, что все это значит. А потом ее кофейные глаза заполняются слезами. Она плачет, по-детски шмыгая носом... И еще он представил себе, как приятно было бы утешить ее: посадить к себе на колени, согреть в объятиях, поцеловать ямочку в основании длинной шеи и самый краешек пухлых губ...

Глеб застыл перед экраном в ожидании ответа, но ответа не было. Прошло пять минут, десять... Может, Корбус вне доступа? Или просто не стала открывать сообщение от неизвестного адресата? Конечно! Как он не подумал! Девчонка не знает его адреса. Мало ли заразы гуляет по сети под видом безобидных писем! Особенно те, что со ссылками и вложениями! Правила кибербезопасности сейчас знает каждый ребенок. Надо написать по-другому!

Глеб переназвал письмо - «Важная информация для Александры Корбус». Так стало понятно, что это не спам, а личное сообщение. Глеб повторно отправил письмо. Но ответа по-прежнему не было. Разочарованный Гордин метался по квартире, не зная, чем себя занять. В другое время он поработал бы с документами. Или просто завис бы у телевизора. Но сейчас его голова была занята только одним: когда же Корбус прочтет письмо и как на него отреагирует.

Через полчаса почтовая программа подала сигнал о полученном сообщении. Глеб подлетел к монитору. Но, к его разочарованию, обнаружил рекламную рассылку интернет-магазина, где он недавно заказывал электробритву.

Саша ответила, когда Глеб уже перестал ждать. Ее письмо было таким же кратким, как и его собственное, и состояло из одного слова «Зачем?». Гордин не понял, какой смысл

вложен в это слово. Что «зачем»? Зачем Макс предал ее? Зачем солгал? Зачем Глеб открыл ей секрет Макса? Зачем мир так несправедлив?

- Зачем что? – бросил письмо-реплику Гордин. На этот раз ответ прилетел всего через несколько секунд:

- Зачем **ты** прислал мне все это?

- Хочу, чтобы ты знала. Он не должен был обманывать тебя.

- А тебе-то что? Кто ты такой?

Электронный адрес Гордина не содержал никаких признаков, по которым можно было бы его идентифицировать. Глеб подумал и написал свое имя. И уже через секунду зазвонил смартфон, на дисплее которого высветилось «Корбус». Похоже, девчонка тоже сохранила его номер в контактах. Схватив трубку дрожащими от волнения пальцами и едва не уронив ее, Глеб выдохнул:

- Да?

- Это ты, ублюдок! Ну что, доволен? Полегчало? – в раздраженном голосе не было и намека на слезы. В нем клочкотала ярость. Как Глеб мог вообразить слащавую картинку утешения плачущей бедняжки? Реальная, непридуманная Саша Корбус была похожа на бедную девочку, как амазонка - на овцу-домохозяйку из рекламы стирального порошка.

- Сколько тебе пришлось копаться в чужом дерьме, чтобы найти информацию? - жалил голос.

- Я сожалею.

- Сожалеешь? Черта с два! Ни за что не поверю, что ты о чем-то сожалеешь, ублюдок! Да ты просто кайф ловишь от своей власти!

- Я, между прочим, доброе дело сделал. Предупредил тебя. Раскрыл глаза на этого твоего... паршивца.

- А-а-а, так все исключительно ради моего блага! И теперь я должна быть тебе благодарна? За то, что ты испортил мне жизнь.

- **Я** испортил?! Вывихнутая женская логика! Твой любовник тебя обманывает, а виноват в этом я? Ты еще пожалей бедняжку. Идиотка!

- Надо будет, пожалею. Не твое дело!

Гордин не хотел, чтобы разговор между ними снова превратился в разборку. Но с первых же слов его, как и в прошлый раз, понесло. Гейзером плеснула горячая армянская кровь - словно девчонка знала на нее какой-то особый заговор. Глеб уже не мог контролировать себя: слова срывались с губ до того, как он успевал подумать.

- Точно, не мое. Это твои проблемы! Купилась на смазливую мордашку...

- А ты чувствуешь себя отомщенным? Граф Монте-Кристо хренов! Ты в экстазе от того, что мне плохо.

- Тебе плохо? Из-за этого гребанного жиголо?

- Нет, мне прекрасно! Просто лучше не бывает! И какое право ты имеешь осуждать его? Ты – сам такой же ублюдок.

- Это какой «такой же»? – возмутился Глеб. - Я никому не изменял.

- Да, ты только попользовался чужой изменой. И не говори мне, что тебя силой заставили. Все вы, мужики, одинаковы.

- Эта фраза так же тупа, как и «все бабы дуры». Я считал тебя умнее. Думал, что ты уже давно все поняла про своего Максика.

- Что поняла?

- Все... Ты же сама хотела сбыть его... Отдать в добрые руки.

Еще не договорив, Глеб понял, что проговорился. Это было плохо. Хуже того – ужасно! Корбус помолчала, осознавая сказанное, и вдруг сорвалась на высокий, с визгливыми нотами, крик:

- Что?! А ты откуда знаешь, что я хотела?! Кто тебе сказал?!

Значит, в СМС-диалоге с Гершвин речь шла именно о Максике. Значит, Корбус уже готова с ним расстаться...

- Ублюдок, ты читаешь мою переписку! – догадалась Саша.

- Прости, - с губ само собой слетело детское извинение, и Глеб едва не прибавил вторую часть заученной формулы: «я больше так не буду».

- Прости? Просто «прости» и все?! Как ты мог, придурок?! Как ты посмел влезть в мою частную жизнь?!

- Так же, как и ты в мою.

- Черта с два! Совсем не так! Ты был для меня случайным объектом в толпе. Я не следила за тобой. А ты, урод, копал именно под меня.

- Но ты причинила мне вред.

- Какой? – в голосе Саши внезапно прозвучал испуг. - Что, муж твоей дамы все про вас узнал? Он ее избил?

- Нет, ничего он не узнал, - вынужден был признаться Глеб.

- Тогда какого черта ты гонишь о каком-то вреде? – снова взвилась Корбус. - Выставка закрылась, все кончилось. Но только не для тебя, злопамятный ублюдок! Ведь так? Ты будешь мстить мне всю оставшуюся жизнь.

- Не буду. Обещаю.

- Так я тебе и поверила! Значит, ты влез в мою почту, в телефон... Придурок! Я подам на тебя заявление. В полицию.

- В полицию? – засмеялся Гордин. Он вспомнил такой же разговор. Только авторы реплик зеркально поменялись местами. - Ты в какой стране живешь, идиотка? Ты сильно повеселишь ментов своим заявлением!

- Это почему же?

- У тебя нет никаких доказательств. А у них - никаких шансов эти доказательства добыть. Раскрытие киберпреступлений - не самая сильная сторона нашей доблестной полиции. Все, тупик. А я скажу, что ты меня оговариваешь на почве личной ненависти.

- Значит, ты сам признаешь, что совершил преступление?

- Только не жди, что я, как какой-нибудь Раскольников, побегу каяться!

- Я бы убила тебя, придурок!

- А вот это фраза может считаться угрозой. Не боишься, что я записываю разговор?

- Такая подлость вполне в твоем стиле. У тебя, кстати, ручка не болит? Не нарывает?

- Нет, почти совсем зажила.

- Жаль! Жаль, что я не могу расцарапать тебе рожу, ублюдок!

В трубке запульсировали короткие гудки: Корбус разорвала соединение. Глеб выдохнул. Да, воистину «благими намерениями вымощена дорога в ад»!

Глава 13

Апрель 20X2 г.

Ярость клокотала в груди и вырывалась наружу злобным мычанием, зашкалившие эмоции требовали немедленного выплеска. Сашка метнулась на кухню, выхватила из шкафчика нелюбимую тарелку с выщербленным краем и со злостью шваркнула ее об кафельный пол. Брызнули во все стороны осколки. Немного полегчало. С этим ублюдком Гординым надо бы обзавестись каким-нибудь дешевым сервизом. Персон на шесть. Нет, на шесть мало будет. Минимум, на двенадцать!

Мерзко, как же все это мерзко! Значит, этот урод ковырялся в ее почте, читал письма и СМСки... Умом Саша понимала, что в современном мире больше нет личных тайн. По крайней мере, тех, о которых осталось хоть какое-то свидетельство в глобальном киберпространстве. Чем ты занимаешься, с кем общаешься, на что тратишь деньги, куда едешь – отследить это проще простого. Но общая формула «все под колпаком» внезапно превратилась для Саши в частный случай. И даже обрела лицо: слегка ассиметричное, смуглое, горбоносое. Значит, угроза Гордина «мало не покажется!» была отнюдь не «жалкими словами»! Да уж, не показалось... Этот ублюдок по-хамски влез в Сашину частную жизнь. И еще имел наглость заявить, что поступил так же, как и она с ним! Вот урод!

Смена электронного адреса или номера телефона ничего не даст. Если Гордин решил следить за Сашей, он с такой же легкостью вскрыет и новый ящик. Единственная защита – оставлять меньше следов. Но как? Комфорт современного мира построен на цифровых технологиях. Сегодня невозможно прожить без соцсетей, без интернет банкинга, онлайн сервисов... Да и в профессии продвижение невозможно без интернета...

Но до чего этот урод докопался? Что смог узнать? И есть ли у Сашки такие страшные тайны, о которых нельзя рассказать никому? Она задумалась. Но в голову ничего не

приходило. Все тайны были до нелепости мелкими. Вот, например, перед Новым годом она стащила из Интеройла бутылку французского шампанского. Вино предназначалось для VIP клиентов, но купили его с большим запасом, а Сашке так хотелось попробовать... Шампанское распили вместе с Максом, но без всякого удовольствия. Брют – аристократическая кислятина. Так и хотелось добавить сладенького...

Что еще? Еще Саша всю зиму врала матери, что надевает под джинсы теплые шерстяные колготки. А сама ходила в гольфах. Кроме двух недель в феврале, когда вдруг грянули нешуточные морозы. Да, на серьезную тайну это тоже не тянуло!

А еще после свидания с Гординым в кафе Саша ласкала себя под душем. В тот день, когда она вернулась домой, Макс сидел на кухне и смотрел боевик, где все время что-то взрывалось. Сашке очень нужно было сбросить неотвязное целодневное возбуждение. Но секса с Максом не хотелось. Хотелось **не** Макса... Тогда Сашка закрылась в ванной и под теплыми душевыми струями... Вот оно! Есть у нее одна настоящая серьезная тайна. Эта тайна... Гордин.

Глеб Гордин. Человек, который бесил и возбуждал. Тот, кого она ненавидела, готова была убить, но не могла выкинуть из головы. Об этой Сашкиной тайне знала только Лана. И еще - безалаберная Алка. Может, той и не стоило признаваться? Но так уж вышло... И именно переписку с Алкой процитировал этот придурок! Что еще он смог узнать из Сашиной корреспонденции?

Александра открыла почтовый ящик. Писем, прочитанные и еще не открытых, накопилось несколько сотен: Саша ленилась регулярно чистить почту. И вот теперь она безжалостно удаляла сообщения, запачканные Гординской нечистоплотностью. Это не имело никакого смысла. Как говорится, поздно пить Боржоми... Но Сашке хотелось немедленно избавиться от того, что напоминало об унижении.

Особенно бесило то, что с произошедшим придется смириться. Гордин прав: в полиции никто даже и не почешется! Нет такого преступления, как нарушение тайны частной переписки. Вот если бы был труп... Но трупа, к сожалению, не было. Точнее, к счастью. Неужели придется утереться, и жить дальше так, будто ничего не произошло?

А на самом деле произошло многое. Сашин безопасный уютный мир разрушился. Макс! Сашка бросила взгляд на стену, увешанную портретами «золотого мальчика». Ну почему все мужики – такие сволочи? Ладно, этот ублюдок Гордин. Чего от него ждать, кроме пакости? Но Макс... Ведь Сашка доверяла ему. Доверяла... Ли? Или просто закрывала глаза на очевидное?

Теперь странные слова и поступки Макса получили объяснение. Разрозненные факты, как кусочки паззла, сложились в целостную картинку. Какая-нибудь мисс Марпл уже сто лет как догадалась бы! А Сашка просто отказывалась замечать очевидное.

Эти поздние возвращения домой... Макс отговаривался работой. Жаловался на кризис, на непомерную требовательность начальства... И Сашка привычно верила ему. Верила, хотя и удивлялась тому, что в последнее время Макс часто пребывал в приподнятом настроении. После целого дня нелюбимой работы? Как минимум, странно... А позавчера он вернулся особенно поздно, схватил Сашку в объятия и радостно закружил ее по комнате. На вопрос «что случилось?», Макс ответил, что получил приличный бонус. И той же ночью он был как-то особенно нежен... Не иначе как заглаживал свою вину, урод!

Черт, ведь все было так очевидно! Макс врал ей. А она, дура, всячески упрощала ему жизнь, глотая то дерьмо, которое он ей скармливал. Три недели мерзкой лжи. Ублюдок неблагодарный!

А ведь Сашка сама соблазнила Макса. Она разбудила в нем тщеславие. Вот он и решил заработать на своей красоте. Красавчик!

Саша нашла взглядом двойной портрет Макса, который она назвала «Ангел и Бес». Ангел был снят в высоком ключе³⁹. Вытянутая, как на картинах Эль Греко, полуобнаженная фигура с чистой гладкой кожей почти растворялась в заливающим ее свете. Легкие, подсвеченные лучом, золотые кудри раскинулись нимбом вокруг прекрасного лица. Печальные глаза были прозрачны – темнели только ободок радужки и зрачок. Да еще темные пятна ноздрей, линия бровей и складка губ. За спиной ангела, словно отдыхая от трудов, висели большие белые крылья, и сам он протягивал зрителю ладонь с одиноким выпавшим перышком.

Бес был сделан в низком ключе. Полуобнаженный Макс сидел на высоком барном стуле, тяжело сгорбившись и положив ногу на ногу. Вдоль ножки спускалась витая веревка, намекающая на хвост. Яркий луч выхватывал из темноты лицо, плечо, бедро и колено, а остальная фигура пряталась в густых тенях. Вымазанные гелем волосы Макса были всклокочены, две пряди торчали рожками. Под носом лежала густая тень, почти достигающая рта, и придававшая лицу зловещее выражение. Саркастическая улыбка кривила губы, а глаза сверкали высокомерным презрением к людям.

Ангел и бес, две стороны человеческой натуры... Два разных человека в одном теле. Но Макс никогда не был бесом, как, впрочем, и ангелом. Обычный человек: в меру добрый, в меру эгоистичный, изрядно ленивый, не слишком умный, умеренно корыстный. И очень красивый.

Да и ничего ужасного по отношению к Саше Макс не совершил. Он просто выбрал свой путь. Свой, но не ее. Она никогда не станет частью мира «глянца», где тело является товаром, который надо украсить пособлазнительней и продать подороже. Макс прекрасно знал Сашино отношение к «гламурятине». И как к жанру и как к образу жизни. Именно поэтому он предпочел ложь: признание означало разрыв. Макс предпочел отдалить неизбежное. По-своему он неплохо относился к Саше. Наверное, даже лучше, чем она к нему. Хотя любви между ними никогда не было.

Сашка еще ни разу не любила. Как другие девчонки – до поросячьего визга, до потери сна и аппетита. Так, чтобы было, что вспомнить на старости лет. И даже важный этап ее женской биографии – дефлорация – обошелся без любви.

От девственности Сашу избавил случайный знакомый, взрослый мужчина. Он находил в этом процессе особое удовольствие. Зато и опыт имел немалый. Поэтому сделал все быстро, хирургически-точно, и почти без боли.

Он подцепил Сашку в клубе, куда та пришла вместе с подружками-однокурсницами. Пара коктейлей, горячие взгляды, комплименты, тесные объятия, поглаживания,

³⁹ Портрет в светлой тональности, где самые темные участки изображения воспроизводятся серым; в отличие от «низкого ключа», где изображение воспроизводится в темной тональности и практически отсутствуют светлые тона

покусывание мочки уха... Все это вскружило голову и разожгло в теле Саши незнакомое ей желание.

Мужчина предложил отвезти Сашу домой, но привез к себе. И предоставил выбор: подняться вместе с ним в квартиру или отправиться домой нетронутой. Сашка догадывалась, что случится, если она примет приглашение. Но соблазн познать взрослую жизнь был так велик...

Мужчина стал целовать ее прямо от порога, постепенно увлекая вглубь квартиры, где уже ждала разобранная постель. Не отрываясь от Сашиных губ, он расстегнул блузку, и оттуда вынырнули на свет две не стесненные лифчиком девичьи грудки с зазорно торчащими вверх сосками. Мужчина приласкал их как котят, и двумя пальцами слегка прищемил им носики. Сашка охнула, прошитая насквозь электрическим разрядом.

Очищенная от одежды, Сашка едва дышала от страха и предвкушения... Но мужчина вдруг убрал руки с ее тела и откатился в сторону. В ответ на протестующее хныканье он засмеялся и щеотно шепнул в самое ушко: «потерпи, уже скоро». Саша слышала треск разрываемой фольги, ощущала сбоку какое-то шебаршение – загадочную подготовку к основному действию. Вернувшись, мужчина мягко развел ей ноги. Саша чувствовала, как у входа в ее тело пульсирует орган, готовый к вторжению. Она ждала и боялась, и в страхе зажмурила глаза. Рот почувствовал влажный вкус уже знакомых поцелуев. Саша немного расслабилась и вдруг дернулась от того, что мужчина больно укусил ее за губу. И пока она сосредоточилась на одном источнике боли, он быстро, одним решительным уколом, сокрушил девственную пленку внутри ее тела. Саша даже не помнила, что было больнее – укус или разрыв плевы.

Странно, как она могла забыть? Ее первый любовник тоже укусил ее за губу! Как и этот ненормальный Гордин. Наверное, это что-то кармическое...

Хлопнула входная дверь, и на пороге появился сияющий улыбкой Макс. Саша в который раз невольно залюбовалась его «золотой» красотой. Только теперь красота перестала быть потаенной. Она сверкала как драгоценный металл высокой пробы...

- Привет, конфетка. Как дела?

Эти слова звучали каждый вечер. Макс всегда называл ее конфеткой. И когда Саша спрашивала, какая, Максим перебирал разные сорта, в зависимости от настроения: ириска, карамелька, апельсиновый ликер, сливочная помадка, шоколадный крем, трюфель... Никогда больше это не повторится! С ней не повторится! А Макс будет целовать чьи-то чужие губы и, облизываясь, произносить: «м-м-м, вишня в шоколаде!». Скрыв боль, Саша отозвалась привычным спокойным голосом:

- Привет. Нормально. Что так поздно?

Лицо Макса затуманилось, он опустил глаза, но ответил почти без запинки:

- Работы много. Я же тебе уже говорил. Приходится сидеть каждый день допоздна.

Макс явно нервничал. Теперь его мимика, позы, жесты – все кричало об обмане. Бегающий взгляд, жалкая морщинка между бровей и напряженность шеи, втянутой в плечи, словно в ожидании карающего удара...

- Макс, а где ты работаешь?

Он переступил с ноги на ногу и нервно кашлянул:

- Что за вопрос? Разве ты не знаешь?

- Нет, не знаю. Так где?

Макс еще больше занервничал перед неизбежностью откровенной лжи.

- Ну... Я же тебе уже сто раз говорил, конфетка.

- Что-то я не припомню, чтобы ты говорил мне о своем переходе в «Шармэн».

Макс был явно не готов к такому повороту событий.

- Как ты узнала? – всполошился он. - Кто тебе сказал?

Саша едва удержалась от банальнейшей фразы «тайное всегда становится явным».

- Узнала. Какая разница, как? Почему ты не рассказал мне?

- Тебе бы это не понравилось...

- Да, не понравилась бы. Но еще больше мне не понравилось, что ты врал мне. Целых три недели.

- Я не хотел, конфетка. Так получилось.

- На кой черт тебе это агентство?

- Я думал, ты поймешь... Я задолбался продавать электрооборудование. Ты же сама всегда говорила, что мне нужно заняться чем-то другим... чем-нибудь творческим. А тут предложение само подвернулось. И деньги нормальные.

- Чем-то творческим? И кем ты там работаешь?

- Как кем? Моделью, конечно. Кем же еще...

- Быть моделью - это не творчество, это эксгибиционизм. Перед камерой.

Макс обиделся: поджал губы. В глазах сверкнул сердитый огонек.

- Значит, я – эксгибиционист? А ты – творец? Ясно. А что ты творишь? По-твоему, это искусство – шляться по улицам и снимать то, что каждый может зафоткать телефоном. За это даже денег не платят!

- А по-твоему, критерий искусства – это деньги. Платят – значит, искусство. Не платят – нет смысла и заниматься. Между прочим, Ван Гог при жизни продал только одну из своих картин. А сегодня они стоят миллионы.

- Только ему это уже фиолетово! Кому сдались миллионы после смерти! И что плохого, в том, чтобы зарабатывать приличные деньги? И жить нормально.

- Вопрос, что ты готов делать за эти «приличные» деньги? Чем придется платить?

- По крайней мере, грабить и убивать меня никто не заставляет.

- Да, тебя всего лишь трахают!

- С чего ты взяла? - по лицу Макса пронеслась тень мимолетного смущения. Теперь, когда Сашка знала, что искать, она сразу же поняла: попала в самую точку.

- Что, разве Мадам тебя еще не трахнула, Малыш? Не попользовала твои «активы»?

Макс молчал, но молчание его было более чем красноречиво. Сашку замутило: она представила себе, как Макс ласкает перезревшие прелести Мадам Пащенко.

- Ублюдок! – взвизгнула она. - Мы с тобой спим в одной постели, а ты притаскиваешь туда эту... эту... похотливую суку. Гадость! Какая гадость! Я презираю тебя!

- Послушай, конфетка. Но это же ничего не значит! Ничего личного! Мне она даже не нравится. Она старуха. Это только бизнес, понимаешь? Если хочешь продвинуться, приходится идти на маленькие жертвы. Ведь я пошел на это для нас двоих. Клянусь тебе!

Макс словно перешел на санскрит - Сашка слушала его и не понимала. Неужели он действительно верит в то, что говорит? Считает, что можно предать в интересах того, кого предаешь? Абсурд!

А Макс все продолжал сыпать самооправдательными аргументами:

- Мне надо месяца два, чтобы закрепиться в агентстве. Как говорит Ирина, надо создать свой личный бренд. А потом я и тебя смогу туда пристроить. Там хорошие фотографии нужны. А ты снимаешь просто фантастически: Мадам меня по твоим портретам выбрала. Ей особенно понравился с голым торсом и в расстегнутых шортах. Ирина сказала, что если бы еще тело маслом натереть и обрызгать водой - было бы вообще супер-сексуально. Но ты постепенно всему этому научись. А деньги там, сама понимаешь, очень хорошие. Не то, что твои нищенские свадьбы.

Неужели с этим человеком Саша жила в одной квартире, спала в одной постели... Так ошибиться...Черт!

- Надеюсь, твоих «приличных» денег хватит на аренду квартиры?

- Почему? – всполошился Макс.

- Потому, что эта квартира – моя, и ты немедленно съезжаешь отсюда.

- Конфетка, не делай этого! Нам с тобой было так хорошо!

- Было... Черт, и прекрати называть меня конфеткой! У тебя теперь другие сладости! Даю тебе полчаса на сборы. И чтобы через полчаса тебя здесь не было.

- Ну да, ясно. Включила обвинителя? А ничего, что ты меня гонишь из дома на ночь глядя? Не лето ведь...

- Ничего! Тебе есть, куда пойти. Позвони своей нанимательнице – она тебя и приютит, и согреет. В конце концов, ты – ее новый актив. Она должна о тебе заботиться, пока ты не окупился.

- Издеваешься? Ладно, я уйду. Но ты сама об этом пожалеешь!

- Не дожدهшься, не пожалею. Лучше быть одной, чем одной из клиенток жиголо.

- А ты так и будешь одна! Тебя же ничего не интересует, кроме твоей дурацкой фотографии. Посмотри, как ты живешь! Круглый год носишь одни и те же затасканные джинсы, жрешь дешевые полуфабрикаты... И то, если не забыла их купить. У тебя нет денег даже на отдых в какой-нибудь вонючей Турции. Зато мы не продаемся! Да лучше уж продаться задорого, чем считать копейки!

- А ты реализовал свою мечту - продался задорого. Поздравляю! А теперь вали отсюда. Тебе не место в нищенской квартире. У твоей Мадам, наверняка, шикарный особняк на Рублевке. Она возьмет тебя к себе комнатной зверушкой.

- Между прочим, Ирина меня ценит. Это твой дед всегда считал меня комнатной зверушкой. Типа: поиграть можно, но недолго.

Какой странный упрек! Сашка даже не подозревала, что Макса настолько задевает презрение старшего Корбуса.

- Причем тут Элем?

- А притом! Для него я всегда шел вторым сортом. Я, видите ли, недостаточно хорош для его талантливой внучки. Гожусь только удовлетворения естественных надобностей. Он всегда настраивал тебя против меня.

- Черт, что ты несешь, Макс? Бред какой-то! Никто меня не настраивал. И потом – нечего валить с больной головы на здоровую. Ты мне изменил. Ты!

- Я... Ладно, может, так и лучше. Я сейчас соберу вещи. В конце концов, переночую в машине.

Последняя фраза взывала к Сашиной жалости. Но Сашка не поддавалась на манипуляцию. Еще не хватало провести ночь рядом с Максом на узком диванчике. А если он попытается восстановить отношения? А он попытается... Нет! Рвать так рвать – быстро и безжалостно!

Тяжело вздохнув, Макс вынул из стенного шкафа дорожную сумку и стал молча бросать туда свои вещи. А Саша села за компьютер, вывела на экран одну из последних фотографий и занялась редактированием. Ее профессия была важнее всех предательств и разочарований. Абсолютная ценность, не подверженная девальвации.

Макс ходил по квартире, хлопал дверцами шкафов, рассчитывая привлечь Сашино внимание, но напрасно. В конце концов, он окликнул ее:

- Саш, я заберу свои портреты.

- С чего бы вдруг? Это мои портреты.

- Твои?

- Ну да, я их снимала, я их отдавала в печать и в багетную мастерскую. И платила, между прочим, из своих нищенских денег.

- Деньги я тебе верну.

- Нет. Портреты останутся у меня.

- На них изображен я, значит, это мои портреты. Я не позволю тебе их использовать.

- Черт, еще один урод попался! Что, у всех мужиков такая ублюдочная философия: «я, мое, не смей без моего разрешения»?
- Что значит «еще один»? Кто он?
- Никто. Не об этом речь! В любом случае, портреты я тебе не отдам.
- Но мне они нужны для работы. Уж ты-то должна это понять!
- Мне тоже нужны. Это мое портфолио. Тем более, что я, хоть и нищенствую, но снимала тебя совершенно бесплатно. Если нужно, бери файлы, печатай, оформляй – делай, что хочешь. Я тебе разрешаю. Но, естественно, со ссылкой на авторство. И с гонорарами за публикации, - Сашке самой понравилось, как она ввернула словечко про гонорары. Если деньги для Макса важнее отношений – пусть платит!
- Значит, так? Ну что ж, ладно! Скоро ты увидишь меня на страницах Вога, конфетка!
- Или каталога «трусы и носки – почтой». Прощай, Макс!

Глава 14

Обиженный Макс громко хлопнул дверью. Тем самым была обозначена жирная точка в Сашином романе. Александра нервно закурила и прошлась по опустевшей квартире. Прежде она никогда не чувствовала себя брошенной - обычно инициатором расставания выступала она. И в этот раз именно Саша выставила Макса из квартиры. Но разрыв был вынужденным. И Саша оказалась к нему не готова.

Первый раз она ощутила болезненный вакуум одиночества. Из дома внезапно исчезли вещи, к которым Саша уже успела привыкнуть. А вместо них издевательски зияли пустоты. Пустые вешалки в шкафу, пустые полки, на которых час тому назад лежали мужские вещи.

Фотографии Макса ухмылялись со стены, словно вопрошая: «ну что, конфетка, ты довольна?». Сашка взгромоздилась на стул и, сорвав портреты с гвоздей, закинула их на шкаф. С глаз долой, из сердца вон! Может, лучше было отдать их? Нет, это принципиальный вопрос! Пусть Макс предал ее как женщину, но она заставит уважать себя как мастера.

От содранных портретов количество пустот только увеличилось. Теперь Сашина обида цеплялась за точащие из стены пустые гвозди. Надо будет повесить какие-нибудь другие фотографии. Скажем, призовую «Осень нашей любви». Хотя нет, ее тоже нельзя. Там красуется еще один придурок. Черт, куда не плюнь – попадешь в какого-нибудь уроды! Лучше уж безобидные натюрморты. Надо будет сделать какую-нибудь симпатичную серию.

Захотелось пить, и Саша побрела на кухню. Щелкнула выключателем. Одна из лампочек, вспыхнув яркой летальной вспышкой, погасла. Сашка обреченно уставилась на люстру – менять перегоревшие лампочки было обязанностью Макса. А теперь придется все делать самой. И капающий в ванной кран теперь тоже ее забота...

Сашка шмыгнула носом. Было до ужаса жалко себя – такую дважды оплеванную, дважды преданную и униженную. Хотелось плакать. Но гордость не позволила раскисать из-за двух придурков. Не стоят они Сашиных слез!

Было уже поздно. И хотя спать не хотелось, лечь в постель все-таки следовало. Завтра - офисный день в Интеройле и, значит, на работу нужно прибыть ровно к девяти. Отец обязательно придет проверить, что Саша его не подводит. Или просто повидаться, потому что соскучился... Нельзя, чтобы папа увидел, как ей плохо.

Саша достала постельное белье. Она не меняла его уже две недели. Наволочки и простыни впитали в себя запах Макса. Позавчера на этих самых простынях они в последний раз занимались любовью. И, как оказалось, Макс уже успел переспать со своей увядающей мадам! Ублюдок! Накатила дурнота. Саша не могла заставить себя лечь на эти вонючие простыни. Она скомкала белье и потащила цветной ком в ванную.

В барабане стиральной машины обнаружили забытые вещи Макса: полосатые трусы и две пары черных носков. Вот и всё что осталось от романа длиной в год: разочарование и грязное белье!

И вдруг в голове искрой вспыхнула роскошная идея. Бросив скомканные простыни на пол, Саша рванулась в комнату и достала из кофра камеру. Та приятной тяжестью легла в ладонь. Какой объектив подойдет? Пожалуй, полтинничек⁴⁰... Да, полтинничек будет в самый раз!

Саша достала со шкафа один из портретов Макса. Тот самый, что понравился мадам Пашенко: с голым торсом, в расстегнутых шортах. Сашка вернула портрет на стену. Затем выставила свет: узкий луч пучком на портрет и другой - рассеянным пятном на пол в двух шагах от стены. Саша укрепила камеру на штативе, подключила пульт дистанционного управления и вручную навела фокус. Сделала пробный снимок, проверила гистограмму. Чуть увеличила экспозицию. Еще раз щелкнула затвором. Результат ее удовлетворил.

Затем Сашка сбегала в ванную и принесла Максовы трусы. Сама встала в пятно света, как раз напротив портрета. Двумя указательными пальцами Саша растянула перед собой трусы, сохранившие выпуклую форму тела. И нажала на пульте кнопку спуска. Лязгнул затвор. Отснятый кадр Сашке не понравился: ее собственная голова закрывала портрет. Да и трусы получились плохо освещенными. Не притягивали взгляд. А должны были!

Через четверть часа Саше наконец-то удалось добиться нужного эффекта. Она удовлетворенно закурила. На часах была половина первого. Спать окончательно расхотелось. Зато возникла острая нужда с кем-нибудь поговорить. Поплакаться и похвастаться отснятым. Но кто в такое время бодрствует?

Звонить Элему или Лане было слишком поздно. Дед давно оставил богемные привычки; спать в их доме ложились до полуночи. Подруг у Саши не осталось. Была одна школьная, да и та вышла замуж и уехала с мужем в Мюнхен. Изредка они созванивались по Скайпу, но чем дальше, тем хуже понимали друг друга. А недавно появилась Алка. Саша набрала в Вотсапе сообщение для контакта Гершвин: «Ты еще не спишь? Можно тебе позвонить? Очень надо!»

Через несколько секунд раздался звонок неугомонной Аллы:

⁴⁰ Объектив с фокусным расстоянием 50 мм. Иначе называется нормальным.

- Привет, подруга! Что стряслось?
- Не спишь? Можешь со мной потрепаться? У меня две новости: плохая и хорошая. Даже три... Но из них две плохие. С какой начать?
- Давай с первой плохой.
- Номер один: выяснилось, что за мной шпионят. Вот уже много дней.
- Я в шоке! Кто? ФСБ? ЦРУ?
- Причем тут ЦРУ и ФСБ? Тот придурок, про которого я тебе рассказывала. Помнишь? Ну, тот, что меня укусил.
- Это черный ворон с твоей фотографии? Офигеть! Зачем?
- Мстит. Я же тебе говорила, что он злиться на меня.
- И как он шпионит? Прямо следит за тобой?
- Нет, следом за мной он, конечно, не ходит... Он хакнул почту, и теперь читает всю мою переписку. Представляешь? Все: письма, СМС-ки, Вотсапки. Может, даже этот наш разговор тоже прослушивается.
- Вот сволочь! Слышишь, козел, ты – гнусная паршивая сволочь! Это я ему, на всякий случай. Слушай, а он случайно не из органов?
- Точно, из органов. Такое как он, как раз и выделяется из внутренних органов.
- Саш, я серьезно.
- Не думаю. Но это еще не все. Новость номер два: я выгнала Макса.
- Вау! Чем дальше, тем чудесатей! А с этим-то что? Он тоже за тобой шпионил?
- Наоборот. На него поступила информация.
- От кого? От этого твоего козла? Офигеть! Агата Кристи! И что он тебе настучал?
- Что Макс нашел себе новую работу и забыл мне об этом сказать.
- И что тут ужасного? Подумаешь!
- А то, что его трахает нанимательница. Она обещала ему охренительную карьеру в своем модельном агентстве. Но, естественно, не бескорыстно. А Макс ухватился за наглость и заявил, что в наших отношениях это ничего не меняет. Что он пошел на это ради нас двоих.
- И кто после этого станет отрицать, что все мужики - сволочи! Я в шоке! А хорошая новость?
- Я придумала тему для проекта! – Сашка выпалила это так радостно, как будто две предыдущие новости не имели никакого значения. – Оцени: «Что остается от любви».
- А что от нее остается?

- Ну, например, Макс забыл у меня в стиралке трусы и носки. И портреты остались. Он хотел их забрать, а я не отдала.

- Ну, ты больная на всю голову, подруга! Надо было отдать. В таких делах лучше, чтобы ничего не напоминало... Проверено.

- А вот хрен ему! Это мои работы, и они останутся у меня. А твой бывший что-нибудь у тебя оставил?

Алла секунду помолчала, соображая:

- Ну да. Распечатанную пачку презервативов в тумбочке... И еще домашние тапочки. Войлочные такие галошки в виде танков. Я ему на 23-е февраля подарила. А он, когда уходил, выставил их в коридоре на видном месте. Этаким хайп «возврат подарков». Ну не козел?

- Козел, - охотно согласилась Сашка. – А как тебе идея проекта?

- Про останки любви? Шикардос! Уверена, что Главному понравится.

- А сама снимешься? Мне модели нужны.

- Сама? – засомневалась Алка. - Я думала, у тебя будут натюрморты.

- Нет, портреты, но с вещами. погоди, сейчас я тебе карточку по Ворсапу кину. Лови, - и Сашка переслала Алле только что снятый автопортрет с Максовыми трусами.

- М-м-м... Позитивненько так. В этом что-то есть.

- Ну что, будешь сниматься?

- Ладно, если ты снялась, я тоже буду.

- А у тебя еще знакомые брошенки есть?

- Полным-полно. Я думаю, что всех когда-то кто-то бросал.

- Мне надо не когда-то, а недавно. Бабушки с забытыми любовниками цилиндрами будут несколько выбиваться из общего стиля. Давай до тридцати. Можешь подогнать мне человек шесть? Только еще так, чтобы оставленное барахло было разнообразным.

- Гуд. Трусы, носки, презервативы и тапочки вычеркиваем. Я завтра поговорю со своими подружками и доложу тебе. Думаю, желающих сфоткаться у победителя «Best of Russia» будет много. Но это все фигня. Что ты будешь делать со своим шпионским козлом? Может, к ментам обратиться?

- Неужели ты серьезно думаешь, что они ради моих гражданских прав хотя бы зад от стула оторвут?

- Ну, не думаю. Но ты же не оставишь все, как есть? Надо же что-то делать! Надо этого типа как-то... наказать!

- Как? Нацарапать на его машине неприличное слово? – предположила Саша.

- Или запихнуть спички в замочную скважину! – откликнулась Алла.

- Или лучше послать ему какую-нибудь вонючую посылку: ну, там разлагающийся мышиный труп. Или собачью какашку...
- А что, собачья какашка – это шикардос! – мечтательно произнесла Алла. - Если ее упаковать в виде какого-нибудь романтического презента... С ленточками и бантиками. Представляешь, как он его распаковывает, распаковывает, распаковывает и ... уп-п-пс! Кстати, какашку можно и не собачью... Жаль, что я не доперла своему бывшему послать!
- Так еще не поздно... А что касается меня, я не знаю адреса этого придурка.
- Печалька! А что ты вообще про него знаешь?
- Имя, фамилию и мобильный телефон. Все.
- Можешь считать, что знаешь и все остальное! На рынке полно левых баз с сотовыми номерами. Я думаю, мы легко поймеем информацию про твоего психа. А хочешь, я ему позвоню и попрошу дать интервью.
- Какое еще интервью? Как у кого ты собираешься брать у него интервью?
- Какая на фиг разница? Как у героя победившей на конкурсе фотографии.
- Тогда он точно откажется. И связь со мной будет слишком очевидной. Не, это не пройдет.
- Тогда как у случайного героя нашего времени. Типа: компьютер случайно выдает телефонные номера – вот он и попался. Могу напроситься к нему домой. Так мы адрес узнаем.
- А не боишься? Домой к незнакомому мужику... Я тебе говорила, что он кусается?
- Ты говорила, что кровь от него кипит. А я не прочь чуток покипеть, - в голосе Аллы зазвучали игривые нотки.
- Нет! – неожиданно для себя выпалила Сашка.
- Вау! Ты что, для себя его бережешь? Я в шоке!
- Хватит гнать ерунду. Я тебя не хочу подставлять!
- Тогда остановимся на первом варианте – просто купим информацию. Или я могу попробовать бесплатно достать. Есть у нас в редакции один айтишный деятель, который залип на меня...
- И что дальше? Пошлем какашку? Или засунем спички в замочную скважину?
- Что-то я не слышу в голосе большого энтузиазма.
- Да мстя какая-то детсадовская получается. Он нарушает мои права, а я ему по почте какашку посылаю. Несимметричный ответ.
- Несимметричный, - с готовностью согласила Алла. - Зато эффективный! А что ты можешь предложить из симметричного?
- Не знаю. Например, шпионить за ним.

- Ты офигела, подруга. Как ты себе это представляешь?
- Например, я могла бы снимать его скрытой камерой. Пока не поймаю его в какой-нибудь позорной ситуации. Хоть на унитазе со спущенными штанами. И с расстроенным желудком. А потом пригрожу выложить все это в сеть, если он не перестанет за мной шпионить. Если меня некому защитить, я буду защищать себя сама!
- Гуд! Представляю, как ты крадешься за ним в сортир! В чёрных очках, в каком-нибудь парике немыслимом...
- Почему обязательно в очках и в парике?
- Ну а как? Он же тебя в лицо знает. Надо как-то замаскироваться.
- Черт, об этом я не подумала, - спохватилась Сашка. - А у тебя есть какой-нибудь парик?
- Целых два. Рыжий с короткой стрижкой. Такой лохматый, веселенький. И черный - гладкий с длинными волосами. Готский. Прямо в стиле твоего черного ворона. К нему черная помада шикарно подходит. И черные очки. Тебе какой?
- Не знаю. Может быть оба, по очереди.
- И сколько ты собираешься за ним шпионить? Убьешь на это на это кучу времени!
- Свобода стоит дорого, - продекларировала Саша. Ей самой понравилось, как звучит фраза. - Придется потерпеть.
- Шикардос! А можно я тоже буду за ним следить?
- Тебе-то это зачем?
- Просто так, по приколу. Все равно пока мужика нет, у меня куча свободного времени. А тут такой шикарный квест!
- Но ты же не умеешь нормально фотографировать...
- Фигня вопрос! Ты же его фотки не на конкурс собираешься отправлять? А кнопку нажать моего таланта вполне хватит. Ты дашь мне свой фотик...
- Так, дорогая, без обид, но свою камеру я тебе не дам. У меня нет лишних ста тысяч, чтобы в случае чего, покупать новую.
- Сто тысяч? Ох, и ни фиги себе! Ладно, мне и мыльница сойдет. Ну что, подруга, мы – партнеры?

Глава 15

На следующий день невыспавшаяся смурная Сашка целый день фотографировала в Интеройле победителей конкурса «лучший сотрудник месяца». А вечером приступила к планированию своей новой, шпионской, карьеры.

Сашины представления о слежке состояли исключительно из расхожих киноштампов: человек в плаще с поднятым воротником, в надвинутой по самые брови шляпе крадется, прячась за киосками, и часто-часто фотографирует. Правда, с киосками в Москве была

беда: при нынешнем мэре их снесли практически под ноль. Но ничего - фотографировать можно из машины. Благо, Сашин малыш-Матиз втискивался в любую свободную дырку у тротуара. А длиннофокусник достает метров со ста. С такой дистанции Гордин ее не заметит. А если даже заметит, то не узнает. В черных очках и в парике.

Парики вместе с черной клеенчатой курткой передала Алка, когда Саша пересеклась с ней по дороге с работы. И еще сунула бумажку с адресом Гордина:

- Оцени. Добыла у нашего айтишника. За почти сестринский поцелуй.

Дома Саша примерила перед зеркалом шпионский камуфляж. В темных очках, черном парике и куртке она сильно смахивала на вокзальную проститутку. Который неудовлетворенный клиент дал в глаз. Зато Сашка в этом проституточном прикиде была совершенно неузнаваема и, следовательно, готова для выполнения шпионской миссии.

Сашин дебют в новом амплуа оказался не слишком удачным. Она опоздала и подъехала к Гординскому дому около девяти. То есть тогда, когда постоянные обитатели офисов уже пьют первую утреннюю чашку кофе на своих рабочих местах.

Дом – шестнадцатизэтажная башня - представлял собой островок элитной недвижимости, обнесенной высокой железной решеткой с будкой охранника на воротах. Доступ к квартире Гордина и даже во двор оказался закрыт. Такого варианта начинающая шпионка не предусмотрела!

Охранником в будке сидел простоватый увалень-альбинос с красными деревенскими щеками. Должно быть, приехал из глубинки на заработки. Немного поразмыслив, Саша наклонилась к окошку:

- У меня доставка в квартиру 132.

- Кому? – скучающе отозвался альбинос.

Сашке хватило хитрости сделать вид, что она уточняет фамилию по бумажке.

- Гордину. Глебу Гордину.

Охранник проверил фамилию по базе и набрал номер. После серии безответных звонков он снова повернулся к Саше:

- Нет никого, уже уехал. Ты с ним созванивалась?

Сашка надела на лицо растерянно-плаксивое выражение:

- Я опоздала. Остановку проехала. И еще вышла не в тот выход. Черт, я же на испытательном сроке, они меня уволят. Это уже третья моя работа!

По широкому лицу альбиноса мелькнула тень сочувствия. Видимо, ситуация была ему знакома.

- А ты позвони ему и скажи, что доставишь к работе.

- Наш приемщик заказов, урод, номер мобильного неправильно записал. А виновата во всем, как всегда, буду я! Слушай, тут у соседнего банка машины стоят. Может, он еще не совсем уехал? Какая у него машина? – Сашкино лицо засветилось мольбой.

Альбинос немного подумал, прикидывая, чем ему может грозить раскрытие информации о жильцах. Но не отказал:

- Только ради тебя. У твоего Гордина черная Тойота. Записывай номер. Только никому, поняла?

- Ой, спасибо! Ты меня просто спас! А на всякий – во сколько он обычно возвращается?

- Понятия не имею. Я за ним не слежу. А у тебя какой график? Завтра работаешь?

Сашка поняла, что приобрела ненужного поклонника. Она выдавила на лице улыбку сожаления:

- Я каждый день работаю. Иначе в столице не проживешь. Сам ведь, небось, знаешь!

- Эт-то точно, - согласился альбинос. – А ты откуда будешь?

- Из Орла, - ляпнула Саша первое, что пришло на ум.

- Соседи, значит. Я из Воронежа. Ну, ладно, бывай, землячка.

Вечером Саше позвонила kloкочущая от нетерпения Алла:

- Ну что? Как все прошло? Удалось что-нибудь зафоткать?

Сашка поведала о своем опоздании и неожиданном препятствии в виде ограды вокруг дома. Алла не смогла скрыть разочарование:

- Я в шоке! Ты что, не могла выехать пораньше?

- Не могла! Я и так встала в семь!

- Да в семь надо было уже стоять около дома этого козла!

- Спасибо за совет, дорогая! – Сашка растворила в голосе изрядную порцию яда. - И что бы я там выстояла? Мы же не знали, какая у него машина. Он бы просвистел мимо меня, а я б даже не чухнулась. Все получилось совсем даже неплохо...

С этим замечанием Алка вынуждена была согласиться.

- Ну и что ты теперь будешь делать?

- Завтра приеду раньше. Поймаю его, когда он будет выруливать из ворот. Пристроюсь в хвост. Сейчас важно выяснить, какой у него распорядок. Куда вообще он ездит, ходит, с кем встречается. Потом будет проще.

- Гуд. А когда ты собираешься заниматься нашим фотопроектom? Я Главному сказала, он уже пыхтит от нетерпения. Кстати, я тебе двух брошенок нашла. Прикинь, у Наташки ее бывший забыл зачитанный в хлам томик Ницше, гирию и банку стероидов.

- Класс! А карточка этого сверхчеловека у нее есть?

- Не знаю, я не спрашивала. А второй, Маринке, бойфренд оставил сфинкса.
- Что оставил? – непонимающе переспросила Саша.
- Сфинкса. Ну, это порода кошек такая. Голые ушастые уроды. Этот кот, сволочь, втрескался в Маринку и стал доказывать хозяину, кто в квартире – альфа самец. Прикинь, обоссал все мужские вещи, до которых только смог добраться. Ну, мужик взорвался! Они с Маринкой поругались, бойфренд свалил. А кота своего, естественно, не взял...
- Роскошная история! Один котяра выжил другого. Слушай, а, может, сделаем проект фото-литературным? Ты тексты напишешь. На каждую историю хотя бы по маленькому абзацу. Как тебе такая идея?

Черная Тойота с вызубренным наизусть номером выехала из ворот без пяти восемь. Сашка отследила, как промелькнул мимо знакомый горбоносый профиль. Успела! Хорошо, что приехала пораньше, к семи-тридцати, а не к восьми, как хотела сначала.

Дорога до офиса, даже по московским пробкам, заняла всего полчаса. Все это время Сашке удавалось держаться на хвосте у Гордина, и она страшно гордилась с собой. Прямо как настоящая сыщица! Вдруг черная Тойота свернула направо и въехала в подворотню. Сашка едва не проскочила. Она резко выкрутила руль и опасно вильнула вправо в самый последний момент. Вслед ей раздался негодующий гудок.

Во дворе перед высоким серым зданием бизнес-центра находилась вместительная парковка, заполненная пока еще только на треть. Гордин припарковал машину ближе ко входу, а Саша пристроилась через ряд от него. С ее места отлично просматривался подъезд и все входящие и выходящие. Повезло!

Саша проследила, как ее объект вышел из машины и энергичной походкой двинулся к подъезду. Высокий, тонкий, весь в черном - Гордин напоминал обгоревшую в пожаре жизни спичку. Почему он носит только черное? Потерял кого-то из близких? Или просто нравится цвет?

Гордин внезапно остановился и обернулся на припаркованные автомобили. Его взгляд равнодушно чиркнул по Саше... Но не задержался. Не узнал! Сашку наполнило восхитительное чувство безнаказанности! Гордин даже не подозревал, что его враг находится рядом, всего в двух шагах... «Мало тебе не покажется!» - нежно прошептала Саша.

И вспомнила, что камера все еще лежит рядом, на пассажирском сидении, а Гордин сейчас скроется в подъезде. Саша схватила фотоаппарат и выставила трубу объектива в открытое окно. К счастью, на входе в бизнес-центр Гордина остановил знакомый, такой же менеджер. Они разговорились, и по тому, как собеседники эмоционально жестикулировали, было видно, что предмет разговора волнует обоих. Ничего компрометирующего в этой сценке не было, но Саша на всякий случай зафиксировала ее.

Видимо, знакомый Гордина пошутил, потому что Глеб рассмеялся. До этого Саша никогда не видела на его лице даже слабой улыбки. А оказывается, этот мрачный тип способен смеяться! Да еще так искренне и заразительно! Лицо Гордина изменилось почти до неузнаваемости: посветлело, помолодело. Его собеседник тоже закатился смехом, и теперь они вдвоем хохотали, как ненормальные. Саша отщелкала несколько кадров. Это

была добыча! К сожалению, не та, что ожидалась - не компромат. Просто хороший снимок - подсмотренная искренняя эмоция.

Мужчины обменялись прощальным рукопожатием, и Гордин исчез за стеклянными дверьми здания. Саша пошла вслед за ним. Но без пропуска пройти в здание оказалось невозможным. На стене висел список фирм-арендаторов помещений. Сашка его подробно изучила, но так и не пришла к выводу, где именно работал Гордин. Очередной облом!

Часа три Саша, ожидая, просидела в машине. Скука смертная, беспросветная! Она пыталась фотографировать, чтобы хоть чем-то развлечь себя. Но доступные сюжеты были угнетающе-однообразны: люди в деловых костюмах с кейсами в руках. Выходят из автомобилей. Поднимаются на крыльцо. Курят. Разговаривают по телефону. Скука!

Разморенная весенним теплом, Сашка едва не пропустила Гордина, когда тот снова возник на крыльце. Она схватила камеру и максимально приблизила картинку. Перед глазами возникло смуглое лицо со всеми подробностями, вплоть до родинок и морщинок на лбу. Смотреть в упор было увлекательно и страшно. В прицеле объектива Гордин был так же близок, как в кафе, перед самым поцелуем. Сашкин рот непроизвольно наполнился слюной, а на губах возник фантомный вкус кофе с сахаром. Тело реагировало независимо от того, что думал разум. А палец автоматически нажимал кнопку спуска.

Ничего не подозревавший Гордин сел в машину и рванул с места. Саша едва успела пристроиться за ним. Он ехал явно не домой. А куда? На втором перекрестке Тойота проскочила на желтый, а Матиз остался стоять на светофоре. Шпионка потеряла свой объект!

Домой Сашка вернулась в растрепанных чувствах. Ничего у нее не получалось с этим дурацким шпионством. Занятие требовало определенных навыков: усидчивости, терпения... Пронырливости. Нет, это явно не для нее. Она один раз поиграет в эту игру... Ради самозащиты. Но больше ни-ког-да...

Единственным утешением было то, что сегодня удалось отснять кое-что интересное. Саша скинула фотографии на компьютер и вывела на большой экран снимок с хохочущими мужчинами. Оба – Гордин и его собеседник - откинулись назад так, будто их раскидало взрывом смеха. Между ними в кадр удачно затесалась проходившая мимо дама, которая смотрела на насмешников с кислым выражением неодобрения. Снимая, Саша ее даже не заметила. Но присутствие в кадре этой зануды создало комический эффект контраста. Хорошая карточка!

Сашка укрупнила изображение, оставив в кадре одно только смеющееся лицо Гордина. И невольно засмотрелась. Ничего зловещего, демонического... Нормальный человек. Даже не просто нормальный – привлекательный. «Как убедительно притворяется! – со злостью одернула себя Сашка. - Даже думать неловко, что такой способен читать чужие письма! Лицемерный ублюдок!».

По привычке, Саша переправила интересную работу Элему, с припиской «оцени». Прилетевший вскоре ответ был краток: «Симпатичная карточка. Мне кажется или я прав? Личность слева какая-то знакомая». Саша вздохнула и написала: «прав». Дед не стал задавать лишних вопросов.

А ближе к вечеру позвонила Алка:

- Ты что-нибудь компрометирующее зафоткала?

- Нет. Только как он идет от машины. Стоит у подъезда с каким-то парнем и ржет. И как идет обратно к машине.

- И это все?! - возмутилась Алла. - Я в шоке!

- А ты думала, что за три часа я сниму его в постели с десятью разными любовницами? И с чемоданом денег во время передачи взятки?

- Но ты же собиралась поймать его в сортире со спущенными штанами?

- Это была... как дед говорит, абстрактная фигура речи.

- А-а-а... И ты три часа тупо просидела в машине? Офигеть! Я бы пошла за ним в контору.

- Я пошла. Но без пропуска меня не пустили. И потом не могла же я ввалиться к нему в офис в проституточном прикиде с Кэноном наперевес...

- А почему ты не поехала за ним? – продолжала копать ухватистая, как питбуль, Алка.

- Поехала. Но не смогла догнать.

- Офигеть! Тоже мне, шпионка! А вдруг он отправился на свидание в какое-нибудь любовное гнездышко! А ты все профукала. И у нас не будет ничего достойного для шантажа!

Саше идея про любовное гнездышко не понравилась. Разозлившись, она отрезала:

- А ты сама попробуй! Посмотрим, как у тебя получится.

На следующий день на дежурство заступила Алла, но ее результаты оказались еще безнадежней. На вечерней «оперативке» она доложила, что собиралась войти вслед за Глебом в здание, но ее остановил охранник. Журналистским удостоверением он не впечатлился - потребовал пропуск. И так как пропуска не было, пришлось отступить. Алка решила скоротать время в ближайшем торговом центре. А там как раз началась продажа летней коллекции. И пока Алка примеряла блузочки и юбочки, гординская машина скрылась со стоянки в неизвестном направлении.

В итоге Алла пополнила «Дело Гордина» всего несколькими снимками: едва различимая голова объекта, срезанная крышами припаркованных автомобилей. Сашка ухохоталась, комментируя эти шедевры уличной съемки:

- Вот это компромат! Если б меня так сняли, я бы что угодно сделала ради уничтожения этого фотоужаса!

В субботу, на четвертый день слежки, Сашка, скучая, простояла у забора Гординского дома до половины одиннадцатого. Она с трудом сдерживала растущее раздражение. Дни

проходили в тупом ожидании. Результата ноль. Куча потерянного времени. Надо прекращать!

Из-под слагбаума вынырнула знакомая Тойота. Через два квартала машина свернула к ближайшему супермаркету. Саша снова уныло сфотографировала выходящего из салона Гордина. Сегодня тот был одет в джинсы и черную ветровку (опять черную!).

Сквозь громадные стеклянные витрины супермаркета Саша отчетливо видела, как Гордин катит по залитому солнцем торговому залу хозяйственную тележку. Как загружает в нее хлеб, яйца, колбасу... Продуктовая корзина холостяка. Сашка могла бы сделать точный прогноз, куда он двинется дальше: Гординские закупки были копией ее собственных. Щелк! Отдел замороженных полуфабрикатов. Пять цветных коробочек переключались в тележку. Щелк! Отдел алкоголя. Объект постоял, задумчиво разглядывая длинные ряды винных бутылок. И что-то выбрал! Щелк! Отдел бытовой химии. Пакет стирального порошка.

Гордин подвез тележку к кассе и стал выгружать покупки на ленту. Саша прицелилась и сделала очередной снимок. Щелк! Но объект, словно почувствовав слежку, внезапно развернулся к окну. Испуганная Сашка резко присела на корточки, но не удержалась и плюхнулась на попу. В руках у нее было самое ценное, чем она владела: верный Кэнон с дорожным объективом. Саша сгруппировалась, инстинктивно прижала к животу свое сокровище и перекатилась на спину. Ноги раскоряченно взметнулись вверх.

- Черт! – выругалась Сашка. – И все из-за этого придурка!

Она лежала на асфальте и размышляла, как бы поизящней подняться без ущерба для чувства собственного достоинства. И фототехники. На помощь ей бросился проходивший мимо молодой человек. Он подхватил Сашу подмышки и одним рывком поставил на ноги.

- Девушка, вам плохо?

- Мне? Ши-кар-дос! – ответила Сашка мрачным тоном.

- Может, скорую вызвать? – пристал заботливый незнакомец.

- Ага, психиатрическую неотложку.

Парень с сомнением посмотрел на Сашу.

- Не бойтесь, я не кусаюсь. У меня всего лишь легкое тайское бешенство в латентной форме. Но спасибо за помощь.

От этих слов молодой человек испуганно отпрянул. Он уже развернулся, чтобы уйти, но тут раздвинулись стеклянные двери супермаркета. В них показался Гордин, кативший перед собой загруженную тележку. Их с Сашей разделяли каких-нибудь десять шагов!

Сашка мгновенно среагировала на опасность. Она развернула к себе любезного молодого человека, схватила в охапку и спрятала у него на груди лицо. При этом она быстро бормотала что-то типа:

- Я вам так благодарна! Спасибо! Спасибо!

Сашка не видела, но слышала, как мимо проскрипела Гординская тележка. А затем почувствовала, как сильные руки незнакомца отдирают ее от спасительной груди:

- Сумасшедшая какая-то! Тебя действительно нужно сдать в дурку.

- Бешенство так ломает людей! Не дай вам бог!

Сашка уже рванула, было, к своему Матизу. Но Гордин закрыл багажник и снова направился к магазину. Саша шмыгнула в сторону. Подождав, пока объект войдет в двери, она проследила, куда тот направился. На этом раз Гордин поднялся на второй этаж, где находились магазинчики с одеждой и обувью. Сашка привычно осталась караулить на стоянке.

Жизнь вокруг кипела. Подъезжали и отъезжали автомобили. Покупатели тащили в руках полупрозрачные в лучах весеннего солнца пакеты. Толкали перед собой доверху наполненные тележки. Грузили покупки в раскрытые брюха багажников.

Александра заметила бродившую вдоль припаркованных машин собаку – тощую, понурую дворнягу. Собака была голодна. А вокруг люди несли и везли соблазнительно-пахучую еду! Но псина обладала поразительным чувством такта. Она ни у кого ничего не просила. Только молча застывала перед полными тележками, словно напоминая людям о добродетели милосердия. Иногда сердобольные граждане подбрасывали ей что-нибудь съедобное. Собака проглатывала угощение не жуя, благодарила слабым вилянием хвоста и, не унижаясь выклянчиванием добавки, уходила к другой машине.

Саша вскинула камеру. Она двигалась вслед за собакой, делая снимок за снимком. Люди по-разному реагировали на безмолвную просьбу голодного. Кто-то гнал псину, шикал на нее. Другие угощали. Некоторые даже ласкали, чесали за ухом. Эта несчастная дворняга проверяла людей на человечность.

Из снятых кадров уже складывалась серия. «Милосердие». Сашка возбудилась, ощутив знакомый прилив вдохновения. Мир сжался до окошка ее видеоискателя. Там сейчас рождался совершенный кадр, который надо было успеть поймать. Остановить мимолетное мгновение.

Собака приблизилась к молодой паре с ребенком. Отец семейства загружал багажник. У ног стоявшей рядом женщины в прогулочной коляске восседал толстощекий пупс. В пухлых ручонках ребенок мямлил сдобную булку. Собака остановилась, застыла. Пупс радостно протянул ей булку. Но псина смотрела не на него, а на женщину. Спрашивала позволения забрать пищу у ее детеныша.

Сашка задохнулась от выразительности этой сцены. Она отсняла несколько дублей. Но картинка не полностью помещалась в кадр: макушка мужчины оказалась срезанной. Не отрывая глаза от видеоискателя, Саша стала пятиться назад: «зуммировать ногами». И периодически нажимала кнопку спуска. Щелк, щелк!

Конспиративные темные очки мешали глазу плотно прильнуть к окуляру. Наэлектризовавшиеся синтетические волосы липли к щекам, лезли в рот. Голове под париком было жарко, кожа потела и чесалась. Но сейчас, в момент пойманной удачи, все это было неважно. Сашка только сдвинула парик на затылок, как деревенский мужичок – свой трех.

Получилось! Но лучше сделать еще несколько кадров. На всякий случай! Собака уже опустила морду и осторожно тянула ее к булке так, чтобы не напугать ребенка. Щелк! И в этот момент Сашкина попа уперлась во что-то теплое, живое. А нога наступила на жесткий ботинок. Над самым ухом знакомый голос произнес: «Осторожней, пожалуйста!».

Сашке едва хватило выдержки опустить лицо еще ниже... И не смотреть, не смотреть! Конечно, это был он, Глеб Гордин. «Никогда еще Штирлиц не был так близок к провалу» - мелькнула в Сашиной голове ехидная фраза.

Гордин отошел. Александра осторожно подняла голову. Объект садился в машину. Сашка рванула к своему Матизу. Бросив камеру на пассажирское сидение, она огляделась. Гордин уже выруливал с парковки. Сашка ударила по газам. И тут черная Тойота неожиданно притормозила, а малыш-Матиз мягко ткнул ее в задний бампер. Раздался аккуратный звук «шмяк», который спазмом отозвался в Сашкином сердце. Все, приехали!

Глава 16

Апрель 20X2 г.

Вот уже несколько дней Глеба беспокоило неприятное ощущение. Будто спина чесалась. И в воздухе, вопреки безмятежности апрельской погоды, висело что-то тревожное.

В субботу утром он поехал в ближайший супермаркет, где обычно делал закупки на неделю. А потом поднялся в обувной магазин и купил себе пару летних ботинок. Вроде бы все складывалось удачно. Но тревожное чувство не уходило. А тут еще на стоянке какая-то идиотка врезалась в него своей задницей. Ведьма с мочалкой черных волос на голове. Она, видите ли, что-то там снимала! Пятилась, как рак, не замечая никого вокруг... И в результате больно отдала Глебу ногу. И даже не подумала извиниться!

Ворча про себя на сумасшедших фотолюбителей, раздраженный Гордин вырулил с парковки и остановился перед выездом на главную дорогу. И в тот же момент он почувствовал легкий толчок сзади. И услышал мягкий звук удара. Бамц! Значит, все-таки интуиция его не обманула!

Глеб обернулся. В зад его Тойоте ткнулся белый Матиз, за рулем которого сидела та самая идиотка с парковки. Та самая. С камерой. Сидела в Матизе – в «косметичке на колесиках». Мозг Гордина быстро соединил разрозненные детали. И наступило прозрение! Как же он сразу не догадался! Так вот отчего чесалась спина!

Он пригляделся к горе-водительнице. Теперь Глеба уже не могли обмануть ни съехавший набор черный парик с неестественным лавсановым блеском, ни темные очки. Вот они – хорошо знакомые черты: крылатые брови, пухлые губы... Ямочка на подбородке. Конечно, это Александра Корбус!

Наверное, Глебу следовало бы расстроиться – все-таки его собственности был нанесен ущерб. И он был бы очень расстроен, окажись за рулем Матиза кто угодно другой. Но в «косметичке на колесиках» сидела она, соблазнительная провокаторша, подстрекавшая Гордина на самые странные поступки в его жизни. И, вопреки здравому смыслу, Глеб был доволен.

Теперь у него была огромная фора: девчонка была стопроцентно виновата перед ним. Виновата по всем правилам и понятиям. Сейчас она будет извиняться. Каяться... Упрашивать его... Он ее простит, и даже ГИБДД вызывать не будет. Но простит не сразу. А сначала немного помучит. В качестве моральной компенсации... И для этого лучше притвориться, что не узнал ее. Интересно, как она будет выкручиваться?

Глеб вышел из салона и походкой кинозлодея медленно двинулся к белому Матизу. С каждым его шагом горе-водительница все глубже вжималась в сидение. Будто хотела просочиться через обивку кресла. Губы Гордина сами собой растянулись в торжествующую улыбку:

- Доброе утро, девушка! Если оно действительно доброе... Как будем компенсировать ущерб?

Глеб с любопытством наблюдал за Сашей. Та недоверчиво смотрела на него, точно проверяла, правда ли, что она осталась неузнанной? И, поверив, засюсюкала тоненьким смешным голоском:

- Я нечаянно. Вы слишком резко затормозили!

Глеб едва сдержал смех: настолько комичным было пицание девчонки. Он сам едва не запищал в ответ. Но удержался и произнес своим обычным баритоном:

- А вы - нет. А надо было! Вы, девушка, ПДД учили? Помните, что виноват тот, кто сзади?

- Помню, - продолжала пищать Корбус. – Но вы слишком резко затормозили. Я не успела...

- Как бы я не тормозил, вина все равно ваша. Ну что, вызываем доблестных инспекторов ГИБДД?

- Нет! – прорвался естественный виолончельный тембр Александры. И тут же она снова вернулась к нелепому писку. – Нет, давайте разберемся без них. Я готова заплатить за ущерб. Сколько вы хотите?

- Пятьсот долларов.

- Сколько?! Да это полный бред! – Глебу показалось, что круглые очки на лице девчонки от возмущения стали еще круглее. Ах, как ему все это нравилось!

Корбус выскочила из-за руля и подбежала к заднему бамперу Гординской Тойоты:

– Вон, смотрите, там только крошечная вмятинка. Я только слегка коснулась.

- Ну, не знаю-не знаю! – продолжил издеваться Глеб. – Удар был чувствительным. Могут обнаружиться скрытые повреждения. В общем, вызываем гаишников – пусть они разбираются, отправляют на экспертизу.

- Нет!

- Девушка, у вас что, машина числится в угоне? Или ОСАГО не оформлено?

- У меня все в порядке! Просто... просто на оформление уйдет целый день. А я очень спешу. Очень спешу, - тараторила Корбус.

- Тогда платите. Пусть будет триста.

- Но у меня нет с собой таких денег!

- Тогда пишите расписку. Укажите номер паспорта и все контакты.

- Нет!

- Нет? А почему? – Глеб почти мурлыкал от удовольствия.
 - М-м-м... У меня нет с собой паспорта, а номер я не помню. Я его недавно поменяла.
 - Тогда оставляйте залог. У вас есть что-нибудь ценное? Вон, я вижу у вас дорогая фототехника. Меня это вполне устроит.
 - Нет! – на этот раз в глазах Корбус засветился неподдельный испуг.
 - Как, опять нет? Интересная у нас с вами ситуация! Тогда что **вы** можете предложить?
 - Давайте я запишу номер вашего телефона. Я позвоню, и мы договоримся, куда и когда я подвезу деньги. Или лучше так: дайте мне номер вашей банковской карты. А я сегодня же сделаю перевод.
 - А вам не кажется, девушка, что согласиться на такой вариант было бы несколько... хм... неосмотрительно? Просто глупо.
 - Но я заплачу! Честное слово, заплачу!
 - Честность - это очень похвальное качество! И поскольку нам предстоит долгое и увлекательное общение, давайте все-таки познакомимся. Меня зовут Глеб. А вас?
- Гордин впился взглядом в Сашино лицо, наслаждаясь отражением ее душевных мук и титанических мыслительных усилий.
- Меня зовут Ал... Алла, - пропищала Корбус, слегка порозовев.
 - Да, прекрасное качество - честность! – резюмировал Глеб. – Может, хватит уже ломать комедию, Ал-лександра? Неужели ты поверила, что этот идиотский парик и писклявый голос могли меня обмануть?
- Девчонка раздраженно фыркнула и подняла глаза. В них светился уже привычный Гордину вызов. И голос окреп, набрал привычную густоту.
- Значит, ты все это время дурачил меня?
 - Так же, как и ты меня. Просто, у меня это получилось лучше.
 - Вот придурок!
 - Прекрасно! И голос вернулся, и привычная лексика. Осталось только скальп снять.
- Глеб протянул руку и стащил с Сашиной головы черный парик:
- Где ты взяла эту гадость? Это ж надо было себя так изуродовать!
 - Не твое дело!
 - Согласен. Итак, что ты здесь делала? Шпионила за мной?
 - Это ты за мной шпионил, ублюдок!
 - Око за око? Или зуб за зуб? Графиня Монте-Кристо, - Глеб протянул руку. – Дай-ка сюда свою камеру.
- Корбус отрицательно помотала головой:

- Черта с два! Ни за что!

Но Глеб настаивал:

- Дай мне камеру. Я верну. А иначе я устрою тебе такой фейерверк неприятностей, что мало не покажется. На сей раз можешь не сомневаться.

- Зачем тебе моя камера? В залог?

- Я, видишь ли, большой поклонник твоего творчества. Хочу посмотреть, что ты там снимала.

Угроза подействовала, и девчонка нехотя протянула Гордину Кэнон. Глеб включил питание и бегло просмотрел снимки на дисплее.

- О! Это же я. Я, я, снова я. Неужели ты все-таки подалась в папарацци?

Корбус молчала. Глеб открыл слот и извлек карту памяти.

- Что ты делаешь, придурок? – взвилась Александра.

- Изымаю вещественные доказательства.

- Это моя собственность! Не смей ее трогать!

Но Глеба ничто не могло вывести из себя. Он победил! По крайней мере, в этом раунде!

- Ты испортила мою собственность, и я имею право забрать твою. В качестве компенсации. Все честно, как ты любишь.

- Я же обещала тебе заплатить.

- А я обещаю вернуть карту. Разумеется, чистую.

- Не смей, ублюдок! Там мои фотографии. Про собаку. Они очень ценные!

- Согласен. Сотру только свои. Видишь, как просто со мной договориться? Я о-о-очень покладистый.

- Ты.... Ты.... – казалось, Корбус сейчас взорвется от гнева. – Ты – полный придурок!

- Пусть так. И, тем не менее, ты мне позвонишь. Мы встретимся, Ал-ександра. Например, завтра? Ты как раз успеешь остыть и немного подумать. Если ты вообще умеешь это делать!

Звонок раздался утром следующего дня. На дисплее смартфона высветился незнакомый номер. А в трубке зазвучал властный мужской голос:

- Глеб Гордин? Здравствуйте. Меня зовут Элем Арсеньевич Корбус.

- Вы дед Саши?

- Значит, вы меня знаете. Что ж, это облегчает мою задачу. Я хотел бы встретиться с вами, юноша.

- Зачем?

- Ну, во-первых, чтобы передать вам деньги. И забрать память. С фотографиями.

- А почему Саша сама не может приехать?

- Может. Но я предложил сделать это за нее. Очень хотелось посмотреть на вас. Я, знаете ли, юноша, о вас много слышан.

- Представляю. Считаете меня гоблином?

- Кем-кем?

- Ну, монстром.

- Давайте встретимся. Я предпочитаю иметь собственное представление. Хочу понять, есть ли какая-то логика в ваших поступках.

- Согласен. Когда и где?

- Ну-с, здравствуйте, юноша, - голос Корбуса звучал доброжелательно. Но руки Глебу он так и не подал.

Гордин видел фотографии Элема Арсеньевича в Интернете. Но на них Корбус представал таким забронзовевшим мэтром. А сейчас перед Глебом стоял приятный пожилой господин с хитроватым прищуром умных карих глаз. Так похожих на Сашины. И еще их роднила характерная ямочка на подбородке.

Корбус уставился на Глеба и застыл в долгом молчании. «Словно насекомое изучает!» – возмутился Гордин. И тут же одернул себя. Он должен понравиться деду Александры! Если хочет продолжить отношения с ней самой. А он определенно хочет!

Эта мысль вдруг выкристаллизовалась из сумбура Гординских чувств. Ему нравится Саша Корбус! Такая колючая, наглая, такая самоуверенная. И еще талантливая. И забавная... С ней не соскучишься! И еще невозможно сладкая. Желанная...

А Сашин дед все смотрел и смотрел. Наконец, Глеб не выдержал:

- И что показал ваш осмотр?

- Я вас именно таким себе и представлял.

- Каким? – не удержался от вопроса Глеб.

- Как бы это выразить? Ту-ту-ту... Вы... Вы не похожи на свои поступки. У вас глаза человека совестливого. Вам стыдно. Вы готовы, нет, вы даже **хотите** принять наказание.

- А вы считаете, что я заслужил наказание?

- Не мне судить, юноша. Это **вы** так считаете.

- Будете воспитывать?

- Я?! Господь с вами! Я вам не отец. Но кое-что мне все-таки хотелось бы узнать... Да, чтобы не забыть, вот, возьмите деньги. Триста долларов, правильно?

- Спасибо, но деньги мне не нужны.
 - В самом деле? А зачем же вы их потребовали, если они вам не нужны?
 - Я хотел снова встретиться с вашей внучкой.
 - О-ри-ги-нальный способ! Вы, юноша, вообще большой оригинал. Все время держите Александру в тонусе: то укусили, то в личную переписку влезли, то 500 долларов потребовали. Как это у вас так получается?
 - А она, между прочим, выставила на публику мою личную тайну. И машину повредила.
 - В ваших аргументах, молодой человек, есть что-то... что-то глубоко инфантильное: «а она мне..., а я ей...» Не находите? Как у вас оказалась Сашина карта памяти?
 - А что она сама говорит?
 - По этому поводу барышня выражается несколько туманно. Я бы хотел выслушать вашу версию.
 - Карту я изъял у нее на месте преступления.
 - Прямо так-таки и преступления? – недоверчиво усмехнулся Корбус. - Или это просто абстрактная фигура речи?
 - Нет, это констатация факта. Она следила за мной.
 - Кто? Александра?!
 - Ну да. Ваша дорогая внучка. Я поймал ее за этим занятием. В идиотском черном парике, в темных очках. Просто девушка Джеймса Бонда.
 - Вы шутите?
 - И не думал даже! На карте были мои фотографии. Поэтому я ее и изъял.
 - Ту-ту-ту... Экая же вы славная парочка! А я еще удивился, когда давеча Сашка прислала мне ваш новый портрет. Тот, где вы с приятелем хохочете. Кстати, неплохая карточка... Я подумал, что вы помирились.
 - Нет. И фотографии этой я не видел. По крайней мере, на карте ее не было.
 - Значит, она охотилась за вами не один день. Вот засранка! Решила отомстить. Но как же вам, интеллигентному человеку, пришло в голову читать ее переписку? О, времена, о, нравы...
- Глеб виновато опустил голову:
- Она выдала мою тайну, я хотел отплатить ей тем же. Чтобы она прочувствовала, как это противно.
 - И цель оправдывала средства?
 - Элем Арсеньевич, вы пообещали меня не воспитывать...
 - Ту-ту-ту... Виноват, юноша, увлекся по-стариковски. Я просто пытаюсь понять специфическую мораль вашего поколения. Что у вас позволено?

- То же, что и у всех. Признаю, я сваял дурака. Это со злости. И еще потому, что Саша мне нравится.
- Нравится? Тогда вы весьма оригинальным способом выражаете свою симпатию. По крайней мере, в мои времена, когда ухаживали за женщинами, их не кусали. И не воровали письма.
- Я ее поцеловал. В ваши времена женщин целовали?
- Целовали, - быстро согласился Корбус. - Но синяков все-таки старались не оставлять. Хотя, конечно, хм-м... Бывало и до синяков...
- Это было как затмение. Я потерял контроль... Разве с вами такого не случилось?
- Бывало по молодости. После этого я обычно женился...
- Элем Арсеньевич, помогите мне! Помогите поправить отношения с Сашей.
- Это каким же образом, позвольте вас спросить? Мне что, держать Александру, пока вы будете демонстрировать ей свои чувства? Например, кусать?
- Я серьезно говорю.
- И я тоже серьезно. Я, конечно, обязан вам, юноша, что вы избавили девочку от того никчемушника, на которого она потратила целый год...
- Так Саша с ним порвала?
- Ту-ту-ту... Как будто для вас, юноша, это новость.
- Я не знал, чем все закончилось. Саша очень переживала?
- Было бы из-за кого... А вот вы мне почему-то симпатичны. Сам не знаю, почему. В вас есть... скрытый темперамент. Вы, Глеб, с виду такой благонамеренный чистюля. А, надо же, потерял контроль. Порох!
- Спасибо. Значит ли это, что вы мне поможете?
- Не уверен. Поймите, юноша, вы мне никто. А Сашка мне родной человек. Если она не захочет, я ничего не смогу сделать.
- Элем Арсеньевич, но она же вам доверяет. Вы для нее – самый главный авторитет.
- Вот поэтому я не могу ее обманывать. И авторитет-то я в профессии, а не в жизни. В жизни девочка сама принимает решения. Захотела уйти из института – ушла. Батюшка с матушкой два месяца ее пилили, и все без толку. Она так решила! Захотела жить отдельно – сняла квартиру, захотела этого Макса никчемного – и поселила его у себя. Вот так. А вы, Глеб, ее бесите. По крайней мере, она так заявляет...
- То есть шансов у меня никаких? Я сам все испортил...
- Ту-ту-ту... На вашем месте, я бы не стал так сразу отступаться. Заявлять-то Александра заявляет... Но уж как-то слишком громко и категорично. Знаете что, юноша, мне моя чуйка подсказывает, что стоит попробовать... Чем черт не шутит?
- Вы так считаете? – встрепенулся Глеб.

- Да. Но у меня есть условия.
 - Какие?
 - Про Сашкину почту даже думать забудь. Больше никаких взломов, никакого чтения писем.
 - Согласен. Больше не буду. Я бы и сам не стал...
 - И карту памяти давай сюда. Надеюсь, ты на ней ничего ценного не стер?
- Глеб достал из кармана куртки арестованную флэш-карту и протянул ее Корбусу.
- Нет, только себя. Но это не представляло никакой художественной ценности. Кстати, там есть очень сильные кадры. Про собаку...
 - Посмотрим-посмотрим. Так, знаете что, юноша. Позвоните-ка мне завтра вечером, и я скажу вам, что у меня получилось.

Глава 17

- И что вы сказали Саше, Элем Арсеньевич? – Глеб с трудом сдерживал радостное возбуждение.
- Сказал, что у меня заказ, и я уже договорился с клиентом. А тут накладочка вышла – меня просят провести мастер-класс в одной творческой организации.
- Гениально!
- Я знаю, юноша. Только вам это будет стоить денег. Придется имитировать реальный заказ.
- Согласен. Сколько?
- Фотосессия у меня, с учетом всех моих регалий, стоит двадцать тысяч. А у Сашки, соответственно, вполтину меньше. Как, юноша, потянете?
- Без вопросов. Спасибо.
- Теперь еще одно важное условие. Может быть, самое важное! Вы можете дать мне стопроцентную гарантию, что наедине с Сашей вы будете вести себя как порядочный человек? Впрочем, глупо спрашивать... Вы ведь ни разу себя с ней так не вели! А я, старый дурак, собственными руками бедную девочку в ловушку заманиваю...
- Элем Арсеньевич, я вам чем хотите поклянусь! Я даю вам не стопроцентную, а двухсотпроцентную гарантию!
- То есть кусаться не будете?
- Дался же вам этот укус! Как будто я на всех подряд бросаюсь!
- А я за всех и не переживаю. А между вами с Александрой был, помнится, такой печальный прецедент...
- Но она меня вывела из себя

- Это она может. Ту-ту-ту... Ладно, юноша, я ведь тоже когда-то был молодым... Послезавтра в моей студии. В 18-30 удобно?

- Да, удобно, - торопливо согласился Глеб, опасаясь, что Корбус передумает.

- Хорошо, записывайте адрес. И, пожалуйста, на месте выкажите хотя бы минимальное удивление по поводу того, что меня не оказалось дома. Сумеете?

Ровно в 18-30 Глеб, волнуясь, позвонил в квартиру. Несколько секунд за дверью было тихо. Гордин успел испугаться, что фотосессия не состоится. Но тут послышались шаги и скрежетание замка. Дверь распахнулась. На пороге Глеб увидел высокую тонкую фигурку с характерной длинной шеей. «Длинношеее», - с внезапной нежностью подумал Глеб.

Увидев Гордина, Саша застыла в недоумении. Губы ее сами собой раскрылись. Взгляд Глеба, словно магнит, прилип к этим пухлым, ярким губам. А Корбус помотала головой, словно отгоняя кошмар, и в возмущении выпалила:

- Что?!!! Ты? Как ты?.. Да как тебе?..

Она попыталась захлопнуть дверь перед носом у Гордина, но тот уже успел поставить ногу на порог. И с фальшивой невинностью в голосе спросил:

- А Элем Арсеньевич дома?

- Нет! **He** дома! – выкрикнула взбешенная Саша. - И ты прекрасно это знаешь! Ну, дед, ну, предатель! Я ему устрою! А ты? Как тебе удалось втереться к нему в доверие?! Чем ты его взял?

- Я просто попросил его сделать портрет, он согласился. Вот и все.

- Все? Отлично! Ты **с ним** договорился, вот пусть **он** тебя и снимает. А я не буду!

- Это почему же?

- Не хочу, и все! Ты мне отвратителен, понял? Убирайся отсюда к черту!

Конечно, у девчонки не хватит сил выставить Глеба из квартиры. Но отказаться фотографировать она очень даже может. Это ее право. Как бы ее уговорить? Глеб не любил манипуляции, но на переговорах часто был вынужден прибегать к такому средству:

- А Элем Арсеньевич сказал, что внука у него – настоящий профессионал. Лучший фотограф России. А на самом деле ты никакой не профессионал. Соплячка. Мне, может, тоже не все клиенты нравятся, но я с ними договариваюсь. А не ору на них, как... взбесившаяся кошка.

Манипуляция подействовала, и Саша, поникнув, сбавила тон:

- Ну почему, почему именно ты?

- Может, я – твоя карма?

- Знаешь, до некоторых пор я считала, что у меня самая лучшая в мире профессия!

- А теперь не считаешь?
- А теперь я знаю, что в каждой профессии есть отвратительные моменты.
- Вот видишь, один урок ты уже выучила! Теперь давай закрепим на практике. Мне нужен портрет.
- Надеюсь, ты с Элемом не на обнаженку договаривался?
- А что, можно было? – хитро блеснул глазом Гордин. – Я не против. Раздеваться?
- Нет!!! – отчаянно вскрикнула Саша. - Я голых мужчин не снимаю.
- Да я, собственно, пошутил. Мне нужен деловой портрет, но не совсем формальный. Для корпоративного сайта или для рекламного буклета...

По Сашину лицу Глеб понял, что она что-то соображает, прикидывает...

- Ладно, клиент так клиент, - Корбус смирилась с неизбежным и перешла на «официальный» тон. - Как к вам обращаться?
- Ну, например, «милый»... - пошутил Глеб.
- Черта с два! – снова вспыхнула девчонка.
- Тогда можешь называть меня просто по имени - Глеб.
- Ладно... Проходите, Глеб. И садитесь пока вот сюда, на табурет.
- А мы перешли на вы? После всего того, что между нами было? – не смог удержаться от поддразнивания Гордин. Его забавляли эмоциональные качели их с Сашей общения.
- Лучше не зли меня. Лучше молчи!

Гордин покорно замолчал. Он прошел в открытую Сашей дверь и с интересом огляделся. Ему еще никогда не приходилось бывать в профессиональной фотостудии. В его фирме все официальные портреты делались прямо за рабочим столом, без отрыва от производства. Приходила девушка Марго с корпоративным Олимпусом на шее и несколько раз шарахала вспышкой по глазам. А потом Глеб сам выбирал наименее противную из серии скучных, невыразительных фотографий. И, конечно, они не шли ни в какое сравнение с замечательными портретами Саши Корбус. Скажем, с портретами Максика. Конечно, Глеб не такой сияющий красавчик, как Макс... Но Анне, например, его внешность нравилась. И клиентов он обычно располагает к себе... Интересно, каким его увидит и представит Александра?

В помещении студии было много свободного пространства, много воздуха и света. Напротив двери под потолком крепился огромный рулон. Из него свисал вдоль стены и дорожкой стелился по полу широкий бумажный лист - серый, как асфальт. Прямо на нем стоял высокий барный стул без спинки. На него-то Саша и указала Глебу. Рядом со стулом торчали две хромированные стойки с осветительными приборами. Один источник света был заключен в полупрозрачный бокс, а на втором красовался металлический конус. По полу, переплетаясь, змеились провода.

Глеб вертел головой, осваивался. И исподтишка наблюдал за Сашей. Здесь, в студии, она переменялась. Эмоции отступили, движения стали четкими и уверенными – профессиональными. Она точно знала, что и как надо делать.

Саша спустила на окне матовую шторку, включила пилотный свет⁴¹ и встала напротив Глеба. Ее взгляд приобрел отстраненную оценивающую цепкость, будто смотрела она не на Глеба, а на какой-то абстрактный объект сложной формы... Начался интимный процесс поиска образа. Саша то подходила ближе, то снова отступала. Даже приседала. И Глебу казалось, что Александра танцует перед ним магический танец. Завораживает. Заманивает. По ее лицу пробегали ясно различимые тени мыслей. Саша озабоченно хмурилась, кусала губы... И при этом не отрывала глаз от Глебова лица.

Внезапно она подошла совсем близко, так близко, что Гордин учуял легкий запах никотина в теплом дыхании, защекотавшем щеку. Саша протянула руку и прохладным пальцем, изучая, провела вдоль переносицы. А затем небрежным жестом развернула Глебово лицо к свету.

Гордин вздрогнул. Сцена до нелепости напоминала другую, что произошла несколько месяцев тому назад во врачебном кабинете. Тогда незнакомая женщина с именем толстовской героини нарушила границы его личного пространства. И что из этого потом вышло...

Воспоминания смешались с предчувствием. Дежа вю. Все это уже было в прошлом? Или только предстояло в будущем? Глеб откуда-то знал, что ему суждено любить эту своевольную девчонку. Им предназначено быть вместе. Вот только Саша пока не готова была принять снизошедшее на Гордина откровение. И если бы сейчас он открыл ей правду, она полыхнула бы негодованием, назвала его придурком. Ей кажется, что она его ненавидит. Глупая девочка! Ее душа уже всколыхнулась навстречу любви, но пока еще защищала суверенность гневом. Ну, ничего, пусть некоторое время позаблуждается. Глеб подождет.

Принятие неизбежного запустило внутри Гордина загадочный механизм генерации любви. Она стала вырабатываться в его организме так же физиологично, как... Как желудочный сок перед едой. Глеб отстраненно наблюдал, как Саша хлопочет вокруг него: разворачивает на стуле, словно бездушный манекен, поправляет наклон головы... Как отходит к стойкам освещения и что-то там колдует. Но все это было внешним. А главное совершалось внутри Глеба. Там прибывала его любовь. И он сидел, боясь пошелохнуться, чтобы не пролить свое чувство. Только бы не кончалось это блаженство! Только бы девчонка с камерой продолжала вертеться перед ним, то подходя вплотную, то отступая!

Внезапно Глеба ослепили две разом сработавшие вспышки. Зачем? Ах да, он же пришел на фотосессию... Еще вспышка, и еще... Теперь, к досаде Глеба, Саша больше не приближалась к нему. Она подавала команды с расстояния. Послушный ее голосу, Гордин выполнял все, что она требовала: менял позу, поворачивал голову, смотрел туда, куда сказано – и чувствовал себя совершенно счастливым. Счастье слепило его так же, как регулярно срабатывающие вспышки.

⁴¹ Луч постоянного света, который показывает, в каком направлении будет срабатывать импульсный свет (вспышка).

Между тем в студии стали происходить перемены. Саша поверх серого фона размотала черный, притушила свет. Даже вспышки теперь не так били по глазам. Пространство сжалось, подталкивая двоих друг к другу.

- Можешь улыбнуться? – скомандовал из темноты Сашин голос.

Конечно. Глеб мог, он **хотел** улыбаться. Его губы тут же растянулись в блаженно-глуповатой гримасе.

- Нет, не так. Нужно только чуть-чуть приподнять верхнюю губу, чтобы был виден краешек зубов.

- Так? – оскалился Гордин.

- Нет. Так слишком агрессивно. Мне нужен только намек. Можешь улыбнуться одной стороной рта? Смотри...

Александра вышла из сумрака на свет и продемонстрировала Глебу образец полуулыбки: правый край ее пухлых губ задрался вверх, обнажив влажно блестящие зубы. Жутко сексуально! Этакий плотоядный призыв, на который хотелось откликнуться. Немедленно. Жаль только, что Саша не ждала отклика... Глеб, как умел, повторил гримасу. И услышал, как щелкнул затвор камеры.

- Теперь наоборот нахмурься. И чуть подними лицо.

- А я смогу посмотреть, что получилось? – проснулся Гордин.

- Нет. Я никогда не показываю клиентам полуфабрикаты.

- А когда будет готово?

- Послезавтра. Или после-послезавтра. Я выложу каточки на Яндекс диск и пришлю ссылку.

Закончив съемку, Саша вывела Гордина из студии в прихожую. И тут же распахнулась входная дверь: в квартиру вошла миловидная чуть полноватая женщина с двумя большими продуктовыми пакетами. Увидев Сашу, она расплылась в улыбке:

- Сашенька, здравствуй! Элем предупредил, что ты сегодня работаешь у него в студии.

- Добрый вечер, Ланочка! Дед... Он скинул на меня свой заказ.

- Ну и как поработалось?

Глеб не слишком прислушивался к разговору. Но он заметил, что незнакомая женщина изучает его. Более того, в ее взгляде угадывалась осведомленность. Будто она сравнивала его, настоящего, с уже существовавшим в ее представлении образом. «А ведь она все про меня знает! – вдруг понял Гордин. – Ей Корбус рассказал. И я ей симпатичен, как и ему. Отлично, еще одно очко в мою пользу». Глеб благодарно улыбнулся женщине.

- Сашенька, а ты не познакомишь меня со своим гостем? – спросила та.

- Это не гость, Лана, это клиент, - недовольно буркнула Саша. - И он уже уезжает.

- Но у клиента есть имя?

- Меня зовут Глеб, - поспешил представиться Гордин.

- Приятно познакомиться, Глеб. А я – Светлана. Или просто Лана. Может, останетесь на чашечку чая? У меня есть лимонный пирог. Очень вкусный, сама пекла.

Как же хотелось ответить согласием. Уютный дом. Милая гостеприимная хозяйка. Чай с домашним лимонным пирогом вместо опостылевшей замороженной еды, наскоро разогретой в микроволновке... И возможность поговорить с Сашей в присутствии сдерживающего третьего. Без риска убить или травмировать друг друга. Объясниться, извиниться... Убедить ее, что он – нормальный человек, а не злобный мстительный гоблин. Может, им, наконец, удастся...

Но Глеб не успел даже рта раскрыть. Саша уже решила за него:

- Нет, Ланочка, ему некогда. Он спешит.

И девчонка с вызовом посмотрела на Гордина. На ее лице отчетливо читалось: «Только посмей, урод!». Глеб мог бы проигнорировать предупреждение... Но ему не хотелось рушить хрупкое перемирие, которое, худо-бедно, установилось между ними. У него еще будет шанс. Через два-три дня будут готовы фотографии. Он позвонит Саше, наговорит кучу комплиментов ее таланту, ее вкусу... Ее видению. Поблагодарит за прекрасные портреты. Скажет, что его никто и никогда так не снимал. Что он счастлив быть моделью настоящего мастера. А потом в знак признательности пригласит ее в хороший ресторан... Впрочем, у него еще будет время подумать!

И Глеб с сожалением отказался от заманчивого предложения:

- Спасибо, Светлана, как-нибудь в другой раз.

- Ну, как знаете, – в голосе Ланы послышалось легкое разочарование. Она повернулась к Саше. - Но ты-то поужинаешь со мной? Или ты тоже спешишь?

- Я поужинаю. Сейчас только провожу этого... клиента.

- Надеюсь, мы с Вами еще увидимся, Глеб.

Лана скрылась на кухне, оставив пару наедине. Надо было прощаться и уходить. Глебу мучительно захотелось обнять Сашу. Покрыть поцелуями беззащитную тонкую шейку... И спелые губы... Но нет! Это невозможно. Сейчас невозможно. Пока Саша верит, что ненавидит его...

И все-таки просто уйти Глеб не смог. Он протянул Саше руку. Словно предлагая перечеркнуть неудачный опыт их прежних отношений и начать все заново. Однако упрямая девчонка демонстративно заложила руки за спину и отчеканила:

- Прощайте, Глеб.

В своем новом состоянии чувственной наполненности Гордин даже не обиделся. Ну что ж поделаешь, если ему выпало влюбиться в упрямого капризного ребенка! Он должен быть терпеливым. Стать терпеливым...

- До свидания. И большое спасибо, Саша. Я получил огромное удовольствие от твоей работы. Элем Арсеньевич прав, ты – настоящий мастер.

Гордин не понял, почему на подвижном Сашкином лице выражение драчливого вызова вдруг сменилось смущением...

- Элем Арсеньевич, вы видели, что она сняла? Да, добрый вечер! Вы видели мои портреты? – захлебываясь, зачастил Глеб.

- Нет, юноша, признаться, не видел. Барышня сказала, что покажет после обработки. А я закрутился и не спросил. А что там?

- Я сейчас вам ссылку скину. И пароль. Посмотрите... Я перезвоню минут через десять.

Когда через четверть часа, Глеб снова набрал номер Корбуса, он услышал в трубке низкий раскатистый смеховой рык.

- Ну, Сашка, ну, засранка! А ведь она к вам точно равнодушна!

- По-моему, она меня ненавидит!

- Я бы не делал таких категоричных выводов, юноша.

- Элем Арсеньевич, не называйте меня юношей - а то я словно в детство впадаю. И, пожалуйста, обращайтесь ко мне на ты.

- Ту-ту-ту... Что ж, теперь, пожалуй, это будет уместно. Глеб?

- Да, Глеб.

- Так вот, Глеб, ты даже не представляешь, как это здорово!

- Здорово? – недоверчиво переспросил Гордин. – Вы считаете, что **это** – здорово?

- Конечно! Замечательные карточки! Сашка столько таланта вложила в то, чтобы снять тебя так... Все, чему я ее учил... Только наоборот! Она учла и выпатила все недостатки лица, скрыла все достоинства. Чистый артаус. Эдакий немецкий экспрессионизм.

Корбус опять зарокотал довольным смехом. Гордин даже обиделся:

- Так вам **это** понравилось?

- А тебе нет? Тебя никто другой так не снимет! Гордитесь, юноша, ваш портрет сделал лучший фотограф России! И очень талантливо сделал! Хотя и не комплиментарно. Это факт!

- Неужели я на самом деле такой урод?

- Нет, конечно! Любое человеческое лицо по природе своей несимметрично. Твое тоже. А Сашка сделала эту особенность главной фишкой портрета. Отличное видение! Еще и чебэхнуть догадалась!

- Что сделать?

- Перевести в черно-белое изображение. Никакого цвета, только линии, света и тени. А линии какие, просто загляденье! Слово резцом высечены. Тебе когда-нибудь нос ломали?

- Да, было в детстве. На лыжах неудачно с горки съехал. А что?
- Я сначала не заметил, а на портрете это очевидно. И левый глаз у тебя больше, чем правый.
- А что-нибудь нормальное у меня есть? – в отчаянье спросил Глеб.
- Ту-ту-ту... Да ты не обижайся! Сашка намеренно сделала на тебя карикатуру. И причем без всякой там Фотожопы. Умничка девочка! Я бы прям на конкурс отправил!
- Как, опять на конкурс? – всполошился Глеб. - Ну уж нет! С меня хватит! Тем более в таком виде. От меня друзья шарахаться начнут.
- Да, пожалуй... А ты что, не видел, как она тебя снимала? Свет-то снизу был. Неужели не догадался, что может получиться?
- Я не смотрел. На самом деле я... я словно в трансе был...
- Так. Ясно. И наша барышня никаких контролек⁴² тебе не показала? Даже на дисплее камеры?
- Она сказала, что никогда не показывает клиентам полуфабрикат.
- Ерунда, должна была показать. Это она тебе отомстила за все. И за укусы, и за письма, и за арестованную карточку. И еще за наш с тобой... преступный сговор... Ту-ту-ту... Между прочим, мне, старому дураку, тоже от нее досталось! За предательство, как барышня изволили выразиться...

Три дня Глеб протомился в ожидании портретов. Фантазировал, каким увидит его Александра Корбус. Он привык к тому, как выглядит его лицо на фотографиях, хотя в зеркале видел себя немного иначе: сказывалась легкая асимметрия черт. Собственная внешность Глебу не слишком нравилась. Он предпочел бы иметь нос чуть поменьше, а губы чуть полнее. Но в целом ничего, нормальное лицо. Даже так: «аскетичное мужественное лицо».

Но то, что Глеб увидел, раскрыв присланную Сашей ссылку, напоминало пощечину. Особенно больно было потому, что Глеб больше не хотел сражаться. Он отказался от самозащиты. А Корбус, оказывается, не забыла ни одной из нанесенных им обид. Девчонка выразила все, что думала о нем, только вместо грубых слов использовала изображение. Она била Глеба тем оружием, которым владела лучше всего.

Фотографий оказалось совсем немного – двенадцать. Они были стилизованы под старое немое кино про вампиров. Глеб однажды видел что-то подобное на канале «Культура». С портретов смотрело чудище Франкенштейна. Гордин сам испугался бы, если б встретил на улице такого гоблина. В том лице (Глеб просто не мог признать его своим!) не было ни одной привлекательной или хотя бы просто нормальной черты: искривленный горбатый нос, низкий лоб с выступающими надбровными дугами питекантропа, разновеликие глаза под набрякшими веками, проваленные щеки. Губы монстра растягивала кривая плотоядная ухмылка, обнажавшая края клыков. Это была та самая полуулыбка, которая

⁴² Распечатка кадров фотопленки в мелком формате на одном листе для дальнейшего выбора и отбраковки. Корбус использует термин в переносном смысле.

на Сашином лице смотрелась соблазнительным сексуальным призывом... А на Глебовом – угрозой загрызть насмерть. Упырь!

Неужели Саша видит его таким: физическим и душевным уродом? Неужели у Глеба нет никаких шансов заслужить ее прощение? Понравиться ей? Значит, посетившее Глеба во время фотосессии предощущение будущей любви – не более чем обманка?

Странно только, что старший Корбус продолжал разговаривать с Глебом, как ни в чем ни бывало. На его месте Гордин пришел бы в ужас от того, что любимая внучка общается с чудовищем. А Элем смеялся, успокаивал... И даже пошутил на тему Сашкиного равнодушия. Может, просто издевался?

- Хочешь, я сам тебя пересниму для поправки твоей самооценки, - продолжал утешать Глеба Корбус. - Можешь не сомневаться, будешь у меня красивым, как Ален Делон.

- Ален Делон? Это который в «Астериксе и Обеликсе»? Он же старый пень! Ой, - опомнился Гордин. - Прошу прощения!

Тут Элем Арсеньевич закатился рычащим хохотом:

- Не смущайтесь, юноша! Молодость вообще жестока. Ту-ту-ту... Вот что значит другое поколение! Ты не поверишь, Глеб, но Ален Делон в свое время был самым красивым парнем на свете. До неприличия красивым! Неужели ни разу не видел?

- Не видел. А вы можете попросить Сашу переснять?

- Сашку? Ох, нравятся мне эти мазохисты!

- Ведь я, как клиент, могу предъявить претензию? А вы скажите ей, что я разозлился и пригрозил написать негативный отзыв в Интернете. Договор-то у меня был как бы с вами... И что это может повредить вашей репутации.

- Ту-ту-ту... Теперь, значит, докатились до шантажа... Вы все никак не уйметсяь, юноша?

- Глеб.

- Упорный ты парень, Глеб. Ты что, серьезно напишешь?

- Нет, конечно! Я просто ищу повод снова встретиться с Сашей.

- Да, упорный. Ты, кстати, чем по жизни-то занимаешься? Не коллектор, случаем?

- Я? Нет, не коллектор. У меня треть компьютерной фирмы. Небольшой... И я там директор по продажам.

- Директор? Су-ри-озно! Работа нравится?

- Если б не нравилась, я бы ей не занимался.

- Что ж, слышу речь не мальчика, но мужа... А годиков тебе сколько?

- Скоро тридцать три.

- И возраст хороший, вменяемый. Ту-ту-ту... Ладно, уговорил. Я Александру Федоровну сподвигну еще на одну фотосессию. Пусть переснимет. Но ты меня на старости лет сводником заделал!

В душе Глеба зашевелилась угасшая было надежда и благодарность к человеку, который взялся помогать ему... Хотя, честно говоря, он не заслужил помощи...

- Не сводником, а...этим... Миротворцем.

- Это такие в голубых касках и с оружием?

- Нет, это такие с крыльями и оливковыми ветвями в руках.

- Ангелы что ли? В ангелы мне пока рановато. Я еще пожить хочу!

- Живите долго-долго, Элем Арсеньевич!

- Подлизываетесь, юноша? Ладно, я сегодня добрый, прощаю. Но ты уж Сашку особенно не раздражай. Найди к ней подход, она у меня славная девочка.

- Я знаю, Элем Арсеньевич... хм-м-м...Вы сказали, что Саша ко мне равнодушна...

- Ту-ту-ту... Ну, возможно, и сболтнул какую-то глупость...

- Я... я... В общем, я к ней тоже равнодушен. Очень...

Глава 18

- Глеб? М-м-м... Это Александра. Александра Корбус.

Как будто бы Глеб нуждался в уточнении фамилии! Организм среагировал на виолончельный тембр быстрой мурашкой по всему телу.

Все-таки она позвонила! Все-таки всемогущему Элему удалось сподвигнуть Александру Федоровну! Хвала святому Корбусу! Определенно, это счастье - иметь такого заступника. Особенно, когда у самого дела идут хуже некуда. И ты ничего не можешь с этим поделать...

Сашины «артхаусные» портреты нанесли чудовищный удар по самолюбию Гордина. Ведь он всегда считал себя добрым порядочным малым. Его ценили на работе. Он был любящим сыном. Может, и не самым лучшим из сыновей, но, очевидно, не худшим. У него были друзья... И никто, кроме Корбус, не считал его ублюдком и подонком. А Саша считала... И, самое ужасное, что она была права... С ней Глеб будто бы становился другим человеком. Она провоцировала его на позорные поступки. Совсем несвойственные Глебу. Или свойственные? Может, Корбус разглядела в нем то, что не замечают другие? И внутри Глеба действительно живет страшный оскаленный монстр?

Если б Саша ничего для него не значила! Глеб удалил бы файлы с адскими карикатурами, убедил бы себя в том, что девочка – злобная мстительная дрянь. И постарался бы поскорее выкинуть из головы всю эту мутную историю. Забыть даже фамилию «Корбус».

Но это было невозможно. Гордин был влюблен. И Сашино мнение о нем было важным. Самым важным. А она Глеба ненавидела... И, к сожалению, имела для этого все основания!

Может, не стоило настаивать на повторной фотосессии? Лучше было оставить все, как есть? Смириться с поражением, извлечь уроки... И затем в одиночестве залечивать больные чувства... Муть в Глебовой душе была похожа на брожение в кишках при расстройстве желудка. Жаль, что не существовало таблетки от душевных колик.

А тут еще, как назло, прицепилась бессонница! Глеб, по привычке, ложился в постель около полуночи, закрывал глаза... Но сон не шел. Мозг бесконечно прокручивал закольцованную пленку. Фильм про любовь. Его несчастную любовь. Вот первая встреча. Девчонка в короткой куртке защитного цвета. Глаза цвета кофе с молоком под крылатыми бровями. Растаявший снег в волосах. И поцелуй... Горький и невозможно сладостный. Поцелуй, изменивший Глебову жизнь. Вот незадачливая шпионка за рулем «косметички на колесиках». Съехавший набок парик, черные круглые очки в пол-лица. Смешной писклявый голос: «меня зовут Ал... Алла». А вот – студия Корбуса. Саша, занятая любимым делом. Ее завораживающий магический танец приближений, кружений, отступлений. Касания прохладных пальцев. И в итоге – голубая ссылочка, присланная в письме... А там – оскорбительное объяснение в нелюбви. Он нелюбим!

И снова все по кругу...

Забывался Глеб только под утро, в коротком тяжелом сне без сновидений. Утром, разбуженный будильником, - злой, раздраженный, с красными от недосыпа глазами он ехал в офис. И целый день ходил с таким выражением лица, что коллеги предпочитали не заговаривать с ним. Без лишней надобности. На фирме шушукались, что у коммерческого кризиса. И только Злобный Червь точно знал, что происходило с боссом.

Они столкнулись возле места, что посещали все без исключения мужчины.

- Ого! У тебя, Мегабосс, такой вид, как у Волана-де-Морта. Проблемы с твоей папарацци?

- Ты видел? – мрачно спросил Глеб.

- Что видел? – намеренно протупил Леха.

- Червячок, не прикидывайся идиотом! Ты ведь видел...

- Ну, видел... Я же все равно уже вовлекся...

- Согласен. И как? Похоже?

- По форме или по сути?

- И так, и так.

- По форме круть. Я ржал, как конь! А по сути бабские обидки. Не парься, чувачок, - утешил Глеба Леха. - Ты – самый пушистый из всех знакомых мне белых пушистиков!

И вот теперь Саша Корбус, сподвигнутая Корбусом, звонила ему.

- Да, - прохрипел в трубку Глеб. Голос снова изменил ему.

- Я... Я хотела... Я могу переснять. Если хочешь... Или дед может...
- Ты. Хочу, чтобы ты.
- Завтра нормально будет?
- Нормально. Там же?
- Нет, в этот раз у меня. У деда студия будет занята. Я тебе сейчас сброшу адрес...
- Не надо, я знаю.
- Ну, конечно, - тут же съязвила Саша. - Я и забыла, что ты про меня **все** знаешь.

По интонации Гордин понял, что война продолжается. Тогда почему Саша пригласила его к себе в квартиру? Неужели Корбус заставил? Нет, пожалуй, даже для его благотворительности это было бы слишком! Может, девчонка приготовила какой-то очередной подвох? Но одно было совершенно ясно – Саша его не боялась. Уже кое-что!

В назначенный час Глеб, наглаженный и начищенный, гладко выбритый, в костюме с галстуком, с букетом белых роз – вылитый жених - стоял на пороге Сашиной квартиры. Он нервничал до дрожи. Сегодня или никогда! Сегодня последний шанс. Глеб уже больше не мог рассчитывать на заступничество Корбуса. Если Глебу сегодня не удастся объясниться с Сашей и заслужить ее прощение – значит, все, конец! Но все внутри восставало против такого финала! Так не должно быть! У этой истории просто обязан быть хэппи энд!

Дверь распахнулась, едва Глеб дотронулся до кнопки звонка. Сердце сжалось от радости вперемешку со страхом.

Саша, прелестное длинношее, смотрела на Гордина с немим вопросом. Словно хотела понять, чего от него ждать? Возможно, она уже жалела, что пригласила его к себе. Страх не показывала. Но Глеб отметил и чуть плотнее, чем обычно, сжатые губы и упрямый, «бодающийся», наклон головы. Ему захотелось успокоить Сашу. Погладить по голове, сказать, что он пришел просить прощения. За все, что натворил...

Глеб растянул губы в улыбку и протянул примирительный букет. Лицо Саши на мгновение просияло. И тут же, к досаде Глеба, погасло.

- Зачем? Это же не свидание. Ты заплатил деньги, и я должна тебе портрет. В прошлый раз я... м-м-м... немного увлеклась экспериментами.
- Я заметил. Кстати, твой дед сказал, что ты сделала крутой артхаус.
- Но клиенту не понравилось.
- Да, я бы предпочел что-нибудь более... традиционное. Да, я хотел... - начал, было, Глеб. Но Саша перебила его:
- Ты проходи, осваивайся... А я поставлю цветы в воду.

И Саша скрылась за дверью на кухню. Ну, вот. Глеб пропустил удобный момент. Ладно, можно и подождать. Даже лучше подождать, настроиться... Глеб вошел в комнату.

Она была совсем не похожа на студию Корбуса. Здесь в одном помещении уживались гостиная, спальня, рабочий кабинет и студия. От гостиной представляли диван, кресло, книжные полки на стене. Плюс стеклянный журнальный столик. На спальню намекал тот же диван, шкаф и тумбочка, где стояла ночная лампа и валялась разная личная мелочь. От рабочего кабинета затесался стол с компьютером и огромным монитором. А студия лепилась у пустой белой стены слева от двери. Там примостился штатив с серым фоновым экраном и две стойки со светильниками. К одной из них был прикреплен черный фотозонт с золотистой внутренней поверхностью. По сравнению с размахом мастерской Корбуса, все здесь выглядело... «бюджетно». И, тем не менее, это была настоящая рабочая студия.

Глеб осмотрелся. Ему было все любопытно. Значит, здесь Саша живет. Спит на этом колченогом диване. Интересно, как? На боку или на спине? И сопит ли во сне? А за столом работает со своими фотографиями. Странно, что в комнате – голые стены. И ни одной Сашиной работы. Нет даже знаменитой «Осени нашей любви». Фотографии, благодаря которой Глеб сейчас оказался в этой комнате... А было бы приятно, если б Саша каждый день смотрела на его изображение. Хотя в «Осени» он обнимает Анну... Нет, «Осень» не годится... И уж точно не годятся «артхаусные» портреты... Каким же Саша снимет его сегодня?

На полках стояло несколько книг, и Глеб не удержался от соблазна просмотреть их. В основном это были дорогие фотоальбомы в подарочном исполнении: Нахтвей, Эрвитт, Алекс Вебб. Книга какого-то Лапина⁴³ про фотографию. Три-четыре каталога фотовыставок... А вот и «Best of Russia», где на обложке красовалась все та же «Осень»...

Звук приближающихся шагов заставил Глеба отпрянуть от полок. А вдруг Саше придет в голову обвинить его, что он опять что-то выискивает, вынюхивает?.. Лучше не рисковать!

Саша внесла вазу с подаренными розами. Постояв несколько секунд в задумчивости, она пристроила букет на журнальный столик.

- Я хотел сказать... - снова начал Глеб. Но Саша, словно предчувствуя неприятный разговор, прервала его:

- Давай потом? Мне надо сделать свою работу...

И Глеб снова уступил. Может, после съемок Саша будет спокойней. И мягче...

- Ну, клиент, как будем сниматься?

- В прошлый раз ты не спрашивала.

- Так в прошлый раз тебе и не понравилось!

- А должно было? – не удержался от колкости Глеб.

- Ой, только не жди, что я буду извиняться!

- Я понял, что извинения – это вообще не твой стиль.

⁴³ Александр Иосифович Лапин (1945 — 2012) - советский и российский фотограф, теоретик фотографии, педагог.

- И не твой тоже! – огрызнулась Саша. - Ладно, проехали. Возьми на кухне табурет и садись у стенки. Я пока свет выставлю. У меня свет не такой, как у Элема – постоянный, а не пыхи.

- Не что?

- Не вспышки.

- Это лучше или хуже?

- Для меня лучше, я все время готовую картинку вижу. А для тебя хуже - глаза могут устать. Ну, и немного жарко будет... Лампы накаляются... Если хочешь, можешь снять пиджак. Тебе музыку включить?

- Включи, если сама хочешь.

Саша запустила на компьютере что-то медитативное, расслабляющее. Но Глебу не хотелось расслабляться. Как в прошлый раз... Он должен сохранять контроль.

- Под эту музыку я засну. Или ты как раз этого и добиваешься?

- Не гони ерунды, - обрезала Саша. Но музыку выключила.

В наступившей тишине стало отчетливо слышно Сашино учащенное дыхание. Сегодня она вела себя как-то странно. Явно нервничала, как и сам Глеб. Но не возмущалась, не нападала... И даже ни разу не обозвала Гордина придурком. К чему бы это?

Глеб вспомнил, как святой Корбус убеждал его, что Саша к нему равнодушна. Может, старикан и не шутил?

Глеб устроился на табурете и стал наблюдать за Сашиной работой. Сегодня она не приближалась – сохраняла дистанцию. Командовала издали: «разверни корпус чуть больше на меня, подними подбородок, посмотри на мое правое плечо». А ведь в прошлый раз и подходила, и даже лицо трогала... Глеб был разочарован. Он решил приманить Сашу. Делал вид, что не понимает, чего она от него хочет. То опустил лицо слишком низко, то отвернулся от света...

Раздраженная его бестолковостью Саша двинулась к нему... Но Глеб прокололся: не смог скрыть довольный блеск глаз. И Саша надулась:

- Или ты делаешь так, как я говорю. Или до свидания. И нечего тратить мое время!

- А ты покажи, как надо. Иди и поправь...

- Я тебе уже сказала: смотри на мое правое плечо... Неужели это так сложно?

Стало понятно: Саша не подойдет! Упрямая девчонка! Глебу оставалось только смотреть на нее издали. И фантазировать о том, что не получилось... Как он обнимает Сашу и ощущает собственным телом все ее соблазнительные выпуклости... Как пьет горячее от никотина дыхание. До конца, пока не оба задохнутся...

Отщелкав длинную серию снимков, Саша вдруг спросила:

- А ты можешь снять с шеи свою офисную удавку? И расстегнуть рубашку?

- Как? Совсем? – смутился Глеб. Он представил себе, как запрятанная под сорочку дикая растительность вырвется на волю.

- Нет, три пуговицы.

- Не надо, волосы на груди будут видны.

- Тогда расстегни четыре.

Вот, паршивка! – обиделся Глеб. - Она же меня дразнит! Специально выводит из себя! А ведь он обещал Корбусу вести себя прилично, по-джентльменски. Только где взять сил на джентльменство, когда девчонка провоцирует его? А Глебу так хочется притянуть Сашу к себе, завладеть ее губами, и... будь что будет! Что она сделает, если он на нее набросится? Расцарапает лицо? Или со всей дури саданет коленом в пах? От нее всего можно ожидать!

Тем не менее, Глеб сделал то, о чем просила Саша. И порозовел, когда она в упор уставилась на курчавые черные волосы, щедро покрывавшие его грудь.

- Отлично! А руки тоже волосатые?

Глеб обреченно кивнул.

- Ши-кар-дос! Так. Теперь развернись в пол-оборота и начни закатывать рукава рубашки. Только очень медленно. И как только я скажу тебе «ап!» - быстро вскинь глаза на меня. Понятно?

Еще бы не понятно! «Ап!» Так обращаются с лохматыми дрессированными животными, когда больше не боятся, что они укусят. Глеб принялся яростно закатывать рукав. Глаза его метали молнии. Прядь, выпавшая из аккуратной прически, повисла над вспотевшим лбом. И когда раздалась команда «ап!», Глеб резко поднял голову и бросил на Сашку взгляд, в котором гнев мешался с обожанием.

- Класс! - воскликнула она. – Теперь еще раз то же самое.

Глеб пробормотал себе под нос ругательство, но повторил еще раз и еще, и еще... От кадра к кадру он все больше накалялся. А Саша казалась все более довольной.

- Вот! Круто! Темперамент так прет! Еще раз. И правое плечо немного опусти.

Когда Глеб последний раз вскинул голову по команде «ап!», девчонка удовлетворенно улыбнулась и сделала шаг назад. При этом она неловко переступила ногами, зацепилась за змеившийся по полу провод, и потянула его за собой.

Как в замедленной съемке Глеб увидел кренящуюся стойку с тяжелым светильником и услышал еще не раздавшийся грохот взрывающегося стекла. Стремительным движением он бросился вперед, к Саше. Через секунду не успевшая ничего понять девчонка оказалась в его объятиях. Глеб окутал ее своим телом, закрыл руками, прижал непокорную, упрямую голову к своему плечу.

И тотчас раздался звон битого стекла. Рухнувшая стойка расколола стеклянную столешницу и вазу с подаренными розами. Вода хлынула на пол. В центр разлившейся лужи приземлилась раскаленная лампа и взорвалась гранатой, рассыпая вокруг тысячи ранящих осколков.

Острые кусочки стекла, словно жала ос, впились в кожу Глеба. В руки, в щеки, подбородок... Один осколок вонзился несколькими миллиметрами выше левого глаза... Еще бы немного и...

Но ни страха, ни боли Глеб не ощущал. Он чувствовал только хрупкость и жар прижатого к голой груди тела... Сначала безвольно-податливого, мягкого. А затем ожесточившегося в привычном сопротивлении.

- Какого черта? Что ты творишь, придурок? – прошипела разъяренная Сашка.

«Сглазил», - успел расстроиться Гордин.

Девчонка резко толкнула Глеба в грудь, отпрянула и, замахнувшись, больно хлестнула ладонью по щеке. Уп-п-пс! И это вместо благодарности... Гордин поднял руку... Саша испуганно отскочила и сжалась. Но Глеб лишь вытер кровь, заливавшую левый глаз, и беззлобно бросил Саше:

- Идиотка! Я же тебя спасал!

Он увидел, как Сашины крылатые брови взлетели на лоб и встали виноватым домиком. Глаза округлились, пухлые губы раскрылись и застыли в форме удивленного «о». Она с ужасом смотрела на окровавленное лицо Глеба и на отпечаток своей пятерни на его щеке. И как бы безмолвно прося прощения, Саша схватила руку Глеба, потянула к своим губам... Но тот резко выдернул ладонь и крикнул:

- Не смей!

От окрика Саша отшатнулась как от удара: не так поняла его слова. И Глеб заговорил с ней другим, успокаивающим, тоном:

- Не делай этого, дурочка. Это опасно: в ранах могут торчать осколки.

- Иди в ванную, умойся, - вышла из ступора Саша.- А потом приходи на кухню.

Когда смывший с себя кровь и стеклянную крошку Глеб вышел из ванной, он попал в руки новоявленной Матери Терезы. На кухонном столе было разложено все содержимое аптечки: вата, пластырь, какие-то тюбики и пузырьки ... Глеб был посажен на табуретку - освидетельствован, осмотрен, ощупан... Саша извлекла пинцетом крошечные осколки стекла, застрявшие в ранках. Если бы не сопротивление Глеба, она бы сплошь залила бы его лицо йодом. И оклеила бы пластырем.

Но Глеб готов был терпеть... Он мог бы сидеть так много часов подряд. Только бы Саша стояла рядом! Только бы продолжала гладить его лицо осторожными пальчиками.

- Кошмар! Ты же мог остаться без глаза!

- Ерунда, - отмахнулся Глеб.

- Ничего себе ерунда! Больно?

Саша наклонилась и кончиком языка лизнула кровоточащую ранку. И констатировала:

- Чисто. Осколков больше нет.

Короткое влажное касание языка положило конец всем сомнениям и страхам Глеба. Он посмотрел Саше в глаза и задал немой вопрос. Ответный взгляд сказал ему: да! Не веря собственному счастью, Глеб осторожно обвил руками тонкую талию и притянул Сашу к себе на колени. И она опустилась так, словно давно уже ждала его приглашения.

На уровне Глебовых губ оказалась шея - та самая тонкая беззащитная шейка, которую ему однажды хотелось сдавить и сломать. А позже - много раз - прильнуть поцелуем. Мечта сбылась, а Гордину все еще трудно было поверить, что происходящее с ним – реальность. Он целовал Сашино горло, пачкая кровью кожу. Целовал скулы и нежную впадинку за ухом. Целовал ямочку на подбородке. И, конечно, пухлые губы, словно вымазанные ягодным соком. А Саша, тихо постанывая от наслаждения, медленно поворачивала голову, подставляя ему все новые места для поцелуев...

Сашины пальцы контрабандой пробрались под рубашку Глеба и нежно затеребили ту самую нецивилизованную растительность, которой он так стеснялся. Но это было... умопомрачительно прекрасно!

- Я слишком лохматый, да? Волосатое чудовище.

- Глупый... Ты такой мягкий и пушистый. И очень-очень сексуальный.

Свою благодарность Глеб выразил в очередной порции поцелуев.

- А зачем ты дразнила меня, бессовестная?

- Дразнила? – Сашка стрельнула в Глеба хитрым взглядом. - Это я специально.

- Понятно, что специально. Монстра тебе оказалось недостаточно? Теперь я буду лохматым диким зверем?

- Лохматым и диким! Мне удалось достать из тебя «рычащего льва», - в Сашином голосе зазвенела непонятная гордость.

- Это типа: «Ап, и тигры у ног моих сели»?

- Причем тут тигры? Знаешь, есть такой знаменитый портрет Черчилля. Ну, там, где он исподлобья смотрит в камеру. Видел?

- Ну, вроде, был какой-то такой... Не помню точно.

- Я тебе потом покажу. Этот портрет снял Юсуф Карш⁴⁴. И называется он «рычащий лев». А фишка в том, что Карш, чтобы получить на лице яркую эмоцию, взял и вырвал у Черчилля изо рта сигару. Представляешь? У самого Черчилля! Естественно, что на портрете он выглядит как зверь.

- А-а-а... И я у тебя буду выглядеть как зверь?

- Ну, почти. На самом деле круто получилось! Такой настоящий мужик: глаза горят, как прожекторы, шерсть - дыбом... Я помню тебя таким с нашей первой встречи. Мне прям очень хотелось снять тебя таким... Смотришь, и кажется, что ты либо убьешь, либо... зацелуешь... до смерти.

⁴⁴ Юсуф Карш (1908 - 2002) - канадский фотограф-портретист

- Второе, - прорычал Глеб и, наклонив Сашину голову, припал к ее раскрывшимся губам. Через долгое мгновение Саша отстранилась:

- Тебе показать, что получилось?

- Потом, - просительно взглянул на нее Глеб.

- Потом будет некогда!

Сашина улыбка была такой многообещающей, что Глеб немедленно согласился:

- Тогда давай, быстро показывай своего «рычащего льва» и...

И в этот момент Сашин телефон, оставленный в комнате, пафосно заиграл «Вставай, страна огромная».

- Это дед! Надо ответить, а то он черт знает что может подумать. Еще примчится сюда...

Саша вспорхнула с Глебовых колен и метнулась в комнату. Но уже через несколько секунд вернулась, прижимая к уху трубку, в которой гудел характерный баритон святого Корбуса, сводника и миротворца. Слов было не разобрать. Зато Сашины реплики позволяли догадываться, о чем шла речь.

- Бу-бу-бу-бу-бу-бу-бу? – беспокоился Корбус.

- Кровопролитие? Дедун, ты будешь очень смеяться, но кровь действительно пролилась.

- Бу-бу-бу-бу-бу!

- Знаю-знаю. Это снижает твою самооценку.

Закрыв глаза от наслаждения, Глеб слушал и упивался тем, как счастливо звучит виолончель Сашиного голоса. И от этого его собственное расширяющееся счастье становилось таким огромным, что его трудно было удерживать в груди.

Глебу внезапно вспомнилась Анна. И ее пророчество, что у него еще будет и любовь, и семья... Как она была права, что прогнала его. Прощание с Анной оказалось прелюдией новой любви. Теперь Глеб больше не испытывал горечи, а только огромную благодарность своей бывшей возлюбленной за все, что случилось и не случилось...

Глеб снова прислушался к разговору Саши с дедом.

- Бу-бу-бу-бу-бу-бу? – продолжал выяснять ситуацию Элем Арсеньевич.

- Нет, Элем, я не шучу!

- Бу-бу-бу?

- Нет, кровь не моя. Но Глеб на самом деле пострадал. И лампа одна разбилась.

- Бу-бу-бу-бу-бу?

- А вот и нет! Я тут совершенно не при чем. Это был несчастный случай! А Глеб меня спас!

- Бу-бу-бу?

- А ты считаешь, что не стоило?

- Бу-бу-бу-бу-бу?

- Ну, в общем, тут кое-что коротнуло. И в результате... м-м-м...

- Бу?

- Мы тут, это...

- Бу-бу?

Сашка вопросительно посмотрела на Глеба и он, блаженно улыбаясь, подсказал ей правильное слово:

- Припаялись...